

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

И. С. Дикарев

**ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ
И ЗАКОННАЯ СИЛА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Монография

Волгоград 2015

ББК 67.410.213.1

Д45

Рецензенты:

д-р юрид. наук, зав. каф. конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета *М. Л. Давыдова*;
д-р юрид. наук, проф. каф. уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии *Н. С. Манова*;
председатель судебной коллегии по уголовным делам, член президиума
Волгоградского областного суда, председатель
Волгоградского регионального отделения
Российского объединения судей *С. М. Юткина*

Дикарев, И. С.

Д45 Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе [Текст] : монография / И. С. Дикарев ; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. – 175 с. ISBN 978-5-9669-1445-5

В монографии рассматриваются сущность и гарантии принципа правовой определенности в уголовном процессе. Исследуются понятие законной силы и свойства судебного решения, раскрывается их значение для реализации данного принципа. На основе выработанных автором подходов к решению этих вопросов показано назначение процессуальной конструкции отсроченного вступления судебного решения в законную силу. В контексте проведенного исследования анализируется ряд проблемных вопросов, имеющих важное теоретическое и практическое значение (преюдиция, приостановление исполнения вступивших в законную силу судебных решений, правовые последствия принесения повторных и новых кассационных жалоб, представлений и др.).

Книга предназначена для ученых, занимающихся проблемами процессуального права, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, а также для практических работников – прежде всего судей, прокуроров и адвокатов.

ББК 67.410.213.1

ISBN 978-5-9669-1445-5

© Дикарев И. С., 2015
© ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», 2015
© Оформление. Издательство Волгоградского государственного университета, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава 1. ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	8
Глава 2. ЗАКОННАЯ СИЛА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ	58
Глава 3. СВОЙСТВА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ	78
1. Неопровержимость	78
2. Общеобязательность	92
3. Исключительность	120
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	156

ПРЕДИСЛОВИЕ

Правовая определенность приобрела значение общепризнанного принципа международного права, распространяющего свое действие на все отрасли национального права, в связи с ратификацией Россией в 1998 г. Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и распространением на нашу страну юрисдикции Европейского Суда по правам человека. Впрочем, это вовсе не означает, что до этого момента рассматриваемый принцип оставался для российских юристов неизвестным.

Социальные нормы, разновидностью которых являются нормы правовые, изначально предназначены для упорядочения отношений между людьми, их определенности, и этот порядок есть важнейшее основание стабильности и безопасности в обществе.

Элементы, через которые в настоящее время раскрывается содержание принципа правовой определенности, не только известны каждому юристу, но интуитивно понятны даже людям, весьма далеким от юриспруденции. В этих элементах заключены чаяния рядового гражданина, желающего видеть в законе надежный щит, ограждающий его права и интересы, а в государстве – гаранта его безопасности.

Именно в обеспечении безопасности (включающей в себя стабильность правового статуса и правоотношений, прогнозируемость последствий своих поступков и бездействия и т. д.) состоит ключевое назначение принципа правовой определенности. Эта черта отчетливо проявляется в терминах, используемых для обозначения рассматриваемого принципа в немецком (*rechtssicherheit*) и французском (*sécurité juridique*) языках, буквально переводимых на русский как «правовая безопасность».

При всей объемности своего содержания принцип правовой определенности не лишен конкретики, которая проявляется в положении его положений к отдельным отраслям национального права. В представленной работе правовая определенность рассматривается как принцип уголовно-процессуального права, где его значение особенно велико, учитывая существенность ограничений, которым подвергаются права и свободы личности, и вытекающую из этого значимость обеспечения правовой безопасности гражданина.

Ключевой элемент принципа правовой определенности в сфере процессуального права – обеспечение стабильности правоприменительных решений, прежде всего вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда. Именно этим обстоятельством обусловлено рассмотрение принципа правовой определенности во взаимосвязи с вопросами о законной силе и свойствах судебного решения.

Правовая определенность – это состояние (режим), обеспечение которого является одной из важнейших задач правовой системы¹. В случае возникновения правового спора это состояние нарушается, сменяется неопределенностью, к преодолению которой стремятся стороны этого спора, использующие для этого предусмотренные законом процедуры, в том числе уголовное судопроизводство. Переход от неопределенности к определенности связывается ими с вынесением судом решения, которое призвано поставить в споре точку, определить их правовой статус и по-новому урегулировать правовые отношения. Но чтобы эти ожидания оправдались, решение суда должно обладать совокупностью свойств, позволяющих охарактеризовать его как окончательное, –

¹ Как верно замечает А.А. Рукавишникова, правовая определенность является не только принципом правового регулирования, но и результатом последнего, к которому стремится любое государство, где права и свободы человека и гражданина – высшая ценность, предопределяющая смысл существования и функционирования всего государства и его органов (см.: Рукавишникова А. А. Соотношение приговора, вступившего в законную силу, и окончательного приговора в уголовном процессе // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 100–101).

в противном случае споры будут продолжаться, а вместе с ними сохраняться состояние неопределенности. Это отчетливо понимали еще древнеримские юристы, разработавшие правовую категорию *res judicata* (решенное дело), пережившую время и сохранившую свою актуальность до наших дней.

В представленной работе обоснована идея о том, что свойства, в которых выражается сила судебного решения – неопровержимость, общеобязательность и исключительность – присущи ему *изначально*, с момента его вынесения и провозглашения, о чем свидетельствует возможность реализации некоторых из них (например, исполнимости, являющейся элементом общеобязательности) до вступления решения в законную силу.

Однако в ряде случаев эти свойства в течение некоторого периода времени пребывают в *потенциальном состоянии* и не активизируются. Это происходит, когда в соответствии с законом судебное решение вступает в силу (приобретает статус *res judicata*) не сразу, а по истечении определенного срока (то есть когда применяется процессуальная конструкция отсроченного вступления судебного решения в законную силу).

Назначение данной конструкции состоит в том, чтобы обеспечить сторонам право на судебную защиту, выражающееся в возможности обжалования судебного акта, которое не могло бы быть реализовано в ординарном порядке в отношении решения, обладающего статусом *res judicata*. Подтверждением правильности такого вывода служат положения закона, предусматривающие, что решения суда, *не подлежащие обжалованию* в апелляционном порядке, вступают в законную силу и обращаются к исполнению *немедленно* (например, ч. 2 ст. 391 УПК РФ).

Если судебное решение не обжалуется или будет оставлено вышестоящим судом в силе, его свойства переходят из потенциального в *актуальное состояние*, то есть активизируются. В этот момент, именуемый в российской процессуальной традиции вступлением в законную силу, судебное решение становится окончательным и приобретает силу *res judicata*.

Как будет показано в работе, каждое из присущих судебному решению свойств так или иначе выражает и обеспечивает окон-

чательность судебного решения и тем самым служит гарантией принципа правовой определенности. Так, неопровержимость препятствует пересмотру вступившего в законную силу судебного решения в ординарном порядке и тем самым утверждает стабильность правоприменительных актов. Общеобязательность выражается в исполнимости и преюдициальности судебных решений. Последняя (преюдициальность), наряду с исключительностью, гарантирует согласованность правоприменительных актов, которая является важным элементом содержания принципа правовой определенности.

Глава I

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

«Право вообще есть процесс придания человеческой жизни целенаправленности и определенности. По существу право – это согласованное решение жить по определенным правилам, поэтому и существо права – в придании общественной жизни заданности, скоординированности и порядка»¹. Эти слова профессора Н.А. Власенко весьма точно характеризуют определенность, с одной стороны, как одно из ключевых, сущностных свойств права, а с другой – как цель, в которой выражается социальное предназначение права.

Чтобы свойство определенности реально присутствовало в праве и было надлежащим образом обеспечено, ему придается характер нормативного требования, выраженного в совокупности правовых норм как международного, так и внутригосударственного права.

Советская теория процессуального права не рассматривала правовую определенность как идею, которая должна лежать в основе системы процессуальных норм. Лишь с признанием юрисдикции Европейского Суда по правам человека данное понятие прочно вошло в лексикон российской процессуальной науки. Как отмечает В.С. Синенко, выделение данного принципа является веянием практики Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации².

¹ См.: Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2015. С. 12.

² См.: Синенко В. С. Некоторые аспекты принципа правовой определенности в гражданском процессуальном праве // Новая правовая мысль. 2013. № 1. С. 114.

Примечательно, что в тексте Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в Протоколах к ней³ термин «правовая определенность» не употребляется. Признание данного принципа, равно как и раскрытие его содержания явилось результатом системного толкования положений Конвенции Европейским Судом по правам человека.

Этот принцип фиксируется в целом ряде положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод: в требованиях наличия правовых оснований для любых допустимых ограничений (вмешательств в осуществление) гарантируемых ею прав (ст. 2, 5, 8–12 Конвенции, ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции и др.); создания судов на основании закона (п. 1 ст. 6 Конвенции); правовой регламентации процедуры установления виновности обвиняемого (п. 2 ст. 6 Конвенции); правовой определенности преступления и налагаемого за него наказания (ст. 7 Конвенции); правового регулирования процедуры обжалования приговоров по уголовным делам (ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции) и выплаты компенсации в случае судебной ошибки (ст. 3 Протокола № 7 к Конвенции); недопустимости повторного осуждения или наказания в уголовном порядке (ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции)⁴.

Европейский Суд по правам человека, отметивший, что принцип правовой определенности является одним из основных аспектов верховенства права⁵, весьма часто обращается к этому принципу и конкретизирует заложенные в нем требования, в том числе в тех своих решениях, которые приняты в отношении Российской

³ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) и Протоколы к ней // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ См.: Анишина В. И., Назаренко Т. Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2. С. 40–47.

⁵ См.: Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1999 г. «Дело Брумареску против Румынии (Brumarescu v. Romania)» (жалоба № 28342/95). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Федерации⁶. Данные правовые позиции имеют для российской национальной правовой системы нормативное значение, поскольку, ратифицируя Европейскую Конвенцию, Российская Федерация приняла на себя обязательство признавать *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов⁷. Как отметил Конституционный Суд РФ, решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права⁸.

Положения, в которых раскрывается содержание принципа правовой определенности, закреплены как в Конституции РФ, так и в отраслевом законодательстве.

В связи с этим на правовую определенность как объективно выраженный в законодательстве принцип, соблюдение которого является обязательным, ссылаются и Конституционный Суд РФ в своих решениях⁹, и Пленум Верховного Суда РФ, давая разъяс-

⁶ См., напр.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябух (Ryabukh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 110–119; Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; и др.

⁷ См.: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

⁹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Российская газета. 2005. 20 мая; Определение Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2012 г. № 662-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 6. С. 104–106.

нения по вопросам, возникающим в судебной практике¹⁰. Статус правовой определенности как принципа права не оспаривается и в российской юридической науке. Его признают как специалисты в области конституционного права¹¹, так и представители других отраслевых юридических наук, в частности, теории уголовного процесса¹².

Значимость принципа правовой определенности обусловлена тем, что его соблюдение гарантирует качество и эффективность законодательной, а впоследствии и правоприменительной деятельности¹³. Принцип правовой определенности играет роль одного из ключевых элементов механизма реализации государством принятой на себя обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). Цель его реализации состоит в обеспечении нормальных условий жизни личности, включенной в сферу общественных отношений и взаимодействующей с органами власти (на всех ее уровнях), когда гражданин имеет реальную возможность соотносить свои

¹⁰ См., напр.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // Российская газета. 2012. 21 дек.

¹¹ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 251.

¹² См., напр.: Аширбекова М. Т. Влияние принципа правовой определенности на построение систем судебно-проверочного производства УУС и УПК РФ // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 6–10 ; Аширбекова М. Т., Омарова А. С. Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 61–63 ; Ковтун Н. Н., Шунаев Д. М. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека // Российский судья. 2014. № 9. С. 38–42 ; Ярцев Р. В., Гордеева Н. А. Надзорное производство в контексте принципа правовой определенности // Уголовный процесс. 2008. № 4. С. 43–55 ; и др.

¹³ Плашевская А. А. Понимание категории «правовая определенность» применительно к уголовному судопроизводству в решениях Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. 22 марта 2013 г. / сост. К. Б. Калиновский, Т. В. Соколов. СПб., 2013. С. 133.

действия с требованиями закона и прогнозировать правовые последствия своих действий (бездействия). Причем правовая определенность становится частью действительности только в том случае, когда прогнозируемые последствия действий (бездействия) гражданина не просто предусмотрены законом, но и реально наступают (например, ответственность действительно неотвратима, судебные решения исполнимы и т. п.).

Очевидно, что ни содержание, ни сфера реализации принципа правовой определенности не могут быть ограничены рамками какой-то одной или даже нескольких отраслей права. Данный принцип призван обеспечивать присутствие в праве того свойства, без которого оно перестало бы быть правом, – определенности¹⁴. В связи с этим, по нашему мнению, есть все основания для отнесения принципа правовой определенности к числу общих (общеправовых) принципов права. Как писал М.И. Байтин, общие принципы права характеризуются тем, что относятся к праву в целом, распространяются на все его отрасли, объединяют и как бы цементируют их, способствуют единству и стабильности действующей системы права¹⁵.

Содержание принципа правовой определенности образует система элементов, которые в обобщенном виде могут быть представлены следующим образом:

- 1) стабильность правового регулирования;
- 2) осведомленность гражданина относительно действующих законов и подзаконных нормативных актов, а также правоприменительных решений, затрагивающих его права и законные интересы;
- 3) ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм, правоприменительных решений;

¹⁴ «Два великих начала, – пишет Н.А. Власенко, – рождают, сопровождают и совершенствуют право и его механизм в обществе – разумность и определенность. Они выполняют уникальную роль, являясь началом права, его целью, принципом и свойством» (Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. С. 11).

¹⁵ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 149.

4) единообразное применение закона (в том числе единство судебной практики);

5) стабильность правоприменительных решений;

6) исполнимость судебных решений.

Обладая общеправовым значением, принцип правовой определенности имеет в то же время и отраслевой аспект, отражающий, во-первых, конкретные задачи, решаемые для обеспечения правовой определенности в рамках отдельно взятой отрасли права, а во-вторых, отраслевые гарантии его реализации. Эффективность этих гарантий и достижимость поставленных задач на уровне каждой отрасли права является неперенным условием реализации правовой определенности в масштабах всей правовой системы. Именно этим обусловлена актуальность исследования принципа правовой определенности на конкретном отраслевом материале.

Стабильность правового регулирования

Без стабильного правового регулирования немисливо существование устойчивой, а значит, жизнеспособной и эффективной правовой системы. Лишь сохраняющее преемственность на протяжении длительного времени законодательство способно создать для личности необходимые условия для нормальной жизнедеятельности и обеспечить режим правовой определенности.

Вместе с тем изменения, происходящие в экономической, политической и общественной жизни государства, усложнение и развитие общественных отношений, технологический прогресс требуют постоянной законотворческой работы, направленной на совершенствование законодательства для обеспечения его адекватности современным условиям социума. Соответственно, добиться эффективности правового регулирования без изменения законодательства невозможно, в связи с чем встает проблема соблюдения законодателем разумных (необходимых и достаточных) пределов корректировки нормативных предписаний. Очевидно, что такая разумность предполагает соразмерность измене-

ния законодательства интенсивности преобразований, происходящих в жизни общества. При соблюдении данного требования правовое регулирование может считаться стабильным.

В юридической литературе акцентируется внимание на содержательной стабильности правовой регламентации – сохранении неких базовых основ системы права, отражаемых в системе законодательства во времени¹⁶. Ключевое место в системе таких базовых основ, как представляется, отведено правам личности. В этой связи особое значение приобретает положение ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, запрещающее принятие законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина.

Указанное общее положение развивает нормы ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 54 Конституции РФ и ч. 1 ст. 3 УК РФ, гарантирующие недопустимость привлечения лица к ответственности за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением / преступлением (*nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali*), и запрещающих придание обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность.

В равной мере является недопустимым расширительное толкование уголовного закона, приводящее к ухудшению правового положения гражданина, привлекаемого к уголовной ответственности, и применение уголовного права по аналогии (*in aliam partem*).

В сфере процессуального права изменение законодателем ранее установленных правил, оказывающее неблагоприятное воздействие на правовое положение граждан, должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался *принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства*, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности посред-

¹⁶ Павлов В. И. К вопросу о стабильности законодательства // Актуальные проблемы юридической науки : материалы Респ. науч.-практ. конф., Могилев, 18 мая 2012 г. Могилев, 2012. С. 310.

ством установления временного регулирования, в течение некоего разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям.

Сказанное, в частности, относится к случаям сокращения вследствие изменения законодательства сроков реализации гражданами представленного им права на обжалование судебных решений.

Так, например, Федеральным законом от 4 декабря 2007 г. № 330-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»¹⁷ был сокращен срок обжалования выносимых по гражданским делам судебных постановлений в суд надзорной инстанции с одного года до шести месяцев. В результате лицам, оспаривавшим в надзорном порядке судебные постановления, с момента вступления которых в законную силу прошел период времени от шести месяцев до одного года, надзорные жалобы возвращались без рассмотрения по существу со ссылкой на истечение установленного законом срока обжалования.

Рассматривая обращения таких лиц, Конституционный Суд РФ констатировал, что суды, возвращая заявителям без рассмотрения их надзорные жалобы, поданные по истечении предусмотренного новой редакцией ст. 376 ГПК РФ шестимесячного срока, не учитывали тот факт, что право на совершение процессуального действия по инициированию надзорного производства уже возникло у них по ранее действовавшим правилам, в соответствии с которыми оно могло быть реализовано ими в течение года с момента вступления в законную силу обжалуемого судебного постановления, и именно с этим прежним сроком заявители правомерно связывали свои законные ожидания в отношении возможности обращения в суд с надзорной жалобой¹⁸.

Посредством сохранения разумной стабильности правового регулирования, недопустимости внесения произвольных измене-

¹⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6243.

¹⁸ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 471-О-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ний в действующую систему норм и предсказуемости законодательной политики в социальной сфере поддерживается доверие граждан к закону и действиям государства. Лишь в условиях устойчивости нормативного пространства участники правоотношений могут в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и действенности их государственной защиты.

Характеризуя данную сторону рассматриваемого принципа, А.Р. Султанов пишет: «Принцип правовой определенности имеет своей целью обеспечить участников соответствующих отношений возможностью точно спрогнозировать результат своих действий и в том числе дать надежду, что права данных лиц будут защищены, что при разрешении спора действия правоприменителя также будут прогнозируемы и предсказуемы и не будут меняться от случая к случаю, что судебные решения, вступившие в законную силу, будут уважаться»¹⁹.

В сфере уголовного судопроизводства возможность признания судом лица виновным в совершении преступления и применения к нему наказания, в соответствии с принципом презумпции невиновности (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ), связывается с *соблюдением установленного федеральным законом порядка*. Таким федеральным законом является Уголовно-процессуальный кодекс. Как отметил Конституционный Суд РФ в одном из своих решений, УПК РФ как систематизированный свод правовых норм, во взаимосвязи и содержательном единстве регулирующих уголовное судопроизводство в целом и отдельные его части, этапы, стадии, институты – с учетом их общих свойств, специфических черт и проявлений, – призван обеспечить единообразие и согласованность нормативно-правовых установлений и складывающейся на их основе правоприменительной практики. Такие установления, не нарушая прерогатив федерального законодателя вносить изменения и дополнения в действующую

¹⁹ Султанов А. Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М., 2012. С. 267.

щее уголовно-процессуальное законодательство, в то же время облегчают работу правоприменителя, поскольку законодательство становится обозримым и тем самым в правоприменении существенно снижаются риски искажения аутентичной воли законодателя²⁰.

Наличие нормативно-правового акта, содержащего развернутую, четкую и недвусмысленную регламентации порядка осуществления уголовного судопроизводства, как раз и обеспечивает личности условия для того, чтобы в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения, в том числе реализации предоставленных законом прав и исполнения обязанностей, то есть гарантируется предсказуемость правовых предписаний.

Пробел, то есть отсутствие юридической нормы, которая должна быть в системе права с точки зрения предмета правового регулирования, его объема и содержания, является разновидностью несбалансированности юридических норм, порождающей ситуацию неопределенности. Пробелы восполняются путем нормотворчества. Однако суд не может по мотиву пробельности отказать в защите субъективного права, в связи с чем судья вынужден прибегать к аналогии закона, аналогии права, что позволяет уйти от произвола и вынести решение по юридическому делу, оставаясь в рамках закона²¹.

Примечательно, что если в уголовном праве принцип правовой определенности предполагает недопустимость применения аналогии, то в уголовном судопроизводстве все с точностью до наоборот. Поскольку именно правовая процедура призвана обеспечить выведение участника юридического спора из состояния неопределенности, наличие пробела в праве могло бы препятствовать завершению этого движения – достижению состояния определенности.

²⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

²¹ Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 39.

Еще в Основных положениях уголовного судопроизводства (преобразования судебной части), утвержденных императором Александром II 29 сентября 1862 г. (ст. 12), и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 13) был закреплен запрет останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности, недостатка или противоречия законов. За нарушение сего правила виновных предписывалось подвергать ответственности как за противозаконное бездействие власти (отказ в правосудии)²².

Необходимость применения аналогии в уголовном судопроизводстве отчетливо осознавалась и советскими учеными-процессуалистами. Как писал Н.Н. Полянский, суд оказался бы в безвыходном или затруднительном положении, если бы для разрешения возникающих в его деятельности процессуальных вопросов он не мог бы обращаться к общим началам, положенным в основу уголовно-процессуального законодательства²³.

При отсутствии процессуальной нормы, непосредственно регулирующей отношения в ходе судопроизводства, суд может применить норму, регулирующую сходные отношения (аналогия процессуального закона). Если же нет ни прямо регулирующей, ни сходной нормы, суд исходит из общих начал (принципов) осуществления правосудия в Российской Федерации²⁴.

В сфере уголовного судопроизводства аналогия недопустима только в том случае, когда ее применение приводит к ущемлению прав и законных интересов участников уголовного процесса, то есть ухудшает их положение. В частности, недопустимо применение по аналогии норм, устанавливающих уголовно-процессуальную ответственность.

²² См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е доп. изд. Часть вторая. СПб., 1867. С. VIII, 32.

²³ Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д. С. Карева. М., 1956. С. 167.

²⁴ См.: Мурадян Э. М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов) : монография. М., 2003. С. 43–44.

**Осведомленность гражданина
относительно действующих законов
и подзаконных нормативных актов,
а также правоприменительных решений,
затрагивающих его права и законные интересы**

В этом разрезе принцип правовой определенности обеспечивается прежде всего официальным опубликованием (обнародованием) законов и других актов общего действия. Конституция РФ, в ч. 2 ст. 15, закрепляет, что неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Значение, которое имеет официальное опубликование нормативных актов, обуславливает необходимость принятия специальных законов, регулирующих соответствующие процедуры. Ранее эти вопросы были регламентированы Законом РСФСР от 13 июля 1990 г. № 89-1 «О порядке опубликования и вступления в силу законов РСФСР и других актов, принятых Съездом народных депутатов РСФСР, Верховным Советом РСФСР и их органами»²⁵. В настоящее время действуют Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»²⁶ и Указ Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти»²⁷.

Обнародование нормативных правовых актов является средством обеспечения осведомленности граждан о содержании и объе-

²⁵ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 6. Ст. 93.

²⁶ См.: Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 801.

²⁷ См.: Там же. № 22. Ст. 2663.

ме их прав и обязанностей, что обеспечивает исходные условия для реализации принципа правовой определенности во всех иных его аспектах. Одновременно обнародование законов и подзаконных нормативных актов выступает в качестве гарантии прав участников юридических споров, поскольку препятствует их процессуальным оппонентам ссылаться на незнание закона как причину неисполнения возложенных на них обязанностей. Этот аспект весьма удачно был отгетен еще в Своде законов Российской империи 1832 г., где в ст. 62 Основных государственных законов говорилось: «Никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком». В этой формуле заложена основа современной презумпции знания закона.

«Огромное значение данной формулы, – писал А.А. Тилле, – состоит в том, что она служит важным средством обеспечения государственной дисциплины и правопорядка и одновременно является одной из юридических гарантий прав граждан. Взаимосвязь презумпции знания закона с опубликованием заключается именно в знании надлежащим образом опубликованного закона. Нельзя предполагать знания всеми закона неопубликованного»²⁸.

Права и обязанности личности могут определяться не только законными и подзаконными нормативными актами, но также правоприменительными решениями, выносимыми судами и иными властными органами по конкретным правовым спорам.

Согласно ч. 2 ст. 24 Конституции РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Требование публичного объявления судебного решения закреплено в ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом Конвенция не предусматривает исключений из общего правила о публичном оглашении судебных решений даже в тех случаях, когда все судебное разбиратель-

²⁸ Тилле А. А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3. С. 34–39.

ство или его часть проходят «за закрытыми дверями». Международный пакт о гражданских и политических правах предусматривает некоторые исключения из правила о публичном оглашении судебных решений для тех случаев, когда того требуют интересы несовершеннолетних или когда дело касается матримониальных споров или опеки над детьми (ч. 1 ст. 14).

В российском уголовном процессе (ч. 7 ст. 241 УПК РФ) допускается оглашение только вводной и резолютивной части приговора для случаев рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании и рассмотрения уголовного дела о преступлениях в сфере экономической деятельности, а также о некоторых иных преступлениях (в частности, предусмотренных ст. 205–206, 208 УК РФ и др.)²⁹.

Думается, регламентация данного вопроса в российском законодательстве, хотя и предусматривает отступления от требования гласности в большем объеме, нежели это заложено в Международном пакте о гражданских и политических правах, а также Конвенции о защите прав человека и основанных свобод, в целом не нарушает конституционных прав граждан.

Категоричность требования публичного оглашения судебных решений, свойственная международно-правовым договорам, является явно избыточной, на что обращают внимание эксперты в области международного права. В частности, судья Европейского Суда по правам человека Лукис Г. Лукайдис задается резонным вопросом: в чем смысл проведения разбирательства за закрытыми дверями, если доказательства, представленные на таком судебном разбирательстве, будут отражены в публичном судебном решении?³⁰

²⁹ Л.В. Брусницын полагает, что «оглашение мотивировочной части приговора – это уже не традиция, а пережиток, своего рода атавизм, от которого следует отказаться». По его мнению, препятствий доктринального характера для соответствующего законодательного шага нет, предпосылки – есть (см.: Брусницын Л. Оглашение мотивировочной части приговора: необходимость, традиция или юридический атавизм? // Уголовное право. 2012. № 4. С. 61).

³⁰ Лукайдес Лукис Г. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 15.

Закрытое судебное заседание является исключением из принципа гласности, которое объективно обусловлено необходимостью обеспечения личных или публичных интересов, которые обоснованно признаются законом более важной ценностью, нежели право общества на информацию о рассматриваемом деле.

Но главное, частичное оглашение судебного решения ни в какой мере не нарушает прав участников судебного разбирательства. В российском уголовно-процессуальном законодательстве содержится комплекс предписаний, обеспечивающих ознакомление этих лиц со всеми процессуальными решениями (как промежуточными, так и итоговыми), вынесенными в отношении них или затрагивающих их права и законные интересы. Доведение содержания приговоров, определений и постановлений до сведения участников уголовного процесса осуществляется в таких формах, как вручение участнику судопроизводства копий соответствующих процессуальных документов (ч. 2 ст. 101, ч. 6 ст. 135, ч. 8 ст. 172, ч. 4 ст. 213, ст. 312 УПК РФ и др.) и уведомление о принятом решении (ч. 4 ст. 146, ч. 7 ст. 148, ч. 2 ст. 175 УПК РФ и др.).

Что же касается общественного контроля за осуществлением правосудия, который не может быть реализован в условиях, когда судебное решение не объявляется публично в полном объеме, то такое ограничение необходимо, по нашему мнению, рассматривать как ценность, которой необходимо пожертвовать ради защиты более важных в данном случае прав сторон судебного разбирательства, заинтересованных в сохранении тайны (личной, государственной и др.).

Не нарушило бы прав участников судебного разбирательства и предоставление суду права в исключительных случаях, когда это вызвано большим объемом уголовного дела или множественностью его эпизодов, выносить в совещательной комнате по завершении рассмотрения уголовного дела только резолютивную часть приговора, которая должна провозглашаться в том же судебном заседании³¹. Ознакомление общественности с ре-

³¹ См. подробнее: Дикарев И. С. Процессуальный порядок постановления приговора нуждается в совершенствовании // Законность. 2009. № 3. С.43–44.

зультатами рассмотрения уголовных дел в случае принятия законодателем данного предложения могло бы осуществляться посредством размещения в сети Интернет полных текстов всех судебных решений, которыми уголовные дела разрешаются по существу (за исключением, случаев, предусмотренных ч. 7 ст. 241 УПК). В сравнении с зачитыванием текста приговора в полупустом зале суда, такой способ обнародования судебных решений обеспечил бы подлинную гласность судопроизводства, поскольку позволил бы значительно большему кругу граждан знакомиться с судебными решениями³². Есть основания полагать, что подобная публикация текстов приговоров, определений и постановлений суда стала бы серьезным стимулом для повышения качества выносимых решений.

Ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм, правоприменительных решений

Требованием качества закона, его определяющим принципом является точность его предписаний. Определенность и недвусмысленность правовых предписаний – одно из главных качеств права. Отступление от этого требования способно обратить право в его противоположность – хаос и соответственно в произвол³³.

«Одно из первых и самых существенных требований, которые предъявляются к праву развивающейся человеческой личностью, – писал И.А. Покровский, – является требование определенности правовых норм. Если каждый отдельный человек должен подчиняться праву, если он должен приспособлять свое пове-

³² Публикация судебных решений в специализированных изданиях или на сайте суда рассматривается как альтернативный и ничем не уступающий оглашению судебного решения способ обеспечения публичности судебного решения и его доступности для публики (см.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авторов ; под ред. д-ра юрид. наук Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 559–560).

³³ Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2015. С. 122.

дение к его требованиям, то очевидно, что первым условием упорядоченной общественной жизни является определенность этих требований. Всякая неясность в этом отношении противоречит самому понятию правопорядка и ставит человека в весьма затруднительное положение: неизвестно, что исполнять и к чему приспособляться»³⁴.

Критерий определенности норм позитивного права как конституционное требование к качеству закона был впервые сформулирован в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П³⁵.

Данное требование вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), является залогом реализации конституционного принципа справедливости. Как пишет М.В. Пресняков, конституционный принцип справедливости требует одинакового применения закона к лицам, находящимся в сходных ситуациях, и, напротив, дифференцированного – к субъектам, находящимся в различных ситуациях. Отсюда вытекает требование определенности правовых норм, поскольку неопределенная по своему содержанию норма не обеспечивает равного масштаба ее применения к субъектам права, а следовательно, нарушает принцип справедливости³⁶.

Реальное равенство граждан, а следовательно, и справедливость, могут быть достигнуты только при условии единообразного толкования и применения правовых норм в отношении всех лиц и на территории всей страны.

Кроме того, неясность, двусмысленность нормативного предписания (отсутствие определенности в законодательстве) порождает опасность неограниченного усмотрения правоприменителя и, как следствие, произвольного применения закона в отношении отдельного лица.

³⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2013. С. 91.

³⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1708.

³⁶ См.: Пресняков М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 16–17.

Как отметил Конституционный Суд РФ, принцип формальной определенности закона, предполагающий точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания³⁷.

С другой стороны, ясность и недвусмысленность правовых норм является необходимым условием их соблюдения субъектами соответствующих правоотношений. Как верно отмечает М.Ю. Козлова, принцип правовой определенности выражается в ясном и точном выделении в правовых нормах требований, предъявляемых к поведению субъектов соответствующих отношений, что позволяет им предвидеть последствия своего поведения и достичь устойчивости официально признанного статуса субъектов, а также приобретенных ими прав и обязанностей, что обеспечивает стабильность правового регулирования³⁸. Данный аспект принципа правовой определенности выделяется и другими исследователями³⁹.

В качестве примера, иллюстрирующего значимость ясности и недвусмысленности правовых норм для обеспечения верховенства права и реализации конституционных прав личности (равенство всех перед законом и судом; право на судебную защиту) в уголовном судопроизводстве, можно привести правила подсудности.

Право каждого на судебную защиту, обеспечиваемое путем рассмотрения его дела компетентным, независимым и беспри-

³⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

³⁸ Козлова М. Ю. Принцип правовой определенности (на примере антимонопольного законодательства) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2011. № 2 (15). С. 111.

³⁹ Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 8. С. 10.

растным судом, означает, в частности, что такое разбирательство должно осуществляться не произвольно выбранным, а законно установленным судом, то есть судом, компетенция которого по рассмотрению данного дела определяется на основании закрепленных в законе критериев, которые в нормативной форме (в виде общего правила) заранее – до возникновения спора или иного правового конфликта – предопределяют, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело, а также в каких случаях и в каком порядке допустимо изменение подсудности. Это позволяет суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать правовой неопределенности в этом вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством решения, основанного на дискреции правоприменительного органа или должностного лица, и тем самым определять подсудность дела не на основании закона⁴⁰.

Любая неопределенность в вопросе о том, какой суд уполномочен на рассмотрение конкретного правового спора, ставит под сомнение принцип законного суда, являющийся необходимым условием справедливости и эффективности судебной защиты, право на которую выступает гарантией в отношении всех других конституционных прав и свобод и не подлежит ограничению.

Режим правовой определенности достижим только в условиях согласованности правовых норм. Противоречащие друг другу нормы порождают противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения, ослабляют гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод личности⁴¹.

Противоречивость норм как проявление неопределенности в праве, по оценке Н.А. Власенко, является наиболее серьезным дефектом системы права, ибо «противоречие» покушается на основное качество права – быть согласованным и сбалансиро-

⁴⁰ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2013 г. № 131-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 5. С. 117-121.

⁴¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П. Ст. 2804.

ванным социальным регулятором общественных отношений. Коллидирующие правовые нормы усложняют процесс правоприменения, снижают юридический эффект в целом. В случаях противоречия норм правоприменитель оказывается в ситуации неопределенности, когда неясно, какой из норм следует отдать предпочтение. Коллизии норм с точки зрения причин появления и других особенностей можно подразделить на темпоральные (временные), пространственные, иерархические (между нормами разной юридической силы) и содержательные. Возможны случаи совпадений коллизий, когда две и более коллизионных ситуаций существуют одновременно. Уровень правовой неопределенности в данном случае значительно выше, следовательно, правоприменитель оказывается в еще более сложной ситуации⁴².

Ключевые вопросы, затрагивающие права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, находят свое решение в итоговых и промежуточных решениях суда. Будучи правоприменительными актами, они, по выражению А.В. Малько, выступают в качестве «решающих» юридических фактов, которые индивидуально организуют социальные связи⁴³.

С момента рассмотрения дела по существу и вынесения судебного решения, вступившего в законную силу, восстанавливаются нарушенные права и возникает состояние правовой определенности применительно к участникам отношений, возникает «право, обретенное в суде». Чем безупречнее приговор с позиции формы и содержания, тем более высок уровень создаваемой им правовой определенности⁴⁴.

Действительно, полноценная реализация принципа правовой определенности немыслима без обеспечения высокого качества судебного решения (его формы и содержания). Судебные акты, в той же мере, что и правовые нормы, должны соответствовать

⁴² Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения. С. 38–39.

⁴³ Малько А. В. Теория правовой политики : монография. М., 2012. С. 132.

⁴⁴ Рукавишников (Плашевская) А. А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 73.

критериям ясности и недвусмысленности, поскольку от этого зависит не только адекватность восприятия выводов суда участниками судопроизводства и иными заинтересованными лицами, но также полнота и правильность исполнения соответствующего приговора, определения или постановления.

Как пишет Н.А. Власенко, реализация требований юридической техники правоприменительных актов – условие их определенности. Особенно важно это учитывать при подготовке судебных решений, поскольку здесь определенность выступает гарантией судебной защиты. Отступление от требований логики, аморфность языковых формулировок, злоупотребление многозначной терминологией и т. п. – нередко признак небрежности правоприменительной деятельности⁴⁵.

Каждое судебное решение должно быть написано ясным и недвусмысленным языком. В нем недопустимы аморфные формулировки, использование непринятых сокращений. В этом смысле определенность текста судебного решения выступает в качестве гарантии судебной защиты⁴⁶.

Согласованность правоприменительных решений – еще одно условие достижения режима правовой определенности – обеспечивается в судопроизводстве посредством придания судебным актам свойств *исключительности*, а также *преюдициальности*, являющейся элементом свойства общеобязательности.

Единообразное применение закона (единство судебной практики)

Как элемент принципа правовой определенности единообразное применение закона (в том числе единство судебной практики) имеет исключительно важное правовое и политическое значение.

⁴⁵ Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2015. С. 109.

⁴⁶ Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 19.

Во-первых, без достижения единообразия в применении закона на всей территории страны не может идти речи о реализации принципа равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ)⁴⁷. Особенно ярко взаимосвязь единообразного применения закона и принципа равенства всех перед законом и судом проявляется в вопросах привлечения граждан к ответственности за совершение противоправных деяний. Так, различная квалификация одного и того же правонарушения, совершенного разными гражданами, как и назначение им несопадающего по степени тяжести наказания за одно и то же правонарушение, ставят граждан в вопиюще неравное положение.

Во-вторых, единообразное применение закона является непременным условием реализации принципа законности, ведь неверное истолкование или применение закона в правоприменительной практике приводит к нереализованности нормативной правовой воли, невозможности достичь той цели, которую ставил перед собой законодатель, регламентируя те или иные общественные отношения. В таких условиях могут оказаться бесплодными многие замыслы законодателя, в том числе столь значимые, как обеспечение личности судебной защиты.

В-третьих, только в условиях единообразного применения закона возможно эффективное проведение на территории страны правовой политики⁴⁸. Правовые акты, к числу которых относятся правоприменительные акты, выступают в качестве важнейшего средства правовой политики, то есть инструмента, используемо-

⁴⁷ На неразрывную связь принципа равенства граждан перед законом и обеспечением единообразного толкования закона обращает внимание французский процессуалист Ж. Кадье (см., напр.: Кадье Ж. Общие принципы французского гражданского процесса // Правоведение. 2010. № 2. С. 25).

⁴⁸ В.А. Рудковский определяет правовую политику как обусловленную общим политическим курсом стратегию (тактику) деятельности государства в правовой сфере, выражающую его официальную позицию по ключевым вопросам правового регулирования и направленную на совершенствование и развитие действующего права в соответствии с определенной иерархией социальных ценностей (см.: Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права : монография / под ред. Н. Н. Вопленко. Волгоград, 2009. С. 153).

го для достижения ее целей и задач, для реального осуществления стратегических правовых идей⁴⁹. Отсутствие единообразного применения закона на территории всей страны, свидетельствующее о неправильном толковании и применении закона отдельными правоприменительными органами, наносит существенный вред правовой политике, снижает значение правоприменительных актов как ее средств. В этом аспекте обеспечение единообразного применения закона приобретает, без преувеличения, значение залога успешного государственного управления.

В сфере процессуального права рассматриваемый аспект принципа правовой определенности выражается прежде всего в недопустимости нарушения единства судебной практики выносимым по конкретному делу правоприменительным актом.

*Единство судебной практики представляет собой состояние правоприменительной практики, характеризующееся едиными подходами к толкованию и применению судами норм права. К достижению этого состояния должна стремиться судебная система во имя обеспечения верховенства закона, защиты конституционных прав и свобод личности*⁵⁰.

Единство судебной практики обеспечивается прежде всего на **уровне правоприменения**, где эта задача решается посредством деятельности вышестоящих судебных инстанций, которые, исправляя допускаемые нижестоящими судами ошибки, обусловленные нарушениями процессуального законодательства и неправильным применением материального (уголовного, гражданского) закона, тем самым корректируют и направляют складывающуюся судебную практику.

Основное бремя пересмотра судебных решений с целью исправления судебных ошибок возложено на суды второй (апелляционной) инстанции. Однако их место в судебной системе позволяет им решать только частные задачи обеспечения законности, обоснованности и справедливости отдельных проверяемых судеб-

⁴⁹ См.: Малько А. В. Теория правовой политики : монография. С. 107, 131.

⁵⁰ См.: Дикарев И. С. Механизмы обеспечения единства судебной практики в уголовном процессе // Власть. 2011. № 8. С. 148.

ных решений. Корректировать же судебную практику в целом могут только вышестоящие суды, чья сфера деятельности охватывает по меньшей мере деятельность судов либо целого субъекта Российской Федерации (военного округа или флота), либо всей территории страны (Верховный Суд РФ).

Таким образом, ключевая роль в обеспечении единства судебной практики отводится судам кассационной инстанции и Президиуму Верховного Суда РФ как надзорной инстанции.

Пересматривая вступившие в законную силу судебные решения в том же процессуальном порядке, что и суды кассационной инстанции, *Президиум Верховного Суда РФ образует с этими судами единую систему*. Президиуму в этой системе отводится особая роль, аналогичная той, которая в Российской империи принадлежала Правительствующему Сенату, обеспечивавшему единство судебной практики на территории всей страны. Этой особой ролью Президиума Верховного Суда РФ и обусловлено, на наш взгляд, во-первых, выделение производства в суде надзорной инстанции в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса, и во-вторых, именование Президиума Верховного Суда РФ судом надзорной инстанции.

Емкую и содержательную характеристику сущности высшего кассационного суда дал в свое время Наполеон Бонапарт. В своей речи, обращенной к Кассационному суду Франции, произнесенной 15 августа 1801 г., он следующим образом отозвался о призвании этого суда: «Кассационный суд, предоставляя судебным местам разыскание истины в фактах и толкование условий в договорах, подчиняет эти элементы решения силе закона, и не дозволяет, чтобы под предлогом справедливости, часто произвольной, судья отступал от предписанных правил и освобождал себя от исполнения воли законодателя. Дозволять судебным местам преступать законы и обходить их исполнение – все равно, что уничтожить законодательную власть. В этом смысле кассационный суд – необходимая опора законодателя»⁵¹.

⁵¹ Буцковский Н. А. Очерк кассационного порядка отмены решений по судебным уставам 1864 года // Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. Соч. сенатора Н. Буцковского. СПб., 1874. С. 3.

Президиум Верховного Суда РФ следит за единством судебной практики на территории всей страны (на федеральном уровне) – именно в этом специфическом полномочии, по нашему мнению, и выражается основная сущность возложенной в соответствии со ст. 126 Конституции РФ на Верховный Суд РФ функции судебного надзора за деятельностью нижестоящих судов.

Механизм обеспечения единства судебной практики не исчерпывается деятельностью судов кассационной и надзорной инстанций по проверке правосудности приговоров, постановлений и определений нижестоящих судов. Важное значение имеет информирование судей и иных участников правоприменительной деятельности о складывающейся судебной практике, о наиболее верных подходах к толкованию и применению закона. Отчасти данная задача решается посредством дачи разъяснений высшими судебными органами по вопросам судебной практики и их опубликованию в соответствующих печатных органах, в частности, в Бюллетене Верховного Суда РФ.

Наиболее полное представление о складывающейся судебной практике может быть получено лишь в том случае, когда заинтересованные лица имеют возможность знакомиться со всеми решениями, выносимыми вышестоящими судебными инстанциями. Однако в настоящее время печатные издания не могут обеспечить публикацию всех судебных актов, выносимых высшими судебными органами, в связи с чем возникает необходимость в использовании Интернет-технологий: в Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»⁵² содержится требование о размещении в сети Интернет текстов судебных актов, сведений об их обжаловании и о результатах такого обжалования.

Деятельность вышестоящих судебных инстанций, направленная на обеспечение единства судебной практики, может быть эффективной только в том случае, если необходимые для этого

⁵² Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Российская газета. 2008. 26 дек.

условия созданы на **правотворческом уровне**. Речь идет о качестве принимаемых законов, реализации требования ясности, недвусмысленности и согласованности правовых норм, составляющего, как было показано выше, один из элементов принципа правовой определенности. Законоположения, не отвечающие указанным критериям, неизбежно порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность неоднозначного истолкования и произвольного применения норм права. В результате нарушаются конституционные гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Таким образом, механизм обеспечения единства судебной практики включает в себя обеспечение ясности, недвусмысленности и согласованности правовых норм; систему проверки судебных решений вышестоящими судебными инстанциями, дачу Верховным Судом РФ разъяснений по вопросам судебной практики; а также информирование нижестоящих судов и иных лиц, участвующих в правоприменительной деятельности, о складывающейся судебной практике путем публикации решений высших судебных инстанций.

Стабильность правоприменительных решений

Стабильность актов применения права является выражением динамического (темпорального) аспекта правовой определенности. Его содержание сводится прежде всего к обеспечению неизменности правового статуса субъекта права⁵³.

Чаще всего в судебной практике и юридической литературе принцип правовой определенности связывается с требованием *стабильности окончательных судебных решений* (именно в этом контексте, в основном, встречаются ссылки высших судебных органов на данный принцип). Однако требования данного прин-

⁵³ Пресняков М.В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание. Саратов, 2010. С. 38.

ципа, как представляется, должны распространяться и на другие завершающие уголовный процесс решения, в том числе, вынесенные в досудебных стадиях.

В частности, нельзя признать соответствующей принципу правовой определенности практику неоднократной отмены выносимых в ходе досудебного производства по уголовному делу постановлений органов предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела.

Законность и обоснованность процессуальных актов контролируется должностными лицами, осуществляющими в ходе досудебного производства прокурорский надзор и ведомственный контроль, а также судом, проверяющим по жалобам заинтересованных лиц законность и обоснованность действий (бездействия) органов предварительного расследования и прокурора. В случае выявления нарушений уголовно-процессуального закона либо неправильного применения уголовного закона такие постановления подлежат отмене, что вытекает из конституционных предписаний, обязывающих органы государственной власти, должностных лиц и граждан соблюдать принцип законности при производстве по уголовному делу, обязанности осуществлять государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (прежде всего потерпевших от преступления, которым Конституция РФ гарантирует доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба).

Вместе с тем, как указал Конституционный Суд РФ, при решении вопросов, связанных с *возобновлением прекращенных уголовных дел*, надлежит исходить из необходимости обеспечения и защиты как интересов правосудия, прав и свобод потерпевших от преступлений, так и прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и считающихся невиновными до тех пор, пока их виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. В связи с этим недопустимо неоднократное возобновление прекращенного уголовного дела, в том числе по одному и тому же основанию, поскольку это создает для лица, в отношении которого дело было прекра-

щено, постоянную угрозу уголовного преследования, и тем самым – ограничения его прав и свобод⁵⁴.

Данная правовая позиция в полной мере распространяется и на случае *неоднократной отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела*, поскольку такая практика также выводит лицо, в отношении которого принимается рассматриваемое процессуальное решение, из состояния правовой определенности, сопряжена с постоянно сохраняющейся угрозой осуществления в отношении этого лица уголовного преследования.

Что касается судебных решений, то они становятся регулятором общественных отношений только после того, как активизируется весь комплекс заложенных в них законом свойств – непроверяемости, общеобязательности и исключительности. Этот момент именуется в законе вступлением приговора, определения или постановления суда в законную силу.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что в современном юридическом обороте используются два термина, соотношение которых является принципиально важным как для уяснения содержания принципа правовой определенности (в аспекте обеспечения стабильности судебных решений), так и для определения процессуальной формы пересмотра судебных решений в уголовном процессе. Речь идет о терминах «окончательное судебное решение» (или «окончательный приговор») (ст. 3, 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) и «вступившее в законную силу судебное решение» (например, ч. 1 ст. 401.2 УПК РФ).

В уголовно-процессуальном законодательстве ряда стран континентальной Европы эти понятия не совпадают: окончательным признается решение суда второй (апелляционной) инстанции, тогда как в законную силу решение вступает только после его

⁵⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 300-О // Собрание законодательства РФ. 2003. № 3. Ст. 267 ; Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2005 г. № 328-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 6. С. 124–127.

проверки в кассационном порядке либо по истечении срока кассационного обжалования, если стороны не обратятся в кассационный суд. Весьма обстоятельно и лаконично данный порядок раскрыл Л.В. Головкин: «После рассмотрения дела в двух инстанциях (первой и апелляционной), одной из которых является суд достаточно высокого (апелляционного) уровня, приговор становится **окончательным** с точки зрения установления фактических обстоятельств дела... Более споры по фактическим обстоятельствам... не допускаются. Именно поэтому судебное следствие и существует только в первой и апелляционной инстанциях. Но после того, как приговор стал окончательным с точки зрения установления фактических обстоятельств дела, он еще **не вступает в законную силу**, поскольку у сторон есть право обратиться в высший судебный орган страны с претензиями на неправильное применение судами первой и апелляционной инстанций материально-правовых или процессуальных норм, превышение ими компетенции, незаконный состав, вынесший решение суда, то есть у них возникает *право на кассацию*»⁵⁵.

Конституционный Суд РФ исходит из того, что окончательным является такое судебное решение, которое не может быть изменено в обычной процедуре⁵⁶. Аналогичной позиции придерживается и Европейский Суд по правам человека, который, ссылаясь на Пояснительный доклад к Протоколу № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, указывает, что «судебное решение является окончательным, если в соответствии с традиционным выражением оно приобрело силу *res judicata*. В этом случае оно окончательно, то есть отсутствуют обычные средства по его отмене или изменению или стороны их исчерпали или пропустили установленные сроки для того, чтобы ими воспользоваться»⁵⁷.

⁵⁵ Головкин Л. В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2011. С. 47.

⁵⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П.

⁵⁷ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99).

Следовательно, в уголовном процессе России окончательными являются приговоры, определения и постановления суда, вступившие в законную силу⁵⁸.

Вступая в законную силу судебное решение приобретает свойство *res judicata*, рассматриваемое как определенный статус окончательного судебного акта⁵⁹.

Европейский Суд говорит о *res judicata* как о силе, которую приобретает судебное решение, когда оно становится окончательным, то есть отсутствуют обычные средства по его отмене или изменению или стороны их исчерпали или пропустили установленные сроки для того, чтобы ими воспользоваться⁶⁰.

Конституционный Суд РФ также использует в своих решениях термин *res judicata*, когда речь идет об окончательности, непровержимости, исключительности и общеобязательности вступившего в законную силу приговора⁶¹, либо только о непровержимости⁶² или об обязательности исполнения судебного решения⁶³, стабильности и окончательности судебных решений и сложившихся на их основе правоотношений⁶⁴.

⁵⁸ По мнению Л.В. Головки, наблюдаемое в российском уголовном процессе смешение понятий окончательных и вступивших в законную силу судебных решений является ошибкой, которую можно было бы исправить в ходе реформы проверочных стадий с тем, чтобы «восстановить логику, которая была известна стране в дореволюционный период по судебной реформе 1864 года» (см.: Головки Л. В. В ходе реформы судебных инстанций можно исправить ошибки в построении проверочных стадий // Уголовный процесс. 2013. № 12. С. 33–34).

⁵⁹ См.: Ковтун Н. Н., Шунаев Д. М. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека. 2014. № 9. С. 40.

⁶⁰ См., напр.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99).

⁶¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1526.

⁶² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1. С. 71–80.

⁶³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

⁶⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1616-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Термин *res judicata* пришел в современный юридический оборот из римского права, где в соответствии с дословным переводом с латинского языка он обозначал «решенное дело», «дело, по которому вынесено решение»⁶⁵.

Для правильного понимания сущности *res judicata* следует принять во внимание его трактовку в римском праве, где данное понятие охватывало целый ряд аспектов: во-первых, спорная ситуация урегулирована – вынесено судебное решение, определяющее права и обязанности сторон, во-вторых, решение вступило в законную силу. *Res judicata* порождало определенные последствия: сторонам вменялось руководствоваться решением как законом (*jus facit inter partes*), в случае повторного обращения с тождественным иском становилось возможным применение возражения о решенном деле (*exceptio rei judicatae*)⁶⁶. Наличие судебного решения по делу исключало повторение процесса как в негативном плане, поскольку оно становилось основанием для *exceptio rei judicatae* (преклюзивного эффекта), так и в позитивном, ибо отпадала необходимость в дальнейших судебных разбирательствах по вопросам, которые получили в нем решение (преюдициальный эффект)⁶⁷.

Очевидно, что все перечисленные аспекты *res judicata* сохраняют свое значение и в современном процессуальном праве, воплощаясь в присущие судебному акту свойства – неопровержимости, общеобязательности и исключительности.

⁶⁵ Приговор в Риме не подлежал обжалованию и обладал авторитетом вынесенного судебного решения, то есть выступал в качестве образца, в соответствии с которым могли рассматриваться аналогичные правовые ситуации. Данное положение нашло выражение в сформулированном Ульпианом правиле: «*Res judicata pro veritate habetur*» – «Решенное дело принимается за истину» (см.: Словарь латинских юридических афоризмов / сост. Ю. А. Кузнецова. Саратов, 2009. С. 18).

⁶⁶ См.: Цепкова Т. М., Борисов М. С. Соотношение законной силы судебного решения и принципа *res judicata* в свете постановлений Европейского Суда по правам человека // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 52–55.

⁶⁷ См.: Рехтина И. В. Правовая определенность (*res judicata*) в истории права Древнего Рима // История государства и права. 2011. № 22. С. 43–47.

На этом основании можно сделать вывод, что *res judicata* – это сила, которую приобретает судебное решение в тот момент, когда активизируется весь комплекс заложенных в нем, как акте правосудия, свойств – неопровержимости, общеобязательности и исключительности (то есть в момент вступления судебного решения в законную силу).

Однако термином *res judicata* в современном юридическом обороте обозначается не только сила (статус) судебного решения, но и обеспечивающий ее процессуальный принцип.

Европейский Суд по правам человека в одних случаях определяет *res judicata* как принцип недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела⁶⁸, в других – как принцип окончательного характера судебных решений⁶⁹.

Содержание данного принципа раскрыто в решении Европейского Суда по правам человека по делу «Рябых (Ryabukh) против Российской Федерации»:

– ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления;

– полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу;

– пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования, в то время как лишь возможное наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра;

– отступления от этого принципа оправданны, только когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера.

⁶⁸ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых (Ryabukh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99). С. 110–119.

⁶⁹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2009 г. Дело «Сутяжник» (Sutyazhnik) против Российской Федерации» (жалоба № 8269/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 3. С. 114–131.

Анализ приведенной правовой позиции Европейского Суда по правам человека приводит к выводу, что принцип *res judicata* призван гарантировать прежде всего неопровержимость окончательного судебного решения. Тем самым обеспечивается недопустимость повторного рассмотрения однажды окончательно разрешенного судом дела, составляющая квинтэссенцию принципа *res judicata*.

Правило о недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела имеет своим назначением защиту:

Во-первых, публичных интересов. Произвольный пересмотр окончательных судебных решений, их нестабильность подрывают авторитет судебной власти, снижают уровень доверия и уважения к правосудию, вследствие чего возрастает риск использования гражданами внеправовых (а значит) незаконных способов разрешения возникающих споров и конфликтов. Принятый за общее правило такой подход наносит непоправимый ущерб законности, подрывает правопорядок.

Во-вторых, субъективных прав и законных интересов участников окончательно разрешенного судом правового спора (дела). Вступление решения в законную силу должно окончательно поставить точку в деле, исключив в последующем возможность пересмотра приговора и изменения установленных судом правовых отношений. Оправданный, осужденный, потерпевший и иные участники правового спора должны быть ограждены от неопределенности, связанной не только с продолжающимся судебным разбирательством, но и длительной возможностью отмены или изменения вынесенного по делу судебного решения.

Среди участников разрешенного судом дела, чьи права и интересы защищает принцип недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела, особую группу составляют осужденный; оправданный; лицо, уголовное дело в отношении которого прекращено; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия, и лицо, подвергнутое принудительной мере медицинского характера.

Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал, что ст. 6 Конвенции применительно к уголовным делам

призвана предотвратить чрезмерно длительное пребывание обвиняемого в состоянии неопределенности относительно своей судьбы⁷⁰.

Применительно к указанной категории участников судопроизводства принцип *res judicata* имеет своим основанием правило *non bis in idem*⁷¹.

Логическая основа принципа *res judicata* выражена в двух латинских максимах: «*Interest reipublicae ut sit finis litium*» («В общественных интересах, чтобы судебный процесс имел окончание») и «*Nemo debet bis vexari prouna et eadem causa*» («Никто не должен предстать перед судом дважды по одному и тому же делу»)⁷². Ж. Пикерез, исследуя основные проблемы уголовно-процессуального права Швейцарии, отмечает, что следствием действия принципа *res judicata* в уголовном судопроизводстве выступает недопустимость повторного возбуждения публичного иска в отношении тех же преступных фактов, что соответствует правилу *non bis in idem*⁷³. По сути, недопустимость повторного привлечения к уголовной ответственности обеспечивается за счет сохранения силы ранее вынесенным судебным решением, исключительность которого препятствует возбуждению и рассмотрению дела по тому же предмету.

В действующем законодательстве, в том числе международных правовых актах, формула принципа *non bis in idem* излагается по-разному.

⁷⁰ См., напр.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 2009 г. Дело «Колчинаев (Kolchinayev) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 12. С. 8, 57–61; Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 2006 г. Дело «Нахманович (Nakhmanovich) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 9. С. 55, 81–99.

⁷¹ *Non bis in idem*. – Нельзя [наказывать] дважды за одно (см.: Словарь латинских юридических афоризмов. С. 45).

⁷² См.: Смбалян А. С. Принцип *res judicata* в международном публичном праве: современное прочтение // Международное публичное и частное право. 2012. № 1. С. 2–5.

⁷³ Цит. по: Жидкова Е. И. Формирование пределов производства по делу в досудебных стадиях уголовного процесса: монография. М., 2014. С. 23–24.

Так, в п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.⁷⁴ говорится: «Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны».

Пунктом 1 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. этот принцип сформулирован следующим образом: «Никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальным законодательством этого государства».

В п. 2 ст. 7 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.⁷⁵ записано: «Никто не должен быть осужден или наказан вторично за преступление, за которое он уже был осужден или понес наказание на основе национального законодательства».

Российское национальное законодательство закрепляет рассматриваемый принцип как на конституционном («Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» – сказано в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ), так и на отраслевом («Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление», – говорится в ч. 2 ст. 6 УК РФ) уровнях законодательства.

При всех текстуальных расхождениях в формулах рассматриваемого принципа, изложенных в п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., п. 1 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, суть принципа *non bis in idem* заключается в запрете осуществления уголовного преследования, а также осуждения и наказания

⁷⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5–11.

⁷⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

лица за преступление, за которое это лицо уже было окончательно осуждено или оправдано.

Раскрывая значение рассматриваемого правила, Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал, что защита от повторного уголовного преследования является одной из отдельных гарантий, связанных с общей гарантией справедливого судебного разбирательства в уголовном производстве⁷⁶.

В отечественном уголовном процессе содержание принципа *non bis in idem* традиционно сводится к недопустимости осуществления в отношении лица уголовного преследования, а также осуждения и наказания в тех случаях, когда оно уже осуждено или оправдано по обвинению в совершении данного преступления либо когда уголовное дело, возбужденное по данному факту, прекращено.

В соответствии с п. 4 и 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо решения о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела является основанием для прекращения уголовного преследования. Таким образом, перечисленные процессуальные решения обладают свойством исключительности (они исключают возможность осуществления процессуальной деятельности в отношении того же лица и по тому же обвинению). В равной мере данным свойством обладают решения суда о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего и применении к нему принудительной меры воспитательного воздействия, а также постановление об освобождении лица от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера.

Само существование неотмененного процессуального решения, которым разрешен вопрос о причастности лица к деянию, зап-

⁷⁶ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99) ; Решение Европейского Суда по правам человека от 9 марта 2006 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин (Afanasy Semenovich Bratyarin) против Российской Федерации» // Российская юстиция. 2006. № 11. С. 76.

решенному уголовным законом, исключает возможность постановки вопроса о привлечении данного лица вновь к уголовной ответственности за совершение этого же преступления или применении к нему иных мер уголовно-правового характера. Пока соответствующее процессуальное решение не отменено, оно сохраняет свойство исключительности, а значит, и запрет *non bis in idem* остается в силе.

В юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о необходимости полностью исключить возможность осуществления нового уголовного преследования в отношении лица, однажды осужденного или оправданного по обвинению в совершении данного преступления.

«Лицо, – писал И.Л. Петрухин, – считается осужденным после вынесения и вступления в силу окончательного приговора, под которым понимается приговор, вынесенный судом второй инстанции... Если после окончательного приговора проводятся какие-либо действия и лицо признается виновным в совершении того же преступления или подвергается более тяжкому наказанию, это означает повторное осуждение за одно и то же деяние»⁷⁷.

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, исходя из того, что вступление решения суда в законную силу означает «конец состязания сторон», пришли к выводу о недопустимости любых требований обвинителя вернуться к вопросу об усилении уголовной ответственности лица, в отношении которого состоялось данное судебное решение, за то же самое деяние⁷⁸.

Следует заметить, что у приведенной позиции глубокие исторические корни. Еще Устав уголовного судопроизводства 1864 г., в ст. 22 закреплял: «Присужденный вошедшим в законную силу приговором к наказанию или взысканию не может быть вновь судим по тому же делу, хотя бы в последствии были обнаружены обстоятельства, увеличивающие его вину». Целью законодателя, писал А. Жемчужников, было установить незыблемость судеб-

⁷⁷ Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография. М., 2009. С. 165–166.

⁷⁸ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. СПб., 2005. С. 228.

ных приговоров, вошедших в законную силу. Установлением этой незыблемости охранялось, с одной стороны спокойствие тех лиц, которые имели несчастье попасть под уголовное следствие и затем судом оправданы или приговорены. Опасение нового преследования по тому же делу не будет угрожать им, «опасение», – как справедливо замечается в рассуждениях, на которых основаны судебные уставы – «безвыходное, часто несравненно более тяжкое, нежели то наказание, которому они могут подвергнуться». С другой стороны, незыблемость судебного приговора вселяет доверие и уважение к суду⁷⁹.

Более того, соответствующий подход был поддержан и Конституционным Судом РФ в решениях, выносимых во второй половине 1990-х годов. В частности, в Определении от 3 июля 1997 г. № 87-О указывалось, что исключения из запрета повторно осуждать за то же деяние и, следовательно, пересматривать окончательные приговоры судов допускаются, лишь если это необходимо в силу новых или вновь обнаруженных обстоятельств, в том числе указывающих на судебную ошибку, приведшую к незаконному осуждению. В других случаях окончательные приговоры судов пересмотру не подлежат⁸⁰.

Провести законодательно данный подход в жизнь было возможно лишь одним способом – посредством полного запрета пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты (за исключением случаев установления новых или вновь открывшихся обстоятельств). Только так можно было добиться того, чтобы судебное решение стало абсолютно незыблемым, а присущее ему свойство исключительности – постоянно действующим.

Именно по такому пути и пошел российский законодатель, приняв в 2001 г. УПК РФ, ст. 405 которого гласила: «Пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, а также определения

⁷⁹ Жемчужников А. Незыблемость судебных решений перед кассационной практикой Сената // Юридический вестник. 1872. Кн. 6–7. С. 2.

⁸⁰ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела не допускаются».

Как отмечали разработчики УПК РФ, вместе с правилом о запрете поворота к худшему «навсегда упраздняется возможность повторного осуждения лица за одно и то же преступление»⁸¹.

Однако уже в августе 2002 г., то есть спустя всего месяц после вступления в действие нового УПК РФ, в Президиум Верховного Суда РФ в порядке надзора поступил протест Заместителя Генерального прокурора РФ на приговор Калининградского областного суда от 9 июня 2001 г. по делу А.В. Юрченко. Суть возникшей процессуальной проблемы состояла в следующем. Юрченко вместе со своими соучастниками совершил ряд преступлений, связанных с проникновением в жилище, избиением хозяев из хулиганских побуждений, незаконным завладением их имуществом. Один из эпизодов обвинения был связан с нанесением ножевых ранений супругам Ш. и поджогом находившегося в их квартире имущества. Суд признал Юрченко виновным по всем предъявленным ему обвинениям, включая обвинение в умышленном уничтожении чужого имущества путем поджога, повлекшем причинение потерпевшим значительного ущерба (ч. 2 ст. 167 УК РФ). Однако при этом судом была допущена существенная ошибка: в резолютивной части приговора в нарушение требования ч. 1 ст. 69 УК РФ наказание за это преступление отдельно указано не было. Для потерпевших создалась ситуация, ставящая под сомнение правовые основания последующего предъявления иска к Юрченко о возмещении материального ущерба: обвиняемый вроде бы виновным в поджоге при-

⁸¹ См.: Крашенинников П. А., Мизулина Е. Б. Новое уголовное судопроизводство – надежная система гарантий прав граждан // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации со всеми изменениями (Официальный текст от 18 декабря 2001 г.). Профессиональный комментарий Кодекса по главам авторского коллектива ученых под руководством В.И. Радченко, В.П. Кащепова, А.С. Михлина. М., 2002. С. 12.

знан, но не осужден. В протесте в порядке надзора ставился вопрос об отмене приговора в отношении Юрченко с направлением дела на новое судебное рассмотрение. Очевидно, Президиум Верховного Суда РФ так бы и поступил, однако возникло серьезное препятствие в виде изменившегося процессуального законодательства. Статья 405 УПК РФ исключила возможность поворота к худшему, хотя общая мера наказания осужденного по совокупности преступлений – 8 лет лишения свободы с принудительным лечением от наркомании – могла бы и не измениться. Поиски выхода из правового тупика заставили Верховный Суд РФ вынести вопрос на обсуждение Научно-консультативного совета. Были отвергнуты такие способы исправления судебной ошибки, как отмена приговора с направлением дела на новое рассмотрение, или изменения приговора путем исключения из него эпизода обвинения, связанного с поджогом. А.Д. Бойковым, как членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, было подготовлено заключение с рекомендацией направить запрос в Конституционный Суд РФ⁸².

Сложившаяся в правоприменении ситуация вызвала шквал критики, обрушившейся на положение ст. 405 УПК РФ⁸³.

⁸² См.: Бойков А. Д. Жертвы преступности // Мировой судья. 2006. № 10. С. 23.

⁸³ См.: Вырастайкин В. Восстановить право потерпевшего на надзорную жалобу // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 50 ; Бобылев М. В чью пользу состязательность в уголовном процессе? // Законность. 2003. № 11. С. 28–29 ; Демидов В. Обеспечить положение потерпевшего реальными правами // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 20–21 ; Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступления. М., 2004. С. 308–309 ; Терехин В. Судебные процедуры в уголовном процессе: некоторые проблемы правового регулирования // Уголовное право. 2004. № 4. С. 71 ; Шинелева Т. Безусловный запрет поворота к худшему ущемляет права потерпевших // Законность. 2004. № 7. С. 42–44 ; Митин Н. Недопустимость поворота к худшему // Там же. № 11. С. 51–52 ; Егоров А. Ю. Пересмотр вступившего в законную силу приговора в свете международно-правовых и конституционных принципов // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. : в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2005. С. 275–276 ; Кехлеров С. Судебный надзор: за и против // Законность. 2005. № 5. С. 2–7 ; Яковлев Н. М. Ограничение прав потерпевших на свободный доступ к правосудию // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 79 ; Мачинский В. Конституция и УПК: коллизии законов // Законность. 2005. № 6. С. 5–7 ; и др.

Даже в Рекомендации, принятой 12 мая 2003 г. участниками Всероссийской научно-практической конференции «Права человека в России и правозащитная деятельность государства», содержалось обращение к Федеральному Собранию привести УПК РФ в соответствие с положениями ст. 4 Протокола № 7 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе внести изменения в ст. 405 УПК РФ, урегулировав возможность пересмотра в порядке надзора вступивших в законную силу обвинительных приговоров, определений и постановлений суда, если в ходе судебного разбирательства были допущены нарушения закона, подпадающие под критерий, установленный п. 2 ст. 4 указанного Протокола⁸⁴.

Обоснованные претензии к ст. 405 УПК РФ высказывались и с позиций защиты интересов оправданных и лиц, в отношении которых уголовные дела прекращались, поскольку по буквальному смыслу закона эти граждане также лишались права обжаловать мотивы оправдания и основания прекращения уголовного дела⁸⁵.

Сторонники первоначальной редакции ст. 405 УПК РФ придерживались мнения, что оспаривание окончательного судебного решения с целью ухудшения положения стороны защиты абсолютно несовместимо с принципом *non bis in idem*. Так, по словам В.И. Радченко, само выдвижение требования об отмене судебных постановлений с целью усиления их репрессивного содержания означало бы возобновление процедуры уголовного преследования и, по существу, повторное осуждение обвиняемого за одно и то же преступление, что, противоречит требованиям ч. 1 ст. 50 Конституции РФ⁸⁶.

⁸⁴ См.: Рекомендации участников Всероссийской научно-практической конференции «Права человека в России и правозащитная деятельность государства», г. Москва, 12 мая 2003 г. // Законность. 2003. № 7. С. 61.

⁸⁵ См.: Ковтун Н. Н., Подшибякин А. С. Производство в суде надзорной инстанции: вопросов больше, чем ответов // Российский судья. 2002. № 9. С. 18; Ковтун Н. Н. Нужен ли возврат к ревизионному началу в кассационном и надзорном производстве? // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 74 и др.

⁸⁶ См.: Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В. М. Лебедева. М., 2004. С. 307 (автор гл. 18 – В.И. Радченко).

Как уже было сказано, в Определении от 3 июля 1997 г. № 87-О Конституционный Суд РФ сформулировал позицию, согласно которой окончательные приговоры не подлежат пересмотру, если только этого не требуется «в силу новых или вновь обнаруженных обстоятельств». Именно эта правовая позиция легла в основу регламентации в УПК РФ 2001 г. порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, включая положение ст. 405 УПК РФ в его первоначальной редакции. Однако позднее, Постановлением от 11 мая 2005 г. № 5-П⁸⁷, Конституционный Суд РФ признал ст. 405 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она, не допуская поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяет тем самым устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные нарушения, ведущие к неправильному разрешению дела.

Явное противоречие между приведенными правовыми позициями Конституционного Суда РФ вполне объяснимо. Дело в том, что формулируя в 1997 г. свою первоначальную позицию, Конституционный Суд РФ опирался на ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1956 г., допускающую исключения из запрета повторно осуждать за то же деяние только в случаях, *если это необходимо в силу новых или вновь обнаруженных обстоятельств*. К моменту же вынесения Постановления от 11 мая 2005 г. № 5-П Российская Федерация уже ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протокол № 7 к ней, существенно расширивший, в сравнении с Пактом, возможности пересмотра окончательных судебных решений. Согласно п. 2 ст. 4 Протокола принцип *non bis in idem* не препятствует повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, *«если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела»*.

⁸⁷ См.: Российская газета. 2005. 20 мая.

Таким образом, принцип *res judicata* не предполагает абсолютного запрета на пересмотр окончательных судебных решений. Такой запрет составляет лишь общее правило, которое, однако, не действует в том случае, если имеются указанные в п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции основания для повторного рассмотрения дела.

Не случайно Н.Н. Ковтун и Д.М. Шунаев включают основания преодоления окончательности судебного решения в формулу принципа *res judicata*, который, по их мнению, представляет собой правило о недопустимости пересмотра окончательных судебных решений в отсутствие исключительных (экстраординарных) на то оснований⁸⁸. Как пишет В.А. Давыдов, «принцип *res judicata* не является абсолютным и «отступает» перед необходимостью исправления существенной судебной ошибки, при условии что в законе сформулированы ясные и четкие критерии для отмены судебного акта, вступившего в законную силу⁸⁹.

На основании изложенного следует прийти к выводу, что правило *res judicata*, с одной стороны, является элементом и гарантией принципа правовой определенности, а с другой – ограничивает пределы его действия соразмерно интересам общества и личности, требующим исправления судебной ошибки, приводящей к несправедливости судебного акта. Причем ограничение действия принципа правовой определенности происходит в сфере уголовного судопроизводства, что является свидетельством того, что процедура пересмотра вступивших в законную силу судебных решений выступает той специфической формой, в которой разрешается диалектическое противоречие между принципами правовой определенности и правом на судебную защиту.

Поскольку применительно к фигурам осужденного, оправданного и лица, уголовное дело в отношении которого прекращено,

⁸⁸ См.: Ковтун Н. Н., Шунаев Д. М. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека. 2014. № 9. С. 40–41.

⁸⁹ Давыдов В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 26.

принцип *res judicata* имеет своим основанием правило *non bis in idem*, возникает вопрос: как с этим последним соотносится отмена окончательного судебного решения и повторное рассмотрение уголовного дела?

По мнению Конституционного Суда РФ, отмена вступившего в законную силу судебного решения по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, с последующим проведением по делу нового разбирательства является *исключением* из принципа *non bis in idem*. В Постановлении от 16 мая 2007 г. № 6-П сказано, что «...исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисpravление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших»⁹⁰. Такая позиция представляется дискуссионной.

Принцип *non bis in idem* устанавливает запрет осуществления *повторного* уголовного преследования, осуждения и наказания лица, то есть когда лицо ранее уже подвергалось уголовному преследованию, осуждению и наказанию за совершение того же преступления. Однако о повторности можно говорить только при условии, что первоначальное судебное решение, которым был разрешен вопрос о причастности лица к совершенному преступлению, сохраняет свою силу. Само существование такого судебного решения, как было сказано выше, исключает возможность уголовного преследования того же лица за совершение того же преступления, поскольку в противном случае один и тот же правовой вопрос был бы разрешен одновременно несколькими процессуальными решениями, что с принципом правовой определенности абсолютно несовместимо.

Отмена судебного решения означает его аннулирование, в том числе утрату им свойства исключительности, а значит, последующее уголовное преследование и возможное привлечение лица к уголовной ответственности, применение к нему иных мер уголовно-

⁹⁰ См.: Российская газета. 2007. 2 июня.

правового характера уже *не могут рассматриваться как повторные*. Другими словами, преодоление *res judicata* устраняет само основание применения принципа *non bis in idem*.

Подтверждением данному выводу служит позиция Комитета по правам человека ООН, который в п. 56 Замечаний общего порядка № 32 (81) «Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство» отметил, что предусматриваемый в п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах запрет «не имеет значения, если вышестоящий суд отменяет приговор и распоряжается о проведении нового судебного разбирательства»⁹¹.

Аналогичную позицию занял и Европейский Суд по правам человека, который в Постановлении по делу «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» указал, что при отсутствии иного сохраняющего юридическую силу решения, то есть в случае отмены первоначального судебного решения, последующее будет единственным решением по уголовному делу⁹².

Таким образом, правовую ситуацию, складывающуюся при отмене вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда, *правильнее характеризовать не как исключение из общего запрета поворота к худшему, а как устранение правовой и фактической основы для применения правила non bis in idem*⁹³.

Выше мы не случайно обратили внимание на то, что принцип *res judicata* имеет своим основанием правило *non bis in idem* лишь применительно к фигурам осужденного, оправданного и лица, уголовное дело в отношении которого прекращено. Понятно, что запрет повторного осуждения за одно и то же преступление не имеет никакого отношения к иным участникам окончательно разрешенного судом правового дела, например, потерпевшему, гражданс-

⁹¹ Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 384.

⁹² См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99).

⁹³ См.: Дикарев И. С. Реализация общепризнанного принципа *non bis in idem* в российском уголовном процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2013. № 1. С. 100–104.

кому истцу, гражданскому ответчику (когда в этом качестве выступает не сам обвиняемый).

Вместе с тем, очевидно, что принцип *res judicata* должен гарантировать права и законные интересы этих лиц в той же мере, что и интересы осужденного или оправданного. Следовательно, основания *res judicata* не исчерпываются правилом *non bis in idem*, они значительно шире – в принципе правовой определенности, призванном обеспечить стабильность правовых отношений и установленного окончательным решением суда статуса для всех участвовавших в деле лиц.

Думается, именно поэтому законодатель, моделируя процедуру пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, не должен ограничиваться установлением лишь тех условий, которые закреплены в ч. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основанных свобод, но обязан предусмотреть такой комплекс процессуальных средств и условий, который способен обеспечить баланс ключевых для данной процедуры ценностей – права на судебную защиту и принципа правовой определенности.

Как отметил Конституционный Суд РФ, закрепление в законе экстраординарных, чрезвычайных по своему характеру способов обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений требует: 1) установления специальной процедуры открытия соответствующего производства, 2) ограниченного перечня оснований для отмены таких судебных постановлений, которые не могут совпадать с основаниями для отмены судебных постановлений в ординарном порядке, а также 3) закрепления особых процессуальных гарантий для защиты как частных, так и публичных интересов от их необоснованной отмены⁹⁴. Более подробно о гарантиях принципа правовой определенности в аспекте обеспечения *res judicata* будет сказано в параграфе, посвященном свойству неопровержимости судебных решений.

⁹⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 14. Ст. 1734.

Исполнимость судебных решений

Требование исполнимости судебных решений, составляющее один из элементов принципа правовой определенности, реализуется посредством придания судебному решению соответствующего свойства (более подробно содержание этого свойства будет раскрыто ниже), обеспеченного силой государственного принуждения.

Значение исполнимости судебных решений раскрывает всю глубину диалектической взаимосвязи принципов правовой определенности и права на судебную защиту.

С одной стороны, практика неуклонного исполнения окончательных судебных решений позволяет гражданам реально рассчитывать на то, что содержащиеся в судебном акте решения будут воплощены в жизнь, без чего невозможно прогнозировать последствия юридической деятельности, выбирать наиболее оптимальный, соответствующий законным интересам способ действия. К тому же без реального исполнения судебного решения остается незавершенным процесс правоприменения – закон, примененный в деле, бездействует, что грубо нарушает такие принципы уголовного судопроизводства, как законность, равенство всех перед законом и судом и др.

С другой стороны, без реального исполнения судебного решения остается нереализованным заложенный в нем правозащитный потенциал, вследствие чего лицо, обратившееся в суд и добившееся вынесения положительного для него решения, остается без реальной судебной защиты. Другими словами, в случае неисполнения вступившего в законную силу судебного решения судебная защита попросту не доносится до субъекта. Такое положение не только нарушает права и свободы личности, но и наносит колоссальный ущерб репутации судебной власти, которая в отсутствие возможности исполнения судебного решения оказывается бессильной, что обесценивает правосудие в глазах общества и каждого отдельного гражданина. Как следствие, разуверившись в судебной власти, граждане начинают искать иные, незаконные, способы «защиты» своего права – самоуправство, месть и т. п.

В конечном счете невозможность исполнения окончательно судебного решения подрывает основы принципа справедливости в судопроизводстве. Европейский Суд по правам человека констатирует, что право на справедливое судебное разбирательство «будет иллюзорным, если внутренние правовые системы Договаривающихся Государств будут позволять обязательным судебным решениям оставаться неисполненными в ущерб одной из сторон. Немыслимо, чтобы пункт 1 Статьи 6 (Конвенции о защите прав человека и основных свобод. – *И. Д.*) детально оговаривал процессуальные гарантии, предоставленные сторонам в процессе – разбирательство справедливое, публичное и эффективное – не защищая исполнение судебных решений. Толкование Ст. 6 только как касающейся исключительно доступа к суду и проведения разбирательства может привести к ситуациям, не совместимым с принципом верховенства права, который Договаривающиеся Государства обязались соблюдать при ратификации Конвенции... Исполнение решения, вынесенного судом, должно рассматриваться как составляющая часть “разбирательства” для целей Статьи 6...»⁹⁵. Одно лишь вынесение судебного акта, которым установлен факт нарушения прав и свобод определенного лица и возложена обязанность по совершению определенных действий на лицо, допустившее такое нарушение, было бы бессмысленным и не востребуемым, если бы исполнение такого акта не было обеспечено принудительной силой публично-властных субъектов⁹⁶.

В заключение необходимо отметить то особое значение, которое в сфере процессуального права имеет для обеспечения принципа правовой определенности **требование осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок** (ст. 6.1 УПК РФ).

⁹⁵ См.: Решение Европейского Суда по правам человека от 19 марта 1997 г. «По делу Хорнсби (Hornsby) против Греции» // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. Т. 2 / председатель редколлегии В. А. Туманов. М., 2000. С. 431 ; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1999 г. «Дело Брумареску против Румынии (Brumarescu v. Romania)» (жалоба № 28342/95). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁹⁶ Вишневский Г. А. Действие принципа *res judicata* как необходимое условие обеспечения справедливости // Современное право. 2013. № 11. С. 76.

Данное требование является самостоятельным принципом уголовного судопроизводства⁹⁷, который играет роль важной гарантии обеспечения принципа правовой определенности.

Уголовный процесс как процедура, предназначенная для преодоления неопределенности, вызванной актуализацией правового спора (прежде всего о виновности лица в совершении преступления), был бы неэффективным в том случае, если бы стороны этого спора не могли рассчитывать на его разрешение в течение определенного, отвечающего критериям разумности, периода времени.

Разумным следует считать такой процессуальный срок, продолжительность которого является оптимальной (достаточной и необходимой) для того, чтобы принятие процессуальное решение, выполнение процессуального действия, завершение отдельной стадии уголовного процесса или производства по уголовному делу в целом обеспечивало реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Требование обеспечения разумности процессуальных сроков имеет общий характер и служит гарантией не только личных интересов участников уголовного судопроизводства, но и интересов, имеющих публичный характер.

Очевидно, что государство и общество крайне заинтересованы в том, чтобы производство по уголовному делу завершалось в максимально короткие, разумные сроки. Во-первых, вступление в законную силу судебных решений обеспечивает режим правовой определенности, стабильность правоотношений. Во-вторых, нельзя не учитывать, что уголовное судопроизводство – дорогостоящая процедура, в связи с чем его неоправданное затягивание наносит прямой ущерб экономике страны.

Еще более значимо соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства для его участников, причем не только сторон. Например, свидетели, вынужденные отвлекаться от своих

⁹⁷ Дикарев И. С., Гордеев П. С. Разумность процессуальных сроков – принцип уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2012. № 1. С. 116.

повседневных занятий в связи с вызовами на допросы в органы расследования и в суд, далеко равнодушно относятся к тому, как скоро завершится производство по уголовному делу и, соответственно, их участие в нем. Что говорить об обвиняемом и потерпевшем, для одного из которых затягивание сроков производства по уголовному делу является причиной продолжительного содержания под стражей, а для другого – препятствием для возмещения причиненного преступлением вреда и восстановления в правах.

Глава 2

ЗАКОННАЯ СИЛА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Проблема законной силы судебного решения в процессуальной теории до сих пор не нашла своего окончательного разрешения: не выработано общего подхода к пониманию сущности законной силы, сохраняется неопределенность в вопросе о соотношении законной силы и свойств судебного решения.

Обращает на себя внимание и различие в степени разработанности данной проблематики в разных отраслях процессуальной науки. В отличие от науки гражданского процессуального права, где проблеме законной силы судебных постановлений традиционно уделяется значительное внимание, в теории уголовного судопроизводства соответствующие вопросы становятся предметом специальных исследований намного реже.

Большинство вопросов, так или иначе связанных с проблематикой законной силы судебного решения, вызывают в процессуальной теории оживленные дискуссии. Пожалуй, лишь в одном – относительно источника законной силы судебного акта – исследователи вполне единодушны. Источником силы, которой обладает судебное решение, признается государство в лице судебной власти и суда как органа, занимающего особое место в системе государственных учреждений¹.

Что же касается понимания сущности законной силы судебного решения, то здесь мнения исследователей существенно расходятся. При этом все многообразие высказанных на этот счет

¹ См.: Завадская Л. Н. Механизм реализации права. М., 1992. С. 273 ; Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 107 ; Борисов М. С. Теоретические и практические проблемы законной силы судебного решения : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 67–68.

точек зрения можно свести к двум основным подходам к пониманию законной силы.

Первый подход предполагает рассмотрение законной силы как явления *статического* – как качественной характеристики судебного решения, придающей ему определенные свойства, обеспечивающие его реализацию как акта правосудия. В рамках данного подхода существуют различные взгляды на содержание законной силы, дифференцируемые в зависимости от того, с какими конкретно свойствами судебного решения она прежде всего ассоциируется.

Одни ученые-процессуалисты прямо отождествляют законную силу с отдельными свойствами судебного решения; другие видят в законной силе воплощение совокупности всех свойств судебного акта; третьи же саму законную силу рассматривают как одно из качеств (свойств) судебного решения.

К первой группе авторов необходимо отнести Н.Б. Зейдера, М.А. Гурвича и П.П. Заворотько, которые отождествляли законную силу с конкретным свойством судебного решения, в связи с чем этому свойству придавалось ключевое, определяющее значение. Так, Н.Б. Зейдер понимал под законной силой судебного решения его обязательность², а М.А. Гурвич и П.П. Заворотько – свойство неизменяемости³.

Более распространенной является другая точка зрения, суть которой состоит в том, что законная сила охватывает своим содержанием все свойства судебного решения, то есть по сути является их совокупностью или выражением⁴. Например, В.Н. Бутов, Е.В. Клинова прямо определяют законную силу судебного ре-

² Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 113.

³ См.: Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 146–147; Заворотько П. П. Процессуальные гарантии исполнения судебного решения. М., 1974. С. 108.

⁴ См.: Кац С. Ю. Судебный надзор в гражданском судопроизводстве. М., 1980. С. 134; Князев А. А. Законная сила судебного решения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 41; Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции : монография / под ред. д-ра юрид. наук Н. А. Колоколова. М., 2012. С. 258; и др.

шения как совокупность или комплекс его свойств, обеспечивающих реализацию содержащихся в нем предписаний⁵.

Весьма близка к этой точке зрения позиция тех ученых, которые рассматривают свойства судебного решения как последствия его вступления в законную силу. В этом смысле придание судебному акту свойств неопровержимости, исключительности и прочих вполне можно объяснить тем, что вступая в законную силу, то есть приобретая данное качество, судебное решение получает и все свойства, составляющие его содержание. Именно в таком ключе, как представляется, должна быть истолкована позиция Л.Г. Шустера, К.С. Юдельсона и ряда других ученых⁶.

Следует отметить, что в современной юридической литературе данная позиция подвергается некоторыми авторами критике. Так, например, В.В. Терехов полагает, что приравнение законной силы к одному или нескольким последствиям обесмысливает ее существование как самостоятельной категории, которая не нуждается в дублирующих понятиях⁷.

Наиболее спорной представляется позиция тех ученых, которые ставят законную силу в один ряд с другими свойствами судебного решения. Так, Ю.М. Грушевой, а вслед за ним и А.В. Бунина, выделяя внутренние и внешние свойства приговора, относят к числу последних законную силу, называя ее наряду с такими свойства-

⁵ См.: Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 13–14 ; Клинова Е. В. Проявление законной силы судебного решения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9.

⁶ См.: Шустер Л. Г. Приговор советского суда и его законная сила : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. С. 11 ; Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М., 1956. С. 285 ; Куцова Э. Ф. Приговор / отв. ред. Д. С. Кареев. М., 1962. С. 6 ; Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе. С. 7, 116 ; Цепкова Т. М., Борисов М. С. Соотношение законной силы судебного решения и принципа *res judicata* в свете постановлений Европейского Суда по правам человека // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 55 ; Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции. С. 258 ; и др.

⁷ Терехов В. В. Границы законной силы судебного решения: территориальный и темпоральный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 15.

ми, как исключительность и общеобязательность⁸. Очевидно, что при таком подходе не только разрывается связь между законной силой судебного решения и его свойствами, но и происходит выхолащивание содержания законной силы.

В рамках подхода, рассматривающего законную силу как качественную характеристику судебного решения, следует выделить позицию тех ученых, которые придают законной силе значение свойства, в котором проявляется соответствие судебного решения требованиям законности и обоснованности.

Так, С.Ю. Кац видел в законной силе определенное правовое состояние судебного решения, заключающееся в том, что, во-первых, в нем воплотился закон, чем предопределяется *законность* решения, его общеобязательность, а также *обоснованность*, ведь закон может воплотиться в судебном решении только тогда, когда он правильно применен к установленным судом фактическим обстоятельствам дела. Исходя из этого автор включал в содержание законной силы законность и обоснованность судебного акта, понимая под ней «такое правовое состояние решения, когда оно считается законным и обоснованным и способно к осуществлению в силу его общеобязательности»⁹.

На связь законной силы с законностью и обоснованностью обращается внимание и в наши дни. В частности, М.С. Борисов полагает, что законная сила есть ни что иное, как устанавливаемое волеизъявлением государства соответствие решения суда первой инстанции требованиям законности, обоснованности, в том числе отсутствие нарушений, влекущих безусловную отмену решения суда первой инстанции¹⁰.

⁸ См.: Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 109 ; Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 12–13.

⁹ См.: Кац С. Ю. Судебный надзор в гражданском судопроизводстве. С. 131–133.

¹⁰ См.: Борисов М. С. Теоретические и практические проблемы законной силы судебного решения. С. 9, 72.

Особое значение рассматриваемого теоретического подхода к пониманию законной силы выразилось в том, что на его платформе сформировалось убеждение в наличии обратной зависимости, когда законная сила рассматривалась в качестве производной свойств законности и обоснованности.

Так, например, Ю.М. Грошевой, относя законную силу к внешним свойствам приговора, прямо указывал на ее обусловленность внутренними свойствами судебного решения – законностью и обоснованностью¹¹. А.Л. Ривлин объявлял правильность приговора по существу «важнейшим основанием законной силы приговора в советском уголовном процессе, ее источником»¹².

В советском уголовном процессе данная позиция стала теоретической основой для девальвации (от лат. *de* понижение и *valeo* иметь значение, стоить) законной силы судебного решения, которая утратила значение реальной гарантии стабильности приговоров, превратившись в формальный атрибут судебного решения, отрицавшийся всякий раз, как только возникали сомнения в законности, обоснованности или справедливости судебного акта.

«Советское социалистическое государство, – писал Т.В. Альшевский, – не может идти на сохранение незаконных, необоснованных приговоров лишь только потому, что они уже вступили в законную силу»¹³. Такая позиция в советской науке уголовного процесса была общепринятой, что подтверждается высказываниями целого ряда известных ученых-процессуалистов: Б.С. Тетерина, отмечавшего, что «незаконный и необоснованный приговор, даже если он вступил в законную силу, во всех случаях должен быть исправлен или отменен»¹⁴; В.А. Банина, по словам ко-

¹¹ Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. С. 109.

¹² См.: Ривлин А. Л. Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958. С. 46–47.

¹³ Альшевский Т. В. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955. С. 6.

¹⁴ Тетерин Б. С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе. М., 1959. С. 7.

торого «фетишизация» законной силы приговора чужда советскому уголовному процессу¹⁵, И.Д. Перлова, считавшего, что «законная сила приговора не “освящает” судебные ошибки и не служит преградой на пути их исправления, как это имеет место в большинстве буржуазных стран»¹⁶ и др.

В связи с этим ученые-процессуалисты были едины во мнении, что при малейших основаниях считать приговор незаконным или необоснованным, он подлежит пересмотру, даже если вступил в законную силу¹⁷.

Данный подход оказал крайне негативное влияние на обеспечение в советском уголовном процессе гарантий принципа, именного в современной юридической науке правовой определенностью. Это проявилось в установлении общих оснований для отмены вступивших и не вступивших в законную силу судебных решений, наделении стороны обвинения в лице прокуратуры неоправданными преимуществами по инициированию пересмотра приговоров, определений и постановлений суда в порядке судебного надзора и т. д.

Следует заметить, что отголоски рассматриваемой концепции слышны в юридической науке до сих пор. Только теперь этот вопрос исследуется в контексте обеспечения принципа правовой определенности, который, как полагают авторы, не нарушается в случае отмены решения, не соответствующего требованиям закона.

Как пишет Р. Масаладжиу, принцип правовой определенности может предполагать недопустимость пересмотра только такого судебного акта, который с точки зрения действующего на момент его вынесения законодательства соответствовал нормам

¹⁵ См.: Банин В. А. Основные теоретические и практические вопросы надзорного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1966. С. 7–8.

¹⁶ Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. М., 1974. С. 13.

¹⁷ См.: Рахунов Р. Д. Пересмотр приговоров и определений в президиумах судов. М., 1956. С. 4 ; Цыпкин А. Л. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965. С. 72–73.

материального и процессуального права. Однако если при принятии судебного акта были допущены существенные, грубые нарушения норм права, то данный судебный акт должен быть отменен, и едва ли есть основания говорить о нарушениях в данном случае принципа правовой определенности¹⁸. При этом автор ссылается на мнение И.А. Приходько о том, что «не усматривается какой-либо правовой ценности в определенности, которая основана на неправильном толковании и применении норм права, а потому такая определенность не является правовой по определению»¹⁹.

Возвращаясь к тезису о том, что законной силой может обладать только законное и обоснованное решение, необходимо признать его несостоятельным. Конечно, законодатель устанавливает механизмы проверки законности и обоснованности судебного решения до его вступления в законную силу с тем, чтобы обеспечить такое положение, при котором свойствами неопровержимости, общеобязательности и исключительности обладали бы лишь те судебные акты, которые являются правосудными. Однако не исключены ситуации, когда судебное решение, незаконность которого выяснилась и подтвердилась в ходе кассационного или надзорного рассмотрения уголовного дела, все равно останется в силе, например, по причине истечения срока, установленного для пересмотра приговоров, определений или постановлений суда по основаниям, ухудшающим положение осужденного, оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено (ст. 401.6 УПК РФ).

В этой связи следует согласиться с авторами, отмечающими, что *обладание судебным решением законной силой не зависит от того, правильно оно или нет. Законная сила может*

¹⁸ См.: Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 8. С. 10–13.

¹⁹ Приходько И. А. Пересмотр неправосудного судебного акта в производстве по вновь открывшимся обстоятельствам // Закон. 2008. № 6. С. 122.

*быть свойственна незаконному и необоснованному судебному акту до его отмены в установленном порядке*²⁰.

Второй подход к пониманию сущности законной силы исходит из того, что она представляет собой *явление динамическое*.

Одни авторы рассматривают законную силу как проявление действия *судебного решения*²¹, другие полагают, что законная сила есть проявление действия не самого решения, а *примененного в деле закона*. Последняя точка зрения была весьма распространенная в советской юридической науке²², находит она поддержку и среди современных авторов²³.

Попытки исследователей обосновать взаимосвязь законной силы и применяемого в деле закона обусловлены стремлением объяснить истоки свойств, присущих вступившему в законную силу судебному акту. Однако далеко не все современные исследователи соглашались с тем, что привносимые в правовую сферу судебным решением последствия являются исключительно проявлением действия или свойств примененного в деле закона (нормы права), поскольку, приняв данное утверждение, пришлось бы признать, что решение суда лишь дублирует норму права и потому является излишним²⁴.

К тому же, судебное решение сохраняет законную силу независимо от судьбы примененного в деле закона. В частности, утра-

²⁰ См., напр.: Вилдерс Я. А. Стабильность приговора и эффективность правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1981. С. 12 ; Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции. С. 250.

²¹ См.: Авдюков М. Г. Судебное решение. М., 1959. С. 137 ; Завадская Л. Н. Реализация судебных решений. М., 1982. С. 24.

²² См.: Тетерин Б. С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе. М., 1959. С. 8 ; Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960. С. 15 ; Зейдер Н. Б. Судебное заседание и судебное решение в советском гражданском процессе : учеб. пособие. Саратов, 1959. С. 77 ; Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. С. 114.

²³ См., напр.: Громов Н., Конев В., Николайченко В. Законная сила приговора // Российская юстиция. 1998. № 1. С. 13 ; Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции. С. 248–249.

²⁴ См., напр.: Скобелев В. П. Понятие и содержание законной силы судебного решения // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сб. науч. ст. СПб., 2008. С. 454–455.

та силы уголовно-процессуальным законом, примененным в деле, не влечет утрату судебным решением законной силы.

Но если не примененный в деле закон придает силу судебному решению, значит законом становится сам судебный акт, когда он вступает в законную силу – данная точка зрения также весьма распространена среди ученых-процессуалистов. «Вступление приговора в законную силу, – писал М.С. Строгович, – означает, что приговор для данного дела получает силу закона, то есть он столь же обязателен для исполнения, как закон»²⁵. Схожим образом рассуждали В.М. Савицкий и А.М. Ларин: «Законная сила приговора – юридическое свойство приговора, благодаря которому он становится законом, обязательным для всех, кого касается приговор»²⁶. Н.А. Чечина также считала, что законная сила судебного решения – это ни что иное, как наделение его теми же качествами, теми же свойствами, которыми обладает нормативный акт²⁷.

Нельзя не заметить, что отождествление судебного решения и закона в процессуальной науке всегда воспринималось крайне настороженно. Тому есть веская причина: согласившись с данной идеей, необходимо одновременно признать судебное решение одним из источников права. Ближе всех к данной позиции приблизился М.А. Чельцов, который, хотя и сделал оговорку, что источником права судебное решение не является, все же признал за последним правотворческую силу²⁸. Данное утверждение М.А. Чельцова подверг обоснованной критике И.Д. Перлов, писавший: «Если приговор имеет правотворческую силу, то ясно, что тем самым он создает новую норму права и, следовательно, является источником права. Нельзя одновременно утверждать первое и отрицать второе»²⁹. Конечно, в отечественной право-

²⁵ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. II. С. 423.

²⁶ Савицкий В. М., Ларин А. М. Уголовный процесс : слов.-справ. М., 1999. С. 51.

²⁷ См.: Чечина Н. А. Норма права и судебное решение // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002–2003. № 2. С. 701–702.

²⁸ Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 6.

²⁹ Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. С. 14.

вой системе судебное решение правовых норм не создает, и его статус как источника права является весьма спорным. Справедливости ради надо сказать, что и сам М.А. Чельцов признал это, не повторив соответствующих положений в более позднем издании своего учебника³⁰. Как отмечают современные исследователи, приговор суда не является нормативным актом, он не создает общих правил поведения – нормы права, не обладает всеми признаками, присущими закону. Приобретая ряд свойств закона, он, однако, не перерастает в закон³¹.

В связи с этим в отечественной юридической литературе отмечается, что при вступлении в законную силу судебное решение *не становится законом, а лишь приобретает его силу, уподобляется, приравнивается к нему*³².

Как писал С.С. Алексеев, при всей схожести нормативных юридических предписаний с индивидуальными государственно-властными велениями, последние представляют собой специфическое правовое явление, качественно отличающееся от нормативных правовых предписаний. «Отличие состоит в том, что предписание, выражающее решение юридического дела, имеет *индивидуальный характер*. При самой общей характеристике его роль заключается в выполнении *функции юридического факта*, так как именно с ним юридические нормы связывают определенные юридические последствия»³³.

Соответственно, и правовая природа силы, которой обладает судебный акт, совершенно иная, нежели сила закона. Не слу-

³⁰ См.: Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. 2-е изд., перераб. М., 1951.

³¹ См.: Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе. С. 107 ; Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции. С. 248.

³² См.: Шустер Л. Г. Приговор советского суда и его законная сила. С. 10 ; Кобликов А. С. Судебный приговор. М., 1966. С. 6 ; Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973. С. 42 ; Громов Н., Конев В., Николайченко В. Законная сила приговора ; Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе. С. 116 ; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. И. Л. Петрухин. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 450 ; и др.

³³ Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. М., 1982. С. 346.

чайно в некоторых законодательствах (например, французском, болгарском и др.) эпитет «законная» для характеристики силы судебного акта вообще не используется. Судебное решение является актом применения права, к числу обязательных признаков которого относится *властный характер*. Поэтому для объяснения природы силы, которой обладает судебный акт, нет необходимости переносить на него черты, свойственные закону. **Принятый в теории процессуального права подход, уподобляющий судебное решение по его силе закону, преследует цель не раскрыть сущность законной силы, а показать правоприменителю значимость судебного акта, степень властности выносимых судом решений.**

В этой связи следует поддержать авторов, высказывающихся против трактовки выражения «законная сила» в буквальном смысле³⁴. Корректнее говорить о силе судебного решения без прибавления определения «законная», поскольку речь идет о явлении, специфическом именно для актов правосудия и ничего общего с силой, которой обладают законы, не имеющим. Впрочем, из этого вовсе не вытекает необходимость вносить изменения в действующее законодательство, вычеркивая из словосочетания «законная сила» первое слово. Данный термин является устоявшимся, традиционным и универсальным для процессуального права, а его использование – никак не отражается на качестве правоприменения. *Принципиально важно понять, что собой представляет сила судебного решения и каково значение употребляемого законодателем термина «вступление приговора в законную силу» (ст. 390 УПК РФ).*

В отличие от силы закона, понимание которой остается относительно неизменным на протяжении вот уже долгого времени, понятие законной силы судебного решения в уголовном процессе претерпело значительные изменения.

Напомним, что в дореволюционном уголовном процессе приговоры по уголовным делам подразделялись, во-первых, на нео-

³⁴ Скобелев В. П. Понятие и содержание законной силы судебного решения. С. 454.

кончателные и окончательные, а во-вторых, на вступившие и не вступившие в законную силу. Деление приговоров на окончательные и неокончателные было проведено в зависимости от возможности их обжалования в кассационном порядке. Таким образом, окончательность судебного решения означала решенность фактической стороны дела, но отнюдь не вступление приговора в законную силу.

Советский уголовный процесс преобразовал существующую до того кассацию, придав ей черты апелляции, вследствие чего проверка как фактической, так и юридической стороны судебного решения стала осуществляться в рамках единой процедуры, получившей в теории название «советская кассация». Советская кассация характеризовалась как особая процессуальная форма обжалования, сочетающая в себе проверку как соблюдения закона, так и правильности решения дела по существу судом первой инстанции³⁵. Поскольку советская кассация заменила собой и апелляцию, и дореволюционную «классическую» кассацию, приговор после его прохождения через эту стадию не только становился окончательным, но и вступал в законную силу. Таким образом, в советском уголовном процессе исчезли всякие основания для разделения приговоров на окончательные и вступившие в законную силу, эти понятия слились, став тождественными.

Изменения и дополнения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ³⁶, были призваны вернуть системе проверки правосудности судебных актов облик, близкий тому, который она имела в период действия Судебных уставов 1864 года. Однако эта реформа никак не отразилась на пони-

³⁵ Строгович М. С. Уголовный процесс : учеб. для юрид. ин-тов и фак. М., 1946. С. 453.

³⁶ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

мании вступившего в законную силу судебного решения: несмотря на выделение кассации как формы проверки юридической стороны дела, приговор по-прежнему вступает в законную силу как только становится окончательным, то есть когда проходит проверку в суде апелляционной инстанции или когда истекает срок апелляционного обжалования. Одной из причин этого является то, что современную апелляцию законодатель по привычке рассматривает как кассацию советского образца, призванную гарантировать правильность не только фактической, но и юридической стороны дела.

Итак, законная сила судебного решения как категория процессуального права всегда обладала собственным уникальным содержанием, и не будучи никак связанной с понятием силы закона, развивалась вполне самостоятельно.

Слово «сила» вполне адекватно отражает смысл обозначаемого понятия. Многочисленные его значения весьма удачно характеризуют соответствующее качество судебного решения: способность проявления какой-нибудь деятельности, состояния, отличающаяся определенной степенью устремленности; могущество, влияние, власть; действенность, полномочность³⁷.

Будучи органом, осуществляющим применение права, суд осуществляет индивидуальное регулирование общественных отношений. Государственно-властный характер придается судебному решению для того, чтобы указанная деятельность оказалась эффективной, обеспечивала решение задач, стоящих перед правосудием в целом и перед судом при разрешении конкретного юридического спора в частности.

Как верно отмечает А.А. Шамардин, сущностью судебной власти, так же как и государственной власти вообще, является возможность принудительного регулятивного воздействия на поведение различных субъектов. Одна из ключевых особенностей судебной власти состоит в том, что такое воздействие судебная

³⁷ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. С. 705–706.

власть оказывает не иначе, как путем принятия обязательных к исполнению правоприменительных решений³⁸.

Назначение правосудия состоит в обеспечении прав и свобод личности (ст. 18 Конституции РФ). Смысл надления судебного решения силой – придать ему такие свойства, реализация которых обеспечивала бы выполнение им функции средства реализации задач правосудия.

Сила судебного решения опирается на законодательные установления, в которых выражено значение судебного решения, гарантируется его обязательность, регламентируются права, обязанности и ответственность субъектов, связанные с исполнением содержащихся в судебном решении велений. Указанные нормативные предписания зафиксированы в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 6), Федеральном конституционном законе от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (ч. 8 ст. 5), отраслевом процессуальном законодательстве (ст. 90, 392, раздел XV УПК РФ и др.), а также в общепризнанных принципах и нормах международного права – Международном пакте о гражданских и политических правах (ч. 7 ст. 14 и др.), Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6 и др.) и Протоколах к ней и т. д. Именно в этих положениях заключена правовая основа силы судебного решения и каждого из образующих ее свойств.

Таким образом, **сила судебного решения является проявлением государственно-властного характера судебного решения как правоприменительного акта, вынесенного государственным органом – судом, и выражается в совокупности имманентно присущих судебному решению свойств – неопровержимости, общеобязательности и исключительности.**

³⁸ Шамардин А. А. К вопросу о формах осуществления судебной власти // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. : в 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург, 2005. С. 397.

Каждое из названных свойств обладает собственным уникальным содержанием, однако эффективность судебного решения как акта правосудия может быть обеспечена лишь при условии, что указанные свойства действуют в комплексе. В этом смысле сила судебного решения характеризуется системностью: только при условии реализации всех свойств судебного решения оно способно служить средством решения ключевой задачи, стоящей перед правосудием в целом и по конкретному юридическому делу в частности, – обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Учитывая, что действующее процессуальное законодательство устанавливает момент вступления приговора, определения и постановления суда в законную силу, создается впечатление, что именно в это время у судебного решения появляются свойства, в которых выражается его значение как акта правосудия (неопровержимость, общеобязательность и др.). В этом случае законная сила должна рассматриваться как некое отделимое от судебного акта качество, приобретаемое судебным решением в установленный законом срок.

Подобная логика приводит исследователей к выводу, что судебное решение до вступления в законную силу не является актом правосудия, носит «промежуточный» характер. Так, например, А.М. Безруков пишет: «До вступления в законную силу решение суда не может рассматриваться как окончательный акт правосудия, а является лишь промежуточным этапом, обязательной, но не финальной стадией последнего»³⁹. В таком контексте автор понимает под законной силой приговора его окончательность и непрерываемость, характеристику, позволяющую говорить о нем как об акте правосудия⁴⁰.

Получается, что до вступления в законную силу приговор, определение и постановление суда актами правосудия не являются. Однако данное предположение противоречит положениям закона, предусматривающим, например, немедленное, то есть

³⁹ Безруков А. М. Преюдициальная связь судебных актов. М., 2007. С. 21.

⁴⁰ Там же. С. 109.

до вступления в законную силу, исполнение приговоров, определений и постановлений суда. Так, немедленному исполнению подлежит решение суда об освобождении подсудимого из-под стражи в зале суда в случае вынесения: оправдательного приговора; обвинительного приговора без назначения наказания; обвинительного приговора с назначением наказания и с освобождением от его отбывания; обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, или наказания в виде лишения свободы условно (ст. 311 УПК РФ), а также определения или постановления о прекращении уголовного дела (ч. 3 ст. 391 УПК РФ). Совершенно очевидно, что названные решения подлежат исполнению именно как акты правосудия во имя защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом, несмотря на то что момент, с которым закон связывает вступление судебного акта в законную силу, еще не наступил, соответствующие приговор, определение и постановление уже обладают свойством исполнимости, а следовательно, и общеобязательности.

В юридической литературе феномен немедленного исполнения судебного решения иногда объясняют презумпцией вступления (в будущем) решения в законную силу⁴¹.

Однако такое объяснение принято быть не может. Даже если допустить существование презумпции вступления судебного акта в законную силу, вопрос о том, откуда у приговора, определения или постановления суда берется свойство, которое, как утверждается, возникает не ранее вступления в законную силу, все равно остается без ответа.

Исполнимость не единственное свойство, которое проявляет себя до вступления судебного решения в законную силу. В теории процессуального права выделяется также свойство неизменяемости, состоящее в запрете суду, вынесшему решение, вносить в него какие-либо изменения, делающие другим самое существование решения, изменять приведенное в решении изложение

⁴¹ Сахнова Т. В. Законная сила как атрибут правосудия // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сб. науч. ст. СПб., 2008. С. 113.

обстоятельств дела или его мотивы⁴². Неизменяемость, по нашему мнению, охватывается содержанием более общего свойства судебных решений – неопровержимости. Однако, независимо от того, какое место занимает неизменяемость в системе свойств судебного акта, очевидно, что она имеет место задолго до вступления приговора, определения или постановления суда в законную силу: уже с момента провозглашения своего решения суд, его вынесший, не может вносить в него какие-либо изменения или дополнения.

Изложенное заставляет усомниться в том, что судебное решение приобретает свойства неопровержимости, общеобязательности и исключительности лишь по истечении установленного законом периода времени. Думается, свойства, в которых выражается сила судебного решения как акта правосудия, присущи ему изначально с момента вынесения. Однако до вступления судебного решения в законную силу эти свойства не проявляют себя во всей совокупности, большинство из них пребывают в *потенциальном состоянии*.

Активизация всего комплекса присущих судебному акту свойств, перевод их из потенциального в активное состояние, происходит в тот момент, когда решение суда становится окончательным, вступает в законную силу, то есть приобретает статус *res judicata*.

Это вполне закономерно, учитывая, что именно из *окончательности* судебного решения вытекает необходимость обеспечения его неопровержимости, общеобязательности и исключительности.

В тех случаях, когда судебное решение не подлежит обжалованию в апелляционном порядке, оно становится окончательным (вступает в законную силу) и обращается к исполнению незамедлительно. Это правило относится к приговорам, определениям и постановлениям суда апелляционной инстанции (ч. 2 ст. 390, ч. 4 ст. 391 УПК РФ), определениям и постановлениям

⁴² См.: Зейдер Н. Б. Судебное заседание и судебное решение в советском гражданском процессе. С. 81–82.

суда кассационной инстанции (ч. 2 ст. 391 УПК РФ), а также к постановлениям Президиума Верховного Суда РФ (ст. 412.13 УПК РФ).

Если же судебное решение подлежит обжалованию в апелляционном порядке, то момент активизации всего комплекса присущих ему свойств не может совпадать с моментом вынесения судебного решения и должен быть отодвинут на определенный период времени. Эта задача решается посредством *процессуальной конструкции отсроченного вступления судебного решения в законную силу*, когда приговор, определение или постановление суда приобретают статус *res judicata* (что сопровождается активизацией свойств неопровержимости, общеобязательности и исключительности) по истечении установленного законом срока с момента его вынесения.

Таким образом, **вступление судебного решения в законную силу является тем моментом, когда судебное решение приобретает окончательный характер, обеспечиваемый принципом *res judicata*, вследствие чего весь комплекс свойств, присущих судебному решению как акту правосудия, переводится из потенциального состояния в актуальное.**

Примечательно, что в свое время М.А. Гурвич рассматривал законную силу как момент во времени, с которого решение вступает в действие, *начинает функционировать*⁴³. Безусловно, данная позиция нуждается в уточнении: сила судебного решения, будучи его качественной характеристикой, вряд ли может определяться как момент во времени, однако значимость данного акта как переводящего судебное решение в действующее (как писал сам автор, «двигательное») состояние М.А. Гурвич подметил весьма точно.

Конструкция процедуры вступления судебного решения в законную силу аналогична порядку вступления в силу нормативного правового акта в том случае, когда законодатель предус-

⁴³ См.: Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950. С. 159 ; Его же. Судебное решение. Теоретические проблемы. С. 146.

матривает разрыв во времени между официальным опубликованием нормативного акта и его вступлением в действие.

Но если в случае принятия нормативного правового акта такой разрыв необходим для усвоения его содержания лицами, осуществляющими применение права, проведения необходимых подготовительных мероприятий (например, при введении новой организационной структуры юрисдикционных органов и др.)⁴⁴, то применительно к судебным решениям этот разрыв во времени имеет иное назначение.

Во-первых, в соответствии с Конституцией РФ (ч. 3 ст. 50), Международным пактом о гражданских и политических правах (п. 5 ст. 14) осужденному гарантируется право пересмотра вынесенного в отношении него приговора вышестоящей судебной инстанцией. Активизация свойства неопровержимости приговора в момент его вынесения придавало бы ему характер окончательного, что препятствовало бы реализации права осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом, а также права иных заинтересованных лиц на судебную защиту. Как отметил Комитет по правам человека ООН, п. 5 ст. 14 Международного пакта нарушается в том случае, если решение суда первой инстанции является окончательным⁴⁵.

Во-вторых, в результате реализации стороной по делу права обжалования может выясниться неправосудность вынесенного решения, что обусловит необходимость его изменения или аннулирования. Поскольку такой вариант развития событий вполне вероятен, преждевременная реализация свойств судебного решения могла бы стать причиной нарушения прав и законных интересов личности (исполнение незаконного судебного акта), порождать ошибки при разрешении других дел (придание преюдициального значения неверно установленным судом обстоятельствам) и т. п.

⁴⁴ Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. С. 346.

⁴⁵ Замечание общего порядка Комитета по правам человека ООН № 32 (81) «Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство» // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 382.

Следовательно, процессуальная конструкция отсроченного вступления судебного решения в законную силу, суть которой состоит в перенесении момента приобретения судебным решением окончательного характера на определенный, более поздний срок, введена в закон для того, чтобы обеспечить сторонам возможность реализовать свое право на судебную защиту путем обжалования, неправосудного, по их мнению, приговора, определения или постановления суда, а вышестоящему суду – осуществить юридико-фактическую проверку судебного решения и при необходимости исправить допущенную судебную ошибку.

Глава 3

СВОЙСТВА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

1. Неопровержимость

Особое значение для реализации принципа правовой определенности в национальной правовой системе имеет обеспечение стабильности окончательных судебных актов, которая выступает в качестве гарантии устойчивости установленных судом правоотношений и определенности признанного вступившим в законную силу судебным решением правового статуса лица. Стабильность правоприменительных (судебных) решений составляет важный элемент общественного порядка, является необходимой предпосылкой поддержания в государстве режима законности и утверждения в обществе авторитета судебной власти, что чрезвычайно важно, учитывая придаваемое правосудию Конституцией РФ значение гарантии прав и свобод личности.

Без соблюдения этого условия судебная защита прав личности оказалась бы нереализуемой и неэффективной – одного лишь вынесения судебного акта, устанавливающего права, обязанности и ответственность субъектов – участников конкретного правового спора, недостаточно для выполнения правосудием его правозащитной функции (ст. 18 Конституции РФ), а государством в целом – конституционной обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). Необходимо создать условия для исполнения данного решения, то есть практической реализации правозащитного потенциала судебного акта. Соответственно, правовая система должна гарантировать недопустимость необоснованного преодоления окончательности вступившего в законную силу судебного решения и повторного пересмотра однажды решенного судом дела. Именно в этом и состоит ключевое назначение принципа *res*

judicata, призванного обеспечить реальность судебной защиты государством прав и свобод человека и гражданина.

Стабильность судебного акта достигается путем придания ему законом свойства неопровержимости.

Значение неопровержимости настолько велико, что некоторые исследователи прямо отождествляют ее с законной силой судебного решения¹.

В *теории гражданского процессуального права* неопровержимость рассматривается как невозможность дальнейшего обжалования решения и, следовательно, невозможность его отмены или изменения вышестоящим судом². В социалистическом законодательстве Болгарии данное свойство получило название «необжалуемости»³.

В *науке уголовного процесса* отсутствует единая позиция относительно наименования рассматриваемого свойства вступивших в законную силу судебных решений. Его именуют *неопровержимостью*⁴, *непоколебимостью*⁵, *неизменностью*⁶ и даже *стабильностью*⁷.

¹ См., напр.: Масленникова Н. И. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 10 ; Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 139, 146.

² Зейдер Н. Б. Судебное заседание и судебное решение в советском гражданском процессе : учеб. пособие. Саратов, 1959. С. 82.

³ Проверка судебных решений в социалистическом гражданском процессе. М., 1989. С. 62.

⁴ См., напр.: Дорохов В. Я. Законная сила приговора в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1954. № 6. С. 81 ; Щерба С., Чашина И. Новый закон о преюдиции в уголовном процессе: сущность и значение // Уголовное право. 2010. № 3. С. 105 ; Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции : монография / под ред. д-ра юрид. наук Н. А. Колоколова. М., 2012. С. 258.

⁵ См., напр.: Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 116 ; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006. С. 53 ; Уголовный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. проф. А. П. Кругликов. М., 2010. С. 552 ; и др.

⁶ Громов Н., Конев В., Николайченко В. Законная сила приговора // Российская юстиция. 1998. № 1. С. 13.

⁷ Тетерин Б. С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе. М., 1959. С. 12.

Думается, для обозначения рассматриваемого свойства судебных решений следует использовать получивший признание в науке гражданского процессуального права термин «неопрровержимость», тем более что и ученые, занимающиеся проблемами уголовного судопроизводства, ему явно отдают предпочтение.

Стабильность судебного решения предполагает в качестве общего правила недопустимость его отмены или внесения в него каких-либо изменений не только вышестоящими судебными инстанциями, но и тем судом, который вынес данное решение.

В связи с этим в теории процессуального права даже выделяется в качестве самостоятельного свойства судебных решений их *неизменность (неизменяемость)*, трактуемая как *запрет пересмотра решения самим судом, вынесшим это решение*.

Как пишет Н.Б. Зейдер, суд, вынесший решение, уже с момента его объявления не вправе его изменить. Он не может внести в него какие-либо изменения, делающие другим самое существо решения, он не может изменять приведенное в решении изложение обстоятельств дела или его мотивы. Вынесенное и объявленное решение связывает суд, его постановивший⁸.

Вопрос о том, насколько самостоятельный характер имеет свойство неизменности, решается в юридической теории неоднозначно.

Одни авторы ставят неизменность в один ряд с другими свойствами судебного решения, такими как неопрровержимость, исключительность и др. Так, К.С. Юдельсон писал, что «...вступление решения в законную силу влечет за собой его неизменность, неопрровержимость, исключительность, преюдициальность и исполнимость»⁹. Схожую позицию занимал и Л.Г. Шустер, считавший, что «последствиями вступления приговора в законную силу является его исключительность, обязательность исполнения, неизменяемость и связанная с ней неотменимость приговора»¹⁰.

⁸ См.: Зейдер Н. Б. Судебное заседание и судебное решение в советском гражданском процессе. С. 81–82.

⁹ Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М., 1956. С. 285.

¹⁰ Шустер Л. Г. Приговор советского суда и его законная сила : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. С. 11.

Другие авторы рассматривают и неизменяемость, и неопровержимость как элементы свойства стабильности судебного решения¹¹.

Более распространенным в юридической науке и, по нашему мнению, правильным является подход, рассматривающий неизменность судебного решения как элемент его неопровержимости.

Так, М.А. Гурвич считал неизменяемость последствием неопровержимости и исключительности судебного решения¹². Не выделяла неизменяемость в отдельное свойство судебного решения и Н.А. Чечина, которая полагала, что запрет на изменение или отмену вступившего в законную силу судебного решения самим судом, его постановившим, входит в содержание неопровержимости¹³.

Среди представителей науки уголовного процесса сторонником данной точки зрения являлся Б.С. Тетерин, писавший, что «стабильность судебного приговора – это такое свойство, приобретаемое им по вступлении в законную силу, которое заключается в том, что ни один орган государства, в том числе и суд, постановивший данный приговор, не вправе изменять его по существу либо подвергнуть сомнению его правильность иначе, как в порядке, установленном процессуальным законом»¹⁴. Следует полагать, что в данном случае под стабильностью Б.С. Тетериным понимается ни что иное, как свойство судебных решений, именуемое в настоящее время неопровержимостью.

Правда, как видно из приведенной цитаты, Б.С. Тетерин считал, что свойство неизменяемости присуще приговору, уже всту-

¹¹ Гаврик Р. А. К вопросу о неизменности судебного решения // Тенденции развития гражданского процессуального права и арбитражного процесса : материалы ст. и тез. Всерос. науч.-практ. конф., 15 мая 2008 г. / отв. ред. В. А. Гавриленко. В. Новгород, 2008. С. 14.

¹² Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. С. 139.

¹³ См.: Чечина Н. А. Норма права и судебное решение // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2002–2003. – № 2. – С. 656–721.

¹⁴ Тетерин Б. С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе. С. 9.

пившему в законную силу, хотя очевидно, что суд, его вынесший, и до этого момента не вправе вносить в приговор изменения, влияющие на его содержание и выводы. Не случайно некоторые исследователи не рассматривают неизменность судебного решения в качестве составляющей законной силы, указывая на то, что данное свойство возникает у судебного решения еще до того, как оно вступит в законную силу¹⁵.

Действительно, неизменяемость, как элемент свойства непровержимости, реализуется еще до вступления судебного решения в законную силу, и это обстоятельство подтверждает отстаиваемую нами позицию о том, что свойство непровержимости (как и другие свойства) присуще судебному решению изначально, с момента его вынесения.

Суд вправе устранять ошибки, допущенные им в приговоре при написании фамилии, имени, отчества, иных биографических данных осужденного, а также описки и арифметические ошибки. Но при этом устранение судом таких ошибок не должно затрагивать существо приговора и тем более влечь ухудшение положения осужденного.

Не составляет исключения из свойства непровержимости приговора и право суда решать в стадии исполнения приговора вопросы, связанные с разъяснением сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора, постановления суда о прекращении уголовного дела и других судебных решений (п. 15 ст. 397 УПК РФ). Данная процедура не предполагает внесения в приговор, определение или постановление суда каких-либо изменений по существу, а равно дополнения его содержания либо придания выводам, содержащимся в таком судебном решении, иного смысла.

Данное требование, вытекающее из свойства неизменности (неизменяемости), основано на положении п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ, согласно которому отменить или изменить судебное решение вправе только вышестоящий суд в установленном уголовно-процессуальном законом порядке.

¹⁵ Масленникова Н. И. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессуальном праве. С. 10.

В судебной практике встречаются случаи, когда суды, выходя за пределы полномочий, предоставленных им п. 15 ст. 397 УПК РФ, изменяют содержание судебных решений, тем самым нарушая требования уголовно-процессуального закона.

Так, например, Свердловским областным судом 24 сентября 2002 г. был осужден Г. по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При постановлении приговора суд первой инстанции разрешил все вопросы, предусмотренные ст. 308 УПК РФ, в том числе принял решение об исчислении срока наказания осужденному с 23 апреля 2001 года.

24 декабря 2007 г. судьей Свердловского областного суда в порядке, предусмотренном ст. 397 УПК РФ, постановлено срок наказания осужденному Г. исчислять с 23 апреля 2002 года. Судья признал указание в приговоре об исчислении срока наказания осужденному с 23 апреля 2001 г. «опечаткой», которая «подлежит исправлению», и постановил «исчислять срок отбывания наказания Г. с 23 апреля 2002 г.».

Отменяя данное постановление и прекращая производство по материалу, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала, что судьей были внесены по существу изменения в приговор и, кроме того, ухудшено положение осужденного, поскольку срок наказания ему фактически увеличен на один год относительно указанного в приговоре срока исчисления наказания¹⁶.

Свойство неизменяемости сохраняется у судебного решения и в случае его вступления в законную силу. При этом запрет вносить изменения в собственные решения распространяется не только на суд первой инстанции, но и на вышестоящие суды. Между тем на практике такие нарушения все же допускаются.

Так, например, суд кассационной инстанции для устранения допущенной им в резолютивной части определения от 28 февраля 2013 г. неточности в квалификации действий осужденного О. вы-

¹⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 марта 2008 г. № 45-О08-9 (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 11. С. 9.

нес 1 апреля 2013 г. дополнительное кассационное определение, где указал о переквалификации действий О. по одному из эпизодов хищений с ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) на ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 159.1 УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ).

Указав, что дополнительное кассационное определение вынесено в нарушение уголовно-процессуального закона, которым не предусмотрено устранение допущенной ошибки в квалификации действий осужденного путем вынесения дополнительного кассационного определения, уточняющего квалификацию действий осужденного, президиум Волгоградского областного суда отменил кассационные определения, а уголовное дело передал на новое кассационное рассмотрение¹⁷.

Советский период истории отечественного судопроизводства характеризовался принятием органами судебного управления ряда организационных мер, направленных на усиление стабильности приговоров. Такая тенденция объяснялась тем, что данный показатель учитывался при определении эффективности правосудия и оценке качества работы судей вышестоящих судов¹⁸. Введение ответственности вышестоящих судебных инстанций за качество работы нижестоящих судов и обусловленное этим стремление к сохранению из года в год неизменных показателей количества отмененных и измененных приговоров, привело к тому, что само понятие «стабильность приговора» приобрело в теории и на практике определенный негативный оттенок.

Дело в том, что система управления судебной деятельностью, ориентированная на снижение процентных показателей отмененных и измененных приговоров, отнюдь не обеспечивала реального повышения эффективности правосудия. Народные суды республик, областей, краев группировались по зонам, и ответствен-

¹⁷ См.: Архив Волгоградского областного суда. Постановление президиума Волгоградского областного суда от 5 июня 2013 г. по делу № 44у-106-107/2013.

¹⁸ См.: Вилдерс Я. А. Стабильность приговора и эффективность правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1981. С. 5–6.

ность за их работу возлагалась на так называемых зональных членов вышестоящих судов. «Зональный член вышестоящего суда, – писал И.Л. Петрухин, – не заинтересован в том, чтобы отменять и изменять возможно большее число незаконных и необоснованных приговоров (решений), поскольку не хочет выглядеть хуже своих коллег, ведающих другими зонами»¹⁹.

Понятно, что в таких условиях стабильность судебных актов становилась самоцелью, вследствие чего не исключалась возможность решения вопроса о пересмотре приговоров и иных судебных решений в отрыве от интересов правосудия, прав и свобод участников судопроизводства.

Стабильность судебного акта разумна и соответствует закрепленным в Конституции РФ ценностям лишь до тех пор, пока она сама не начинает причинять ущерб правам и свободам личности. Такое случается, когда в силе остаются судебные решения, содержащие фундаментальные судебные ошибки, вызванные нарушениями (неправильным применением) закона, искажающими суть правосудия и значение приговора как акта правосудия.

Поэтому неопровержимость окончательных судебных решений не предполагает абсолютного запрета пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. Ее назначение состоит в обеспечении стабильности судебных решений лишь до тех пор, пока не выявлены обстоятельства, требующие преодоления окончательности судебного решения во имя защиты прав и свобод личности. На этом основании в п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплено положение, согласно которому повторное рассмотрение дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства допустимо, *«если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела»*.

¹⁹ Петрухин И. Л. О независимости и самостоятельности органов уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы советского уголовного процесса : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1987. С. 14.

Тем самым в формулу принципа *res judicata* (принципа окончательного характера судебных решений²⁰) закладывается возможность преодоления окончательной силы судебных решений посредством их пересмотра в целях исправления фундаментальных судебных ошибок, неправильного отправления правосудия. Такой пересмотр не может регламентироваться в национальном законодательстве как ординарный²¹ и являться скрытой формой обжалования, инициируемой стороной, недовольной вынесенным решением, исключительно ради проведения повторного слушания и получения нового решения.

На основании изложенного неопровержимость следует определить как свойство судебного решения, препятствующее внесению изменений в его содержание судом, вынесшим данное решение, а также его пересмотру после вступления в законную силу вышестоящим судом при отсутствии процессуальных условий и оснований, с которыми закон связывает возможность преодоления окончательной силы судебного решения (*res judicata*).

Наличие новых или вновь открывшихся обстоятельств либо допущенное в ходе предыдущего разбирательства по делу существенное (фундаментальное) нарушение, повлиявшее на исход дела, составляет ключевое условие пересмотра окончательного судебного решения. Однако данное условие не является единственным – в российском национальном законодательстве закрепляются и иные уголовно-процессуальные гарантии, призванные обеспечить реализацию в уголовном судопроизводстве принципа правовой определенности. Конституционный Суд РФ именует требования, предъявляемые к процедуре пересмотра судебных реше-

²⁰ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2009 г. Дело «Сутяжник» (*Sutyazhnik*) против Российской Федерации» (жалоба № 8269/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 3. С. 114–131.

²¹ Именно поэтому в юридической литературе неопровержимость судебного решения трактуется как невозможность изменения или отмены судебных решений лишь в рамках ординарной, обычной процедуры (см.: Кац С. Ю. Судебный надзор в гражданском судопроизводстве. М., 1980. С. 134 ; Завадская Л. Н. Реализация судебных решений. М., 1982. С. 26).

ний, вступивших в законную силу, то *особыми процедурными условиями*²², то *институциональными и процедурными условиями пересмотра*²³, то *особыми процедурами и условиями*²⁴.

Анализ положений раздела XV УПК РФ позволяет выделить наиболее значимые гарантии (процедуры и условия) принципа правовой определенности в аспекте обеспечения неопровержимости окончательных судебных решений. К их числу относятся:

1. Закрепление в законе особых оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство дифференцирует основания пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядках, предусматривая два их вида: «*существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела*» (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ), и «*повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия*» (ст. 401.6 УПК РФ). Критерием разграничения указанных нарушений является их тяжесть. Так, последствия нарушений второй группы (ст. 401.6 УПК РФ) – искажение самой сути правосудия и смысла судебного решения как акта правосудия – настолько значительны, что ради их устранения законодатель допускает отмену вступившего в законную силу судебного акта даже тогда, когда это сопряжено с ухудшением положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено. Если же пересмотр судебного акта не сопряжен с поворотом к худшему, то основаниями для отмены или изменения вступивших в законную силу приговора, определения или постановления суда могут выступать и не влекущие столь серьезных последствий существенные нарушения закона, повлиявшие на исход дела (ст. 401.15 УПК РФ).

²² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 193-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4. С. 53–56.

²³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

²⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Российская газета. 2012. 11 янв.

Несмотря на то что идея дифференциации оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений получила признание как в теории уголовного судопроизводства²⁵, так и в правовых позициях Конституционного Суда РФ²⁶, она представляется противоречащей положению п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и в связи с этим не соответствует принципу правовой определенности. По нашему мнению, уголовно-процессуальный закон должен предусматривать единое основание пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в кассационном порядке и в порядке надзора независимо от того, какие правовые последствия для стороны защиты влечет такой пересмотр²⁷.

Основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств перечислены в ст. 413 УПК РФ. К ним относятся:

– *вновь открывшиеся обстоятельства*, определяемые законодателем как указанные в ч. 3 ст. 413 УПК РФ обстоятельства, которые существовали на момент вступления приговора или иного судебного решения в законную силу, но не были известны суду;

– *новые обстоятельства* – указанные в ч. 4 ст. 413 УПК РФ обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, исключающие преступность и наказуемость деяния или подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому

²⁵ См., напр.: Смирнов А. В. Комментарий к ст. 401.15 // Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Ковтун Н. Н. Кассационное производство: насколько оправданы лапидарные разъяснения пленума // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 29–30.

²⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

²⁷ См. подробнее: Дикарев И. С. Об основаниях пересмотра приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядке // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 35–37.

деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления.

2. Предварительная процедура выяснения оснований для пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда.

В судах кассационной и надзорной инстанций роль такой процедуры выполняет предварительное производство (ст. 401.8, 412.5 УПК РФ). Все поступающие в суды кассационной и надзорной инстанций жалобы и представления изучаются судьей соответствующего суда на предмет обоснованности требования о пересмотре вступившего в законную силу судебного акта. По результатам изучения жалобы, представления судья выносит постановление: 1) об отказе в передаче кассационных или надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ либо 2) о передаче кассационных или надзорных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ.

Порядок возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств также включает в себя этап, в ходе которого выясняется наличие оснований для возобновления производства по уголовному делу. Однако процессуальная форма данной процедуры существенно отличается от предварительного производства в судах кассационной и надзорной инстанций, что объясняется спецификой оснований возобновления производства по уголовному делу в порядке, предусмотренном гл. 49 УПК РФ. Согласно ст. 415 и 416 УПК РФ вопрос о наличии оснований возобновления производства по уголовному делу решается в рамках процедуры, именуемой производством ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, которая в одних случаях (ч. 3 ст. 415 УПК РФ) проводится прокурором в форме проверки, а в других (ч. 4 ст. 415 УПК РФ) – следственным органом в форме расследования. Указанное производство не возбуждается лишь в тех случаях, когда основаниями для возобновления производства по уголовному делу являются признание

Конституционным Судом РФ закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции РФ, или установление Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела (в силу преюдициального значения названных решений для отечественных судов и правоохранительных органов). В этом случае пересмотр приговора, определения или постановления суда осуществляется Президиумом Верховного Суда РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ (ч. 5 ст. 415 УПК РФ).

3. Срок пересмотра окончательных судебных решений.

Важным условием соблюдения принципа правовой определенности при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений является наличие четких временных пределов, ограничивающих возможность аннулирования законной силы судебных актов. На это неоднократно обращал внимание Европейский Суд по правам человека²⁸.

Российское уголовно-процессуальное законодательство ограничивает срок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений только для случаев, когда такой пересмотр влечет ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

В кассационном и надзорном порядках пересмотр приговоров, определений и постановлений суда по основаниям, влекущим ухудшение положения стороны защиты, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу (ст. 401.6 УПК РФ).

Пересмотр же оправдательного приговора или определения, постановления суда о прекращении уголовного дела, обвинитель-

²⁸ См.: Решение Европейского Суда по правам человека от 9 марта 2006 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 “Афанасий Семенович Братякин (Afanasy Semenovich Bratyagin) против Российской Федерации”» // Российская юстиция. 2006. № 11. С. 73–77; Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 июля 2006 г. (жалоба № 58079/00) «Фадин против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11. С. 5–12.

ного приговора в связи с мягкостью наказания либо необходимостью применения к осужденному уголовного закона о более тяжком преступлении в порядке, предусмотренном гл. 49 УПК РФ, допускается в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, установленных уголовным законом, и не позднее одного года со дня открытия вновь открывшихся обстоятельств (ч. 3 ст. 414 УПК РФ).

4. Регламентация порядка принятия решений, связанных с пересмотром вступивших в законную силу судебных решений.

1. О предпочтении, которое отдает законодатель сохранению в силе окончательных судебных решений в случае их обжалования, свидетельствует очередность изложения решений, которые могут быть приняты судьей по результатам изучения кассационных или надзорных жалоб, представлений (ч. 2 ст. 401.8 и ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ). На первое место, как явно приоритетное, поставлено решение об отказе в передаче кассационных или надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ. Такое расположение не является случайным – законодатель использует данный прием юридической техники для повышения вероятности принятия того решения, которое считает предпочтительным: в данном случае вынести постановление о передаче жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании судья вправе только после того, как убедится в том, что отсутствуют основания для принятия «отказного» решения.

2. Согласно ч. 9 ст. 401.13 и ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела в кассационном или надзорном порядке все вопросы решаются большинством голосов судей. При равном количестве голосов кассационные жалоба, представление считаются отклоненными. В этом правиле также отчетливо выражается приоритет принципа правовой определенности (в аспекте обеспечения стабильности правоприменительных решений) – ведь законодатель прямо требует оставлять судебное решение без пересмотра даже при 50 %-й вероятности его ошибочности.

Надо сказать, что когда вопрос стоит о пересмотре судебного решения по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, такая регламентация возражений не вызывает. Но если половина состава суда считает, что по делу было допущено фундаментальное нарушение закона, в результате которого пострадали права и свободы гражданина, возможно, невинно осужденного, оставлять судебное решение без пересмотра – значит, по нашему мнению, отказывать личности в судебной защите. Здесь отчетливо проявляется нарушение баланса принципов правовой определенности и права на судебную защиту: последнее явно подавляется первым, вследствие чего судебная защита оказывается неэффективной. В связи с этим представляется целесообразным изменить последнее предложение ч. 9 ст. 401.13 и ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «При равном количестве голосов жалоба, представление считаются удовлетворенными, за исключением случаев, когда в них ставится вопрос об ухудшении положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено».

2. Общеобязательность

Еще мыслители древности осознавали, что беспрекословное подчинение велениям государства является священным долгом всякого гражданина, игнорирование же их есть нечестье и несправедливость, губящие государство. В одном из платоновских диалогов приговоренный к смерти Сократ в ответ на предложение избежать наказания говорит следующее: «...если бы в то время как мы собирались удрать отсюда... пришли сюда Законы и Государство и, заступив нам дорогу, спросили: “Скажи-ка нам, Сократ, что это ты задумал делать? Не задумал ли ты этим самым делом, к которому приступаешь, погубить и нас, Законы, и все Государство, насколько это от тебя зависит? Или тебе кажется, что еще может стоять целым и невредимым то государство, в котором судебные приговоры не имеют никакой силы, но по воле частных лиц становятся недействительными и уничтожаются?” Что

скажем мы на это или на что-нибудь подобное, Критон?» (Критон, 50, a-b)²⁹. Вопрос этот риторический. Сократ исходит из того, что гражданин, согласившись жить в государстве и добровольно подчинив себя его законам, обязан их соблюдать даже тогда, когда это влечет для него неблагоприятные последствия.

В отличие от античных Афин, где у осужденного к смерти, как правило, оставалась возможность избежать наказания, отправившись в изгнание, в связи с чем обязанность подчиниться приговору суда носила скорее нравственный, чем юридический характер, в современных правовых системах обязательность (общеобязательность) приобрела значение одного из важнейших свойств окончательного судебного акта, а обязанность исполнения содержащихся в нем решений обеспечена государственным принуждением.

В соответствии со ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»³⁰ вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации, а также их законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Неисполнение постановления суда, а равно иное проявление неуважения к суду влекут ответственность, предусмотренную федеральным законом.

В теории процессуального права свойству общеобязательности судебных постановлений традиционно придается важное значение. Некоторые ученые отождествляют законную силу и общеобязательность судебного акта. «Законная сила решения советского суда, – писал К.С. Юдельсон, – это его общеобяза-

²⁹ См.: Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор / общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.]. М., 1999. С. 105–106.

³⁰ См.: Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

тельность, основанная на силе государственной власти, применяемых судом норм права и на объективной истинности выводов относительно правоотношений сторон...»³¹. Н.Б. Зейдер также отмечал, что обязательность «выражает самую сущность законной силы судебного решения», считая, что остальные свойства судебного решения – 1) неизменность, 2) неопровержимость, 3) преюдициальность, 4) исключительность и 5) исполнимость судебного решения – вытекают из свойства обязательности³².

В современной процессуальной теории такой подход, как правило, не разделяется: исследователи настаивают на необходимости различать обязательность судебных постановлений (судебных актов) как проявлений воли органа государственной власти (суда) – и законную силу как проявление государственной воли на разрешение дела по существу в соответствующей инстанции³³.

Надо сказать, что не все ученые-процессуалисты выделяют рассматриваемое свойство судебных решений. Так, например, П.А. Лупинская в монографии, опубликованной в 1976 г., перечисляя свойства вступившего в законную силу приговора, называла непоколебимость, исключительность и обязательность исполнения³⁴. Однако позднее позиция автора по данному вопросу изменилась, и в переизданиях той же работы 2006 и 2010 гг. выделяются только два свойства: непоколебимость и исключительность³⁵.

Вместе с тем о наличии у приговора свойства обязательности прямо говорит уголовно-процессуальный закон (ст. 392 УПК РФ). Убежденность в том, что общеобязательность является одним из

³¹ Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. С. 285.

³² Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 119.

³³ Сахнова Т. В. Законная сила как атрибут правосудия // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сб. науч. ст. СПб., 2008. С. 100.

³⁴ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 39.

³⁵ См.: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. С. 53 ; Ее же. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 64.

свойств судебного акта, разделяют и многие ученые, занимающиеся проблемами уголовного судопроизводства³⁶.

По мнению О.Ю. Гай, обязательность приговора означает, что никто не вправе считать для себя необязательной ту или иную часть приговора, отвергнуть те или иные моменты, пока вступивший в законную силу приговор не отменен в установленном законом порядке³⁷.

В общеобязательности судебного акта находят выражение непререкаемость государственной воли, всеобщее значение правового регулирования и объективная необходимость в строгом порядке. Именно общеобязательность является свойством, побуждающим к поведению, соответствующему требованиям, закрепленным в решении суда как акте правосудия³⁸.

Без придания судебным актам общеобязательного значения невозможно обеспечить реализацию принципа законности, ведь назначение приговора, определения и постановления суда состоит в применении закона, его проведении в жизнь. В этом смысле закрепление в законе общеобязательности судебных решений служит предпосылкой и условием эффективности нормативно-правового регулирования.

Таким образом, **общеобязательность представляет собой свойство вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, выражающееся в обеспеченном государственным принуждением требовании признавать и неуклонно исполнять содержащиеся в этих судебных актах решения.**

Общеобязательность решения основывается на авторитете суда как органа государственной власти и на объективной истин-

³⁶ См.: Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 109 ; Савицкий В. М., Ларин А. М. Уголовный процесс : слов.-справ. М., 1999. С. 51 ; Алиев Т. Т., Белоносов В. О., Громов Н. А. Принцип презумпции истинности приговора, вступившего в законную силу // Российский судья. 2003. № 7. С. 21 ; и др.

³⁷ Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе. С. 120.

³⁸ См.: Проверка судебных решений в социалистическом гражданском процессе. С. 81 ; Завадская Л. Н. Реализация судебных решений. С. 31.

ности фактов, установленных судом в результате рассмотрения дела путем использования доказательств и их оценки³⁹.

Определяя круг лиц, для которых вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда являются обязательными, уголовно-процессуальный закон (ч. 1 ст. 392 УПК РФ) называет: органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения, должностных лиц, других физических и юридических лиц. Следует обратить внимание на то, что обязательность судебного акта имеет объективную природу, в связи с чем всякое лицо обязано подчиниться вступившему в законную силу приговору, определению или постановлению суда независимо от собственного субъективного отношения к данному решению. Свое несогласие с решением суда заинтересованные лица вправе выразить посредством его обжалования в установленном законом порядке.

Судебное решение, являясь инструментом опосредствования нормативно-правовой, возведенной в закон воли, регулирует поведение не только субъектов, принимавших участие в деле, но и иных субъектов, не принимавших участия в нем⁴⁰.

Всех **адресатов** властных предписаний, содержащихся в судебном акте, можно разделить на две группы.

Первую группу составляют государственные органы, организации, должностные лица и граждане, чьи права и обязанности непосредственно определены приговором, определением или постановлением суда:

1) осужденный; лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено; лица, к которым применены принудительные меры медицинского характера или воспитательного воздействия; гражданский ответчик и др.;

2) представители власти, государственные служащие, служащие органов местного самоуправления, а также сотрудники государственного или муниципального учреждения, работники коммерческой или иной организации, на которых вынесенным су-

³⁹ См.: Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. С. 285.

⁴⁰ См.: Завадская Л. Н. Реализация судебных решений. С. 32–33.

дебным решением возложено исполнение определенных обязанностей. Так, например, в случае осуждения лица к исправительным работам на администрацию организации, в которой он работает, возлагаются обязанности, предусмотренные ст. 43 УИК РФ (правильное и своевременное производство удержаний из заработной платы осужденного и перечисление удержанных сумм в установленном порядке; контроль за поведением осужденного на производстве и содействие уголовно-исполнительной инспекции в проведении воспитательной работы с ним и др.).

Вторую группу адресатов властных предписаний суда составляют государственные органы и должностные лица, граждане, чьи права и интересы непосредственно судебным актом не затрагиваются, но которые обязаны:

1) выполнять решения суда в тех случаях, когда такие решения в силу сложившейся ситуации станут для них обязательными. Например, работодатель в случае обращения с заявлением о приеме на работу лица, лишеного по приговору суда права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязан соблюдать установленные судом запреты и ограничения;

2) при принятии собственных решений без дополнительной проверки признавать обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором суда. Речь идет о правилах преюдиции (ст. 90 УПК РФ), соблюдать которые обязаны суды, прокуроры, должностные лица, производящие предварительное расследование.

При этом необходимо учитывать, что общеобязательность вступившего в законную силу судебного решения не распространяется на вышестоящий суд, когда такое решение в установленном законом порядке становится для этого суда объектом пересмотра. С момента 1) вынесения судьей или председателем соответствующего суда, его заместителем постановления о передаче кассационных или надзорных жалобы, представления вместе с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда, 2) возбуждения прокурором производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств или 3) внесе-

ния Председателем Верховного Суда РФ представления о пересмотре приговора, определения или постановления суда по обстоятельствам, указанным в п. 1 и 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, для соответствующего суда пересматриваемое решение утрачивает значение общеобязательного и исключительного.

При этом для всех иных адресатов властных предписаний, содержащихся в судебном акте, пересматриваемые приговор, определение или постановление суда сохраняют силу до тех пор, пока они не будут отменены вышестоящим судом. Данное обстоятельство следует иметь в виду, поскольку на практике вполне возможны ситуации, когда вступивший в законную силу приговор пересматривается в установленном законом порядке и в то же самое время (в тот же день) выполняет роль преюдициального судебного акта для другого суда.

Обязательность судебного акта обеспечена установлением юридической ответственности субъекта за невыполнение обязанностей возложенных на него приговоров, определением или постановлением суда. Однако в зависимости от субъекта эта ответственность дифференцируется. Так, представители власти, государственные служащие, служащие органа местного самоуправления, а также служащие государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации в случае злостного неисполнения или воспрепятствования исполнению приговора суда, решения суда или иного судебного акта несут уголовную ответственность, предусмотренную ст. 315 УК РФ. Для осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения наказания, ответственность может выражаться в замене наказания на более суровое (п. 2 ст. 397 УПК РФ). Нарушение правил преюдиции влечет наступление процессуальной ответственности в виде отмены или изменения соответствующего процессуального решения (санкция ничтожности) и т. д.

Поскольку свойство общеобязательности выражается в требованиях неуклонного исполнения судебных решений, а также признания без дополнительной проверки обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором суда, свойства исполнимости и преюдициальности самостоятельного характера

не носят, а являются, по нашему мнению, элементами общеобязательности окончательных судебных решений. По сути, *исполнимость и преюдициальность составляют и исчерпывают все содержание общеобязательности судебных решений, которое иных элементов в себя и не включает.*

Исполнимость

В теории процессуального права исполнимость обычно относят к числу самостоятельных свойств судебных решений, вступивших в законную силу⁴¹. Однако, как было сказано выше, более правильно рассматривать исполнимость не как самостоятельное свойство судебных решений, а как элемент общеобязательности, ведь именно в ней – корни нормативного требования исполнимости.

Подтверждением данному выводу служит положение ст. 392 УПК РФ, из которого следует, что законодатель включает исполнимость в содержание обязательности приговора, определения и постановления суда. В данной статье, носящей название «Обязательность приговора, определения, постановления суда», во-первых, предусматривается, что вступившие в законную силу судебные акты подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации, а во-вторых, упоминается о предусмотренной законом ответственности за неисполнение приговора, определения, постановления суда по ст. 315 УК РФ.

Конституционный Суд РФ прямо указывает на связь обязательности и исполнимости судебных решений с требованием правовой определенности. Как отмечается в Постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П⁴², указанные общие принципы осуществле-

⁴¹ См., напр.: Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 14 ; Князев А. А. Законная сила судебного решения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 39 ; Щерба С., Чашина И. Новый закон о преюдиции в уголовном процессе: сущность и значение. С. 105 ; Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции. С. 254.

⁴² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

ния правосудия распространяются на все закрепленные Конституцией РФ виды судопроизводства – конституционное, гражданское, административное и уголовное и являются для них едиными, вне зависимости от природы и особенностей материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства, в рамках которого граждане реализуют конституционное право на судебную защиту.

Значение исполнимости как гарантии принципа правовой определенности состоит в том, что предвидеть последствия своей деятельности в сфере уголовного судопроизводства, быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса и рассчитывать на то, что их права получат реальную судебную защиту, участники уголовного судопроизводства могут лишь в случае гарантированности исполнения вступившего в законную силу судебного акта. Только полное и своевременное исполнение окончательного судебного решения обеспечивает подлинную стабильность правового регулирования, реализацию прав и обязанностей, определенных вступившим в законную силу приговором, определением или постановлением суда.

В то же время, обеспечивая эффективность правосудия, требование исполнимости судебных решений выполняет роль одной из гарантий права личности на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ)⁴³, составляет важный элемент права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Для гражданина и юридического лица важно, чтобы закрепленное судебным актом положение, состояние, действие было фактически осуществлено или, на юридическом языке, реально исполнено⁴⁴.

Как неоднократно отмечал Европейский Суд по правам человека, «это право будет иллюзорным, если внутренние правовые

⁴³ Вершинин В. Б. Судебная защита как комплексный институт российского права : дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2011. С. 48.

⁴⁴ Изварина А. Ф. Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования : монография. М., 2014. С. 140.

системы Договаривающихся Государств будут позволять обязательным судебным решениям оставаться неисполненными в ущерб одной из сторон. Немыслимо, чтобы пункт 1 Статьи 6 (Конвенции о защите прав человека и основных свобод. – *И. Д.*) детально оговаривал процессуальные гарантии, предоставленные сторонам в процессе – разбирательство справедливое, публичное и эффективное – не защищая исполнение судебных решений. Толкование Статьи 6 только как касающейся исключительно доступа к суду и проведения разбирательства может привести к ситуациям, не совместимым с принципом верховенства права, который Договаривающиеся Государства обязались соблюдать при ратификации Конвенции... Исполнение решения, вынесенного судом, должно рассматриваться как составляющая часть “разбирательства” для целей Статьи 6...»⁴⁵. Действительно, одно лишь вынесение судебного акта, которым установлен факт нарушения прав и свобод определенного лица и возложена обязанность по совершению определенных действий на лицо, допустившее такое нарушение, было бы бессмысленным и невостребованным, если бы исполнение такого акта не было обеспечено принудительной силой публично-властных субъектов⁴⁶.

Однако наличие у судебного решения свойства исполнимости не исключает возможности установления в законе возможности приостановления его исполнения. Необходимость в этом возникает в тех случаях, когда имеются основания полагать, что судебное решение содержит существенную (фундаментальную) ошибку, которая в соответствии с законом может служить основанием для отмены или изменения приговора, определения или

⁴⁵ См.: Решение Европейского Суда по правам человека от 19 марта 1997 г. «По делу Хорнсби (Hornsby) против Греции» // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. Т. 2 / председатель редкол. В. А. Туманов. М., 2000. С. 431 ; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1999 г. «Дело Брумареску против Румынии (Brumărescu v. România)» (жалоба № 28342/95). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁴⁶ Вишневский Г. А. Действие принципа *res judicata* как необходимое условие обеспечения справедливости // Современное право. 2013. № 11. С. 76.

постановления суда. В подобной ситуации исполнение судебного решения (как сопряженное с риском причинения вреда правам личности) может объясняться лишь очевидной несбалансированностью на законодательном уровне таких правовых ценностей, как правовая определенность и право на судебную защиту.

Приостановление исполнения вступившего в законную силу судебного решения означает временный перерыв в реализации содержащихся в нем решений. По сути, это своего рода «деактивация» силы судебного решения, ее «отключение» на период времени, требующийся вышестоящему суду для проверки правосудности обжалованного решения.

Как в зарубежном, так и в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве на разных этапах его развития закреплялась возможность приостановления исполнения судебного акта в случае принятия уполномоченным субъектом решения о начале процедуры пересмотра вступившего в законную силу судебного акта. Другими словами, такого рода решениям закон придавал суспензивное (от лат. *suspensus* – отсроченный, приостановленный) значение.

Так, еще во французском Кодексе уголовного следствия 1808 г., который, как известно, во многом послужил образцом для российского Устава уголовного судопроизводства 1864 г., было закреплено, что приговор ассизного суда не приводится в исполнение в течение трех дней, отведенных для объявления осужденным о подаче жалобы в кассационный суд, а в случае принесения такой жалобы – до вынесения кассационным судом приговора (§ 373)⁴⁷.

Аналогичным образом решался вопрос о приостановлении исполнения приговора и Уставом уголовного судопроизводства Германской империи 1877 г., в § 383 которого было оговорено, что своевременной подачей ревизии законная сила приговора, в той части, в которой он был обжалован, приостанавливается⁴⁸.

⁴⁷ Code d'instruction criminelle et Code pénal. Paris, 1912. P. 172.

⁴⁸ Устав уголовного судопроизводства для Германской империи с законом о введении его в действие 1 февраля 1877 г. / пер. И. Соболева. СПб., 1878. С. 74.

По российскому Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. специального решения о приостановлении исполнения судебных решений при подаче кассационных жалоб не требовалось, так как к этому времени приговор еще не вступал в законную силу (п. 2 и 3 ст. 941 Устава⁴⁹), а значит не исполнялся. Исключения составляли только случаи вынесения приговора, оправдывавшего подсудимого, который исполнялся «при самом провозглашении сущности его» (ст. 358 Устава). Однако приостановление исполнения такого приговора составители Судебных уставов 1864 г. сочли нецелесообразным, указав: «едва ли было бы сообразно с видами человеколюбия отлагать исполнение оправдательных приговоров присяжных, впредь до вступления их в законную силу, по одному предположению о возможной отмене их в порядке кассации. Такое приостановление оправдательных приговоров может только поколебать ту силу и то нравственное значение, которые вообще имеют приговоры присяжных в глазах общества»⁵⁰.

В советском уголовно-процессуальном праве институт приостановления исполнения приговора окончательно сформировался после принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года⁵¹.

Право приостановления исполнения судебного решения рассматривалось как производное от права их опротестования. «Поэтому, – писал И.Д. Перлов, – каждое лицо, имеющее право принести протест в порядке судебного надзора, должно быть наделено и правом приостановления исполнения»⁵².

⁴⁹ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Часть вторая. 2-е доп. изд. СПб., 1867. С. 339.

⁵⁰ См.: Там же. С. 347–348.

⁵¹ См.: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

⁵² Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. М., 1974. С. 197–198.

Статья 48 Основ наделяла Генерального прокурора СССР, Председателя Верховного Суда СССР, их заместителей правом приостанавливать до разрешения дела в порядке надзора исполнение опротестованного приговора, определения и постановления любого суда СССР, союзной и автономной республики. Главный военный прокурор и Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР имели полномочие на приостановление исполнения приговора любого военного трибунала, а заместитель Главного военного прокурора – приговора военного трибунала армии, флотилии, соединения и гарнизона. Таким же правом в отношении опротестованного приговора, определения и постановления любого суда союзной республики и входящих в нее автономных республик пользовались прокурор и председатель верховного суда соответствующей союзной республики и их заместители.

При этом закон допускал приостановление исполнения судебных решений не только в случае принесения надзорного протеста, но и до их опротестования на срок не свыше трех месяцев – при наличии данных, свидетельствующих о явном нарушении закона.

Соответствующие положения нашли свое закрепление в ст. 372 УПК РСФСР.

Примечательно, что как и в законодательстве дореволюционной России, в советском уголовном процессе не допускалось приостановление исполнения оправдательного приговора и решения о прекращении уголовного дела⁵³.

После принятия Конституции РФ 1993 г. полномочие должностных лиц органов прокуратуры на приостановление исполнения вступивших в законную силу судебных решений вошло в непримиримое противоречие с конституционными принципами независимости судей, состязательности сторон и др. Было очевидно, что в новом уголовно-процессуальном законодательстве России таким нормам не должно быть места.

В Модельном УПК для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятом 17 февраля 1996 г. Меж-

⁵³ См.: Уголовный процесс / отв. ред. Н. С. Алексеев [и др.]. М., 1972. С. 472; Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. С. 201.

парламентской Ассамблеей государств – участников СНГ, предусматривалось сохранение института приостановления исполнения приговора, но соответствующим полномочием наделялись только судьи. Согласно ст. 508 данного Кодекса при наличии оснований полагать, что приведение приговора в исполнение или дальнейшее его исполнение может привести к тяжким или необратимым последствиям для жизни и здоровья осужденного, одновременно с истребованием дела суд вправе распорядиться о приостановлении исполнения приговора.

Однако российский законодатель, принимая УПК РФ 2001 г., придал требованию исполнимости судебных решений гипертрофированное значение: права приостанавливать исполнение вступивших в законную силу судебных решений лишились не только должностные лица органов прокуратуры, но судьи.

При этом в гражданском процессе институт приостановления исполнения обжалованных в кассационном и надзорном порядках судебных решений сохранился (ч. 1 ст. 381, ч. 1 ст. 391.5 ГПК РФ). Соответствующее решение может быть принято судьей, изучающим кассационные или надзорные жалобы, представление, в случае истребования дела при наличии просьбы об этом в жалобе, представлении прокурора или ином ходатайстве.

Парадокс состоит в том, что изначально в российском законодательстве (по Судебным уставам 1864 г.) институт приостановления исполнения судебных решений был характерен именно для уголовного судопроизводства, тогда как в гражданском он отсутствовал. «В процессе гражданском, – писал И.Я. Фойницкий, – кассационным жалобам не присваивается суспензивной силы; причина этого различия с уголовным процессом понятна: в гражданском процессе дело идет о правах восстановимых, уголовными же приговорами по большей части нарушаются такие права, которые восстановлены быть не могут (свобода, жизнь)»⁵⁴. Приведенная цитата является лишним подтверждением абсурдности сложившейся ситуации.

⁵⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. II. С. 557.

Не случайно отсутствие в новом уголовно-процессуальном законодательстве института приостановления исполнения судебных актов вызвало резкую критику со стороны как ученых-процессуалистов, так и практических работников. Все они, как правило, выступают за восстановление института приостановления исполнения пересматриваемых судебных решений, расходясь лишь в деталях предлагаемых вариантов законодательной регламентации соответствующих процедур.

Ряд авторов высказались за наделение правом приостановления исполнения вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений судью, ведущего предварительное производство.

Так, М.Н. Алиев полагает, что право приостановления исполнения приговора должно принадлежать судье, рассматривающему надзорные жалобу или представление. Соответствующее решение должно, по мнению автора, приниматься одновременно с вынесением постановления о возбуждении надзорного производства⁵⁵.

Другие ученые считают, что правом приостановления исполнения судебного решения следует наделять не судей, ведущих предварительное производство, а руководителей судов надзорной инстанции.

Н.Н. Ковтун и А.С. Подшибякин пишут: «Обращает на себя внимание то, что в нормах УПК РФ отсутствует упоминание о возможности временного *приостановления исполнения приговора* при наличии данных в надзорном ходатайстве или материалах проверки, свидетельствующих о явном нарушении закона, как это имело место в нормах УПК РСФСР (ст. 372). Учитывая важность данной процессуальной гарантии для обеспечения прав осужденного, считаем необходимым устранить этот пробел в законодательном регулировании надзорного производства. На наш взгляд, при явном наличии указанных данных судья, осуществляющий проверку, обязан одновременно с вынесе-

⁵⁵ Алиев М. Пути усовершенствования порядка рассмотрения надзорных жалоб и представлений // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 60.

нием постановления о возбуждении надзорного производства обратиться к председателю соответствующего суда с тем, чтобы он... вынес постановление о временном приостановлении исполнения обжалуемого приговора»⁵⁶. Данное предложение подерживает и Т.С. Османов⁵⁷.

В.В. Дорошков предложил дополнить УПК РФ ст. 406.1 следующего содержания: «Лица, указанные в ст. 406 УПК РФ, при наличии данных, свидетельствующих о явном нарушении закона, вправе одновременно с истребованием уголовного дела приостанавливать исполнение приговора, определения или постановления до разрешения дела в порядке надзора»⁵⁸. В случае реализации данного предложения право приостановления исполнения обжалованного судебного решения принадлежало бы и судье, ведущему предварительное производство, и руководителям соответствующего суда – в случае отмены ими «отказного» постановления судьи и возбуждения процедуры пересмотра вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда.

Мы также придерживаемся мнения, что исполнение вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда должно приостанавливаться в тех случаях, когда в ходе предварительного производства по кассационным и надзорным жалобам, представлениям обнаруживаются предусмотренные законом основания для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

Думается, соответствующее полномочие должно принадлежать тем субъектам, которые вправе принять решение о переда-

⁵⁶ См.: Ковтун Н. Н., Подшибякин А. С. Производство в суде надзорной инстанции: вопросов больше, чем ответов // Российский судья. 2002. № 9. С. 17. См. также: Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России (понятие, сущность, формы) : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 425–426.

⁵⁷ Османов Т. С. Процессуальный порядок рассмотрения надзорной жалобы (представления) по УПК РФ // Российский судья. 2005. № 2. С. 29.

⁵⁸ Дорошков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М., 2004. С. 248–249.

че кассационных или надзорных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ, то есть судье, изучающему кассационные или надзорные жалобу, представление в порядке, предусмотренном ст. 401.8 или 412.5 УПК РФ, а также руководителям судов кассационной или надзорной инстанции при реализации ими полномочий, предусмотренных ч. 3 ст. 401.8 или ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ.

Закрепление в законе специальной процедуры обращения к председателю суда или его заместителю с ходатайством о приостановлении исполнения приговора представляется нам нецелесообразным. *Приостановление исполнения приговора должно рассматриваться не как административная функция руководителя суда, а как процессуальное полномочие, производное от права возбуждения кассационного или надзорного производства.*

Учитывая, что до изучения истребованного уголовного дела судья не имеет возможности с большой долей вероятности установить наличие оснований для пересмотра вступившего в законную силу судебного акта, приостановление исполнения приговора и иных судебных решений одновременно с истребованием уголовного дела было бы преждевременным. Следовательно, *решение о приостановлении исполнения приговора должно приниматься одновременно с решением о передаче жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ* (п. 2 ч. 2 ст. 401.8, п. 2 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ). В этом случае вынесения отдельного постановления о приостановлении исполнения приговора не требуется – данное решение могло бы включаться в резолютивную часть постановления о передаче жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда соответствующей инстанции (с изложением в описательно-мотивировочной части постановления оснований принятого решения).

При этом, как представляется, решение о приостановлении исполнения обжалуемого судебного решения не должно выносить-

ся автоматически в каждом случае передачи жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда. Данный вопрос следует разрешать в зависимости от конкретных обстоятельств дела по усмотрению судьи, то есть должен действовать порядок, который К.И. Комиссаров именует правилом *интерцессии*⁵⁹.

Учитывая изложенное, полагаем целесообразным дополнить ст. 401.8 и 412.5 УПК РФ нормой, предусматривающей право судьи, а также председателя суда или его заместителя приостанавливать исполнение обжалованного приговора, определения или постановления суда до вынесения решения судом кассационной инстанции / Президиумом Верховного Суда РФ.

Преюдициальность

Преюдициальность представляет собой свойство вступивших в законную силу судебных решений, выражающееся в обязательности установленных ими обстоятельств для органов предварительного расследования, прокурора и суда, которые должны признавать их без дополнительной проверки.

В судебных решениях отражается объективная действительность, формируется идеальная модель, «слепок» реальной жизни. И это отражение тем точнее, чем правильнее суд устанавливает значимые для дела фактические обстоятельства. Нередко одно и то же обстоятельство имеет значение одновременно для нескольких дел (уголовных, гражданских, административных). Поскольку истинное знание инвариантно (одна объективная действительность – одно истинное знание), недопустимо, чтобы одно и то же обстоятельство в различных судебных актах устанавливалось по-разному. Это привело бы к постановлению не согласующихся, возможно, противоречащих друг другу судебных решений, что несовместимо с режимом правовой определенности.

⁵⁹ Комиссаров К. И. Теоретические основы судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 12.

Признание преюдициального значения судебного решения, таким образом, направлено на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, а преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности⁶⁰.

Немаловажно и то, что освобождение суда и правоохранительных органов от обязанности повторного исследования обстоятельств, уже установленных вступившим в законную силу судебным актом, обеспечивает существенную процессуальную экономию.

Некоторые специалисты в области процессуального права рассматривают преюдициальность как самостоятельное свойство вступивших в законную силу судебных актов, выделяя его наряду с обязательностью, исключительностью и др.⁶¹

Такая позиция представляется дискуссионной. По нашему мнению, преюдициальность судебных решений является элементом более общего свойства – общеобязательности, коренится в нем. Не случайно в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве положения о преюдиции включены в статьи, посвященные обязательности судебных постановлений (ст. 13 ГПК РФ, ст. 16 АПК РФ).

Кроме того, преюдициальность органически связана со свойством исключительности судебных решений: вынесение судом решения по вопросам, которые уже были ранее разрешены иным судом в рамках другого судебного процесса, несовместимо со

⁶⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398 ; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 ноября 2012 г. № 2013/12 по делу № А41-11344/11. URL: <http://www.arbitr.ru/> (дата обращения: 27 сентября 2014 г.).

⁶¹ См., напр.: Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам. С. 14 ; Гай О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе. С. 7 ; Алиев Т. Т., Белоносов В. О., Громов Н. А. Принцип презумпции истинности приговора, вступившего в законную силу. С. 21 ; Князев А. А. Законная сила судебного решения. С. 39 ; и др.

свойством исключительности вступивших в законную силу судебных решений. И в этом смысле преюдиция производна от исключительности практически в той же мере, что и от общеобязательности.

Специфика преюдициальности, как проявления свойства общеобязательности судебных решений, состоит, во-первых, в особом адресате – государственных органах и должностных лицах, ведущих производство по уголовному делу либо разрешающих дела в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства; во-вторых, в особой сфере проявления обязательности судебного решения – доказывании по делам, требующим учета обстоятельств, уже установленных ранее преюдициальным судебным актом.

В юридической литературе обоснованно обращается внимание на то, что при вступлении приговора в законную силу обязательное значение приобретает не только резолютивная, но и описательная часть приговора⁶². Именно в этой части судебного решения излагаются устанавливаемые судом обстоятельства – те самые, которые согласно ст. 90 УПК РФ должны признаваться судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

Основой преюдициальности как свойства судебного решения служит презумпция истинности приговора. Без уверенности в том, что судебная процедура обеспечивает правильное установление фактической стороны дела, законодатель не имел бы оснований придавать обязательное значение выводам суда относительно тех или иных обстоятельств дела. К слову, именно по этой причине уголовно-процессуальный закон придает свойство преюдициальности не всем судебным решениям, а только приговору как судебному решению, правильность выводов которого обеспечена максимальным объемом процессуальных гарантий. Что же касается обстоятельств, установленных судебными постановлениями, вынесенными в порядке судебного контроля в ходе досудебного производства, то они свойством преюдициальности не обла-

⁶² Шустер Л. Г. Приговор советского суда и его законная сила. С. 11.

дают, следовательно, не могут признаваться органами предварительного расследования и судом без дополнительной проверки.

В частности, Конституционный Суд РФ указал, что преюдициальной силой не обладает постановление суда о законности проведенного обыска, вынесенное в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Вынесение такого постановления не может препятствовать в дальнейшем проверке допустимости полученных в ходе обыска доказательств и привлечению виновных в незаконном проникновении в жилище к предусмотренной законом ответственности⁶³.

Сформулированная Конституционным Судом РФ правовая позиция в полной мере распространяется и на иные решения, выносимые в порядке судебного контроля в ходе досудебного производства по уголовным делам.

Буквальное толкование ст. 90 УПК РФ приводит к выводу, что преюдициальным значением обладают все решения суда, принятые в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, а из числа уголовно-процессуальных решений – только вступивший в законную силу приговор суда. Получается, что обстоятельства, установленные определениями и постановлениями суда, завершающими судебное разбирательство, а также стадии производства в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, не могут признаваться судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом речь идет не только о судебных решениях, которыми прекращается производство по уголовному делу, но также о постановлениях и определениях об освобождении лица от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера; о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия.

Такой подход вызывает серьезные возражения, поскольку, во-первых, принижает значение судебных решений по уголовным

⁶³ Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 3. С. 39.

делам, в сравнении с судебными постановлениями, вынесенными в порядке гражданского судопроизводства. Как обоснованно замечает А.М. Безруков, критерии преюдициальности определений и постановлений суда по уголовному делу не должны отличаться от аналогичных в гражданском судопроизводстве⁶⁴.

Во-вторых, достоверность выводов, содержащихся в постановлениях и определениях суда о прекращении уголовного дела, о применении принудительных мер медицинского характера (ст. 443 УПК РФ) или принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ), обеспечена тем же объемом гарантий, что и приговор суда.

Нельзя не указать и на серьезный ущерб, который способно нанести буквальное толкование ст. 90 УПК РФ принципу правовой определенности. Отсутствие преюдициального значения у определений и постановлений суда, являющихся итоговыми судебными решениями (п. 53.2 ст. 5 УПК РФ), может стать причиной того, что одно и то же юридически значимое обстоятельство в различных судебных актах будет установлено по-разному. Как следствие, противоречащими окажутся и сформулированные в различных судебных решениях выводы, что может привести к вынесению не согласующихся друг с другом юридических решений.

Думается, в интересах обеспечения правовой определенности, которая, как известно, является элементом принципа верховенства права, положение ст. 90 УПК РФ должно толковаться расширительно путем признания преюдициального значения за всеми итоговыми решениями суда. Однако для исключения в судебной практике проблем, порождаемых несовершенством нормы ст. 90 УПК РФ, в нее следовало бы внести дополнение, указав, что преюдициальным значением обладают любые итоговые решения по уголовным делам.

В настоящее время преюдициальное значение признается за всяким вступившим в законную силу приговором. Законодатель исходит из того, что в процессе судебного разбирательства суд

⁶⁴ Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов. М., 2007. С. 107.

достигает истинного знания об обстоятельствах дела, в связи с чем нет необходимости перепроверять его выводы, – они должны приниматься как неоспоримые. При этом по буквальному смыслу ст. 90 УПК РФ процессуальный порядок, применявшийся при судебном разбирательстве уголовного дела, по результатам которого был постановлен приговор, никакого значения не имеет.

Между тем в ряде случаев суд, рассматривая уголовное дело, вообще не устанавливает фактические обстоятельства произошедшего. Речь идет об особом порядке судебного разбирательства, применяемом при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), а также в случае рассмотрения судом уголовного дела, расследованного в форме сокращенного дознания (гл. 32.1 УПК РФ). Особый порядок судебного разбирательства не предполагает проведения судьей исследования и оценки в общем порядке доказательств, собранных по уголовному делу. Суд самостоятельно не устанавливает фактические обстоятельства дела – он, и это прямо вытекает из смысла ч. 7 ст. 316 УПК РФ, лишь сопоставляет эти обстоятельства, в том их виде, как они установлены органами предварительного расследования, с имеющимися в деле доказательствами. Не случайно в законе (ст. 317 УПК РФ) закреплен запрет обжалования и проверки вышестоящими судебными инстанциями приговоров, постановленных в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, по основанию, закрепленному в п. 1 ст. 389.15 УПК РФ (несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции).

Исход дела, как и знание, устанавливаемое судом при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, по сути, являются результатом компромисса сторон обвинения и защиты. В юридической литературе применительно к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве справедливо говорится о «договорном установлении факта»⁶⁵.

⁶⁵ Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 12.

Как пишет В.М. Корнуков, применительно к особому порядку судебного разбирательства термин «сделка» вполне уместен, поскольку «правосудия как такового здесь нет. Это притворное или мнимое правосудие, при котором суд соглашается с предложенным ему сторонами вариантом разрешения уголовного дела, безотносительно к фактическим обстоятельствам дела, потому что при особом порядке постановления приговора не исследуются ни доказательства, подтверждающие обвинение, ни доказательства, опровергающие его»⁶⁶.

Полагаем, что специфика процесса доказывания при применении особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного ст. 316 УПК РФ⁶⁷, ограничивая *de facto* познавательные возможности суда, должна выступать объективным препятствием для признания преюдициального значения приговора, вынесенного в рамкой данной процедуры⁶⁸.

Данная позиция находит поддержку в юридической литературе, где неоднократно отмечалось, что приговор, постановленный в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, «не может предрешать вопрос о виновности соучастников, совершивших преступление совместно с таким лицом»⁶⁹, должен быть лишен «преюдициального значения в отношении фактических обстоятельств совершения преступления»⁷⁰.

⁶⁶ Корнуков В. М. Дифференциация и дифференцированные формы осуществления правосудия с позиции принципов уголовного судопроизводства и обеспечения прав личности // Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве : сб. науч. ст., посвящ. памяти проф. В. А. Познанского. Саратов, 2010. С. 17.

⁶⁷ Данный порядок, как уже было сказано, применяется не только при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), но также при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ) и при судебном разбирательстве уголовного дела, расследованного в форме сокращенного дознания (ч. 1 ст. 226.9 УПК РФ).

⁶⁸ См.: Дикарев И. Преюдициальность судебных решений в уголовном процессе // Законность. 2014. № 10. С. 51–53.

⁶⁹ Заржицкая Л. С. Место и роль преюдиций в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 11.

⁷⁰ Касаткина С. А. Особый порядок судебного разбирательства // Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001–2011 гг. : сб. науч. ст. / под ред. И. Б. Михайловской. М., 2014. С. 92.

Не должны, по нашему мнению, иметь преюдициального значения и приговоры, постановленные по результатам судебного разбирательства, проведенного в отсутствие подсудимого в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ. Отсутствие у подсудимого возможности защищаться, довести до суда свою позицию препятствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, в результате чего вопрос об истинности достигнутого судом знания остается открытым. Не случайно законодатель предусматривает, что такие приговоры подлежат отмене по одному лишь волеизъявлению осужденного (ч. 7 ст. 247 УПК РФ).

Учитывая изложенное, следует прийти к выводу о необходимости закрепления в законе положения о том, что без дополнительной проверки судом, прокурором, следователем, дознавателем не могут быть приняты обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, если он вынесен в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 или ст. 316 УПК РФ⁷¹.

Первоначальная редакция ст. 90 УПК РФ предусматривала, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, *если они не вызывают сомнений у суда*. Другими словами, преюдиция не носила безусловного характера, являлась опровержимой, что выражалось в следующем:

– во-первых, без дополнительной проверки органами предварительного расследования и судом принимались лишь обстоятельства, установленные не любым судебным решением, а только вступившим в законную силу приговором суда;

– во-вторых, суд признавал обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, лишь тогда, когда они не вызывали у него сомнения;

– в-третьих, такой приговор не мог предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

⁷¹ Дикарев И. Преюдициальность судебных решений в уголовном процессе. С. 53.

Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ⁷² редакция ст. 90 УПК РФ была изменена: теперь без дополнительной проверки судом, прокурором, следователем и дознавателем признаются обстоятельства, установленные не только вступившим в законную силу приговором, но также и иными вступившими в законную силу решениями суда, принятыми в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что из ст. 90 УПК РФ исчезла имевшаяся ранее оговорка, согласно которой обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, могут признаваться судом только при условии, что они не вызывают у него сомнения.

Как видно, законодатель прислушался к мнению ученых, критиковавших данную норму и предлагавших применять в доказывании преюдицию в полном объеме⁷³.

Однако правильность такого законодательного решения вызывает сомнения. В юридической литературе обращается внимание на то, что отсутствие у суда обязанности проверять обстоятельства, ранее установленные вступившим в законную силу приговором суда, противоречит принципу независимости судей⁷⁴. Целый ряд ученых настаивают на необходимости возвращения в этой части к первоначальной редакции ст. 90 УПК РФ⁷⁵.

Ранее имевшееся у суда полномочие не признавать обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, но вызывающие обоснованные сомнения, выступало в качестве одного из элементов механизма, обеспечивавшего реализацию в уголовном судопроизводстве принципа свободы оценки до-

⁷² См.: Российская газета. 2009. 31 дек.

⁷³ Будников В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 38.

⁷⁴ Воронин В. В. Последствия установления непроверяемой преюдиции для судебной практики // Уголовный процесс. 2010. № 3. С. 6.

⁷⁵ См., напр.: Куприянов Ф. А. Преюдиция как инструмент манипулирования в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2011. № 8. С. 35, 38; Баринов А. Б. Возможность применения судебных решений по гражданским делам в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2011. № 8. С. 43; и др.

казательств, и являлось важной гарантией установления истины по делу. Не может идти и речи ни о какой свободе внутреннего убеждения в том случае, когда суд обязан считать доказанными обстоятельства, которые, по его мнению, установлены неправильно, когда он должен основывать свои выводы на доказательствах, относимость, допустимость или достоверность которых вызывает у него обоснованные сомнения, и т. д.

Однако позиция законодателя в этом вопросе поддержана и Конституционным Судом РФ, который исходит из того, что единственным способом опровержения (преодоления) преюдиции во всех видах судопроизводства должен признаваться пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, и категорически возражает против опровержения преюдиции на основании одного лишь несогласия следователя или суда, осуществляющего производство по уголовному делу, с выводами ранее вынесенного судебного акта⁷⁶.

Приходится констатировать, что произошедшие в законе изменения свидетельствуют о склонности законодателя к отказу от признания установления объективной истины целью уголовно-процессуального доказывания. В судебное доказывание все более проникают элементы концепции формальной истины (поскольку суду теперь приходится соотносить свои выводы не с объективной действительностью, а с той реальностью, которая – верно или ошибочно – установлена решением другого суда).

Думается, право суда не признавать обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором или иным судебным решением, если они вызывают обоснованные сомнения, следовало бы возратить в уголовно-процессуальный закон. Игнорирование судом преюдициальной силы судебного решения должно иметь место, когда к тому имеется столь веское основание, как сомнение в правильности установления спорных обстоятельств, вытекающих из содержащейся в материалах уголовного дела совокупности доказательств, устанавливающей спорные

⁷⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П.

обстоятельства иначе, нежели во вступившем в законную силу судебном акте.

Суд должен иметь возможность принимать решение о новом исследовании обстоятельств, ранее установленных вступившим в законную силу судебным актом, как по собственной инициативе, так и по ходатайству сторон. Причем при возникновении сомнений в правильности установления вступившим в законную силу судебным решением имеющих значение для дела обстоятельств, право суда провести их дополнительную проверку должно трансформироваться в процессуальную обязанность⁷⁷.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным изменить первое предложение ст. 90 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу итоговым решением суда по уголовному делу, за исключением приговоров, постановленных в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 или ст. 316 УПК РФ, либо вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда».

Конечно, нельзя не отдавать себе отчет в том, что непризнание судом обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором, вынесенным по другому делу, может повлечь за собой вынесение судебного акта, вступающего с ним в противоречие. Такое положение нельзя считать нормальным, в связи с чем требуется теоретическая проработка вопроса о способах устранения противоречий между судебными решениями. По мнению И.Л. Петрухина, приговор, которым отвергнута преюдиция, не должен вступать в законную силу до тех пор, пока вышестоящий суд не проверит оба приговора и не решит вопрос, какой из них правильный⁷⁸. По нашему мнению, для решения та-

⁷⁷ Дикарев И. С. Спорные вопросы преюдиции в уголовном процессе // Мировой судья. 2011. № 2. С. 29.

⁷⁸ Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. I. М., 2004. С. 170.

кого рода задачи наиболее эффективно могла бы использоваться процедура возобновления уголовных дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

3. Исключительность

Важная роль в обеспечении режима правовой определенности отводится такому свойству судебных решений, как исключительность. Устойчивость установленных судом правоотношений и определенность признанного вступившим в законную силу судебным решением правового статуса лица могут быть поколеблены не только пересмотром этого решения, но и в результате вынесения другого судебного решения, по-новому разрешающего прежний правовой спор, если первое решение сохраняет свою силу.

Сама возможность вынесения по одному и тому же делу второго и последующих решений без отмены первоначального дестабилизирует правоотношения, отнимает у участников правового спора уверенность относительно своего будущего, лишает их четких ориентиров, опираясь на которые они могут определять линию своего поведения в правовой и иных сферах жизни общества. Наличие двух противоречащих друг другу судебных решений, вынесенных по одному предмету, приводит к тому, что права, обязанности или ответственность одного и того же лица оказываются определенными по-разному двумя решениями, которые, к слову, в равной мере обязательны для исполнения. В этом случае в ситуации неопределенности оказывается не только сам субъект правового спора, но также государственные органы и должностные лица, осуществляющие публично-правовые функции, в том числе связанные с исполнением судебных решений.

В предыдущем параграфе преюдиция вступивших в законную силу судебных решений была рассмотрена как элемент более общего свойства – общеобязательности. Однако из этого вовсе не следует, что преюдиция никак не связана со свойством исключительности. Напротив, связь эта носит настолько глубокий характер, что некоторые ученые даже выводят свойство преюдици-

альности из исключительности. Как писал Ю.М. Грошевой, «преюдициальность связана с недопустимостью вторичного решения вопросов, ранее разрешенных в другом акте применения права и имеющих значение для правильного разрешения данного уголовного дела»⁷⁹. В.Я. Дорохов также усматривал проявление исключительности вступившего в законную силу приговора в том, что последующие приговоры и решения гражданского суда не могут опровергнуть уже установленных фактов⁸⁰.

Действительно, пересмотр и иное решение судом уже разрешенных однажды в рамках другого процесса вопросов несовместимы со свойством исключительности вступивших в законную силу судебных решений. И в этом смысле преюдиция действительно производна от исключительности практически в той же мере, что и от обязательности. Это вполне естественно, учитывая неразрывную взаимосвязь, единство назначения всех свойств, присущих судебному решению как акту правосудия.

Рассмотрение в настоящей работе преюдиции в рамках рубрики, посвященной общеобязательности судебных решений, обусловлено прежде всего позицией законодателя, который:

– во-первых, формулирует правила преюдиции (ст. 90 УПК РФ) именно как *обязанность* суда признавать обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда (то есть в контексте общеобязательности окончательного судебного решения);

– во-вторых, в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве включает положения о преюдиции в статьи, посвященные *обязательности* судебных постановлений (ст. 13 ГПК РФ, ст. 16 АПК РФ).

Огромное значение для обеспечения правовой определенности и правовой безопасности личности имеет соблюдение в сфере уголовно-процессуальной деятельности нормативного запрета

⁷⁹ Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. С. 112.

⁸⁰ Дорохов В. Я. Законная сила приговора в советском уголовном процессе. С. 82.

non bis in idem, имеющего общеправовое значение. Данный правовой запрет, предполагающий недопустимость осуществления уголовного преследования, осуждения и наказания лица *повторно*, то есть когда ранее это лицо уже подверглось уголовному преследованию, осуждению и наказанию за совершение того же преступления (общественно опасного деяния), также реализуется через придание судебным актам свойства исключительности.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению служит основанием прекращения уголовного преследования в отношении данного лица. Таким образом, исключительность приговора, иного судебного решения служит гарантией против повторного уголовного преследования, осуждения и наказания лица, в отношении которого по данному обвинению уже вынесено судебное решение. Равным образом недопустимо осуществление производства о применении принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия, если ранее лицо уже подвергалось уголовному преследованию или применению данных мер уголовно-правового характера в связи с совершением того же деяния и соответствующее судебное решение сохраняет свою силу.

Судя по формулировке приведенного выше основания прекращения уголовного преследования, законодатель запрещает осуществление уголовно-процессуальной деятельности только тогда, когда она ведется в отношении того же лица, которое ранее подвергалось уголовному преследованию. В таком виде исключительность вступившего в законную силу судебного акта содержательно совпадает с запретом *non bis in idem* и может быть определена как свойство вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда, вследствие которого исключается, до отмены в установленном законом порядке данного решения, возможность осуществления *повторного* уголовного преследования, осуждения или наказания лица, а равно применения принудительных мер медицинского характера или воспита-

тельного воздействия в связи с совершением данным лицом того же преступления (общественно опасного деяния).

Данный подход поддерживается и в юридической литературе. В частности, П. А. Лупинская прямо указывала, что исключительность приговора означает, что «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление»⁸¹.

Однако необходимо учитывать, что свойство исключительности по своему содержанию шире запрета *non bis in idem*. Данный запрет имеет «субъектный» характер – служит прежде всего гарантией прав лица, в отношении которого уже осуществлялось уголовное преследование и было принято итоговое решение по делу. Пределы же действия исключительности вступившего в законную силу судебного решения шире, так как оно предполагает запрет на осуществление уголовного преследования в отношении не только данного лица, но вообще любых лиц, если обвинение по своей фактической стороне совпадает с тем, которое ранее было разрешено вступившим в законную силу судебным решением.

Очевидно, в уголовно-процессуальном законе должен содержаться комплекс нормативных предписаний, не только обеспечивающих реализацию запрета *non bis in idem*, но также препятствующих осуществлению уголовно-процессуальной деятельности с целью выяснения обстоятельств и разрешения правовых вопросов, которые ранее уже были установлены и разрешены вступившим в законную силу судебным решением. При таком подходе **исключительность следует определить как присущее всем вступившим в законную силу судебным решениям свойство, в силу которого разрешенные в нем правовые вопросы не могут быть предметом рассмотрения ни органов предварительного расследования, ни какого-либо иного суда, кроме вышестоящего.**

Из этого общего правила есть лишь одно исключение. В частности, свойством исключительности не обладает оправдатель-

⁸¹ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. С. 53.

ный приговор, постановленный на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления), а также вынесенные по тому же основанию постановление или определение о прекращении уголовного преследования. В данном случае наличие вступивших в законную силу судебных решений не препятствует осуществлению уголовного преследования *в отношении других лиц*, а также их осуждению или применению к ним иных уголовно-правовых мер. Уголовно-процессуальный закон предусматривает обязанность суда, вынесшего по данным основаниям приговор, определение или постановление, решить вопрос о направлении руководителю следственного органа или начальнику органа дознания уголовного дела для производства предварительного расследования и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (ч. 3 ст. 306 УПК РФ). Таким образом, предполагается, что при наличии вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда по тому же уголовному делу может быть вынесено новое итоговое решение, но только в отношении другого лица.

Свойством исключительности в полной мере обладают решения о прекращении уголовного дела, выносимые судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также судом, рассматривавшим вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Вынесение вышестоящим судом такого решения исключает в будущем осуществление повторного уголовного преследования, а равно осуждение, наказание или применение принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия в отношении того же лица в связи с совершением того же преступления (общественно опасного деяния).

Что же касается решений данных судебных инстанций, которыми отменяются приговор, определение или постановление нижестоящими судами, а уголовное дело возвращается прокурору или направляется на новое судебное рассмотрение в нижестоящую судебную инстанцию, то такие решения свойством исключительности не обладают. Их вынесение не препятствует в будущем повторному рассмотрению данного уголовного дела

теми же апелляционной, кассационной или надзорной инстанцией либо судом, рассматривавшим вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Не препятствует предыдущее рассмотрение уголовного дела в апелляционном, кассационном или надзорном порядке и его рассмотрению той же судебной инстанцией в порядке возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (ч. 2 ст. 417, п. 8 ч. 1 ст. 417 УПК РФ)⁸².

Сложнее решается вопрос об исключительности судебных решений апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, которыми обжалуемое судебное решение оставлено в силе или изменено. Как будет показано ниже, в подобных ситуациях уголовно-процессуальный закон повторное рассмотрение уголовного дела запрещено только в суде кассационной инстанции, а судами апелляционной (ст. 389.36 УПК РФ) и надзорной (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ) инстанций – допускается, из чего следует заключить, что свойство исключительности решений, выносимых этими судебными инстанциями, существенно ограничено.

1. Так, согласно ст. 389.36 УПК РФ, если апелляционная жалоба осужденного, его защитника или законного представителя, потерпевшего, его законного представителя или представителя либо представление прокурора поступили тогда, когда уголовное дело в отношении этого осужденного уже рассмотрено по апел-

⁸² Заметим, что данное положение критикуется В.А. Давыдовым, по мнению которого, «наделение суда правом пересмотра своих собственных решений, означает не что иное, как отказ от справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия, поскольку пересмотр судебного акта ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств хотя бы и под углом зрения обстоятельств, которые ранее не были в поле зрения суда, в любом случае сопряжен с проверкой его законности и обоснованности» (см.: Давыдов В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 35). Впрочем, данное суждение не распространяется на пересмотр Президиумом Верховного Суда РФ своих постановлений. Такой пересмотр В.А. Давыдов рассматривает как «исключение из общего правила, обусловленное особым правовым статусом высшей (конечной) судебной надзорной инстанции» (см.: Там же. С. 27).

ляционным жалобе или представлению другого участника уголовного судопроизводства, судом апелляционной инстанции проводится повторное рассмотрение уголовного дела.

При повторном рассмотрении дела суд апелляционной инстанции может вынести новое решение, прямо противоречащее ранее вынесенному апелляционному приговору, определению или постановлению. В этом случае суд разъясняет участникам уголовного судопроизводства право обжаловать вновь вынесенное апелляционное решение в порядке, установленном гл. 47.1 УПК РФ.

В юридической литературе обоснованно обращается внимание на неразрешенность вопроса о том, насколько в рамках указанного повторного пересмотра суд апелляционной инстанции должен принимать во внимание преюдициальную силу ранее вынесенного апелляционного решения, не отмененного в установленном законом порядке и олицетворяющего акт правосудия⁸³.

Здесь следует заметить, что по буквальному смыслу закона не все решения суда апелляционной инстанции обладают свойством преюдициальности: по результатам рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке суд может вынести постановление, определение и приговор (ч. 2 ст. 389.20 УПК РФ), и из этих судебных решений, по буквальному смыслу ст. 90 УПК РФ, только приговору придается преюдициальное значение. Следовательно, выводами, содержащимися в постановлении или определении суда апелляционной инстанции, суд при повторном рассмотрении уголовного дела не связан, то есть проблема преюдиции (точнее, затруднение, связанное с ее применением) возникает лишь в том случае, если при первоначальном рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции был вынесен приговор. Решить данную проблему затруднительно, но ее можно снять, рассматривая положения ст. 389.36 УПК РФ как прямое исключение из ст. 90 УПК РФ, то есть исходя из того, что при повторном рассмотрении уголовного дела в порядке ст. 389.36 УПК РФ суд апел-

⁸³ Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : монография. М., 2012. С. 303.

ляционной инстанции не связан выводами, содержащимися в вынесенном до этого приговоре.

Если первоначальные приговор, определение или постановление суда апелляционной инстанции не имеют преюдициального значения, то ничто не мешает суду апелляционной инстанции при повторном рассмотрении уголовного дела вынести решение, существенно отличающееся по своим выводам от первоначально-го. При этом возможно возникновение ситуации, когда законной силой будут обладать несколько противоречащих друг другу судебных акта. Получается, что закон не только не обеспечивает надежными гарантиями свойство исключительности решений суда второй инстанции, но, напротив, прямо регламентирует процедуру, реализация которой приводит к «сосуществованию» противоречащих судебных решений.

Обжалование вынесенного в ходе повторного апелляционно-го производства судебного акта, в случае его противоречия первоначальному апелляционному решению, осуществляется в кассационном порядке в соответствии с положениями гл. 47.1 УПК РФ (ч. 2 ст. 389.36 УПК РФ).

Поставив пересмотр соответствующих судебных решений в зависимость от усмотрения сторон, от которых зависит – обратиться в суд кассационной инстанции или воздержаться от обжалования, законодатель придал механизму устранения противоречий между вступившими в законную силу судебными актами диспозитивный характер. Такой подход представляется спорным. Ведь если стороны не воспользуются своим правом и не обжалуют второе апелляционное определение, то взаимоисключающие друг друга судебные решения сохраняют свою силу. Данное положение, как верно замечает Л.В. Никитина, искажает все представления о действии принципа законности в уголовном судопроизводстве⁸⁴.

Диспозитивный механизм устранения противоречий между судебными актами противоречит также правовой позиции Кон-

⁸⁴ Никитина Л. В. Справедливость решений суда второй и надзорной инстанций // Вестник СГАП. 2005. № 3. С. 47.

ституционного Суда РФ, который в Постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П прямо указал на то, что «не отрицается, а, напротив, *предполагается необходимость* пересмотра решений, вступивших в законную силу, с тем чтобы в правовой системе не могли иметь место судебные акты, содержащие взаимоисключающие выводы».

Вызывает недоумение и позиция законодателя, ориентирующего суды на разъяснение участникам уголовного судопроизводства права обжалования не первоначального, а именно *вновь вынесенного* решения, хотя очевидно, что последнее должно быть правильнее первого.

В юридической литературе высказываются предложения об изменении порядка пересмотра противоречивых решений суда второй инстанции. Так, по мнению М.В. Мерзляковой и А.Д. Прошлякова, проверка правильности судебных решений и их отмена в порядке надзора в указанных случаях могла бы осуществляться по инициативе судей, их постановивших⁸⁵. Схожее решение было предложено Л.Д. Калинкиной, которая полагает, что во избежание конкуренции решений суда второй инстанции последнему надлежало бы направлять дело председателю суда, правомочному возбуждать надзорное производство (данная рекомендация была сформулирована до внесения в УПК РФ изменений Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ. – *И. Д.*), с тем, чтобы состоявшееся определение было отменено, а все жалобы и представления были рассмотрены судом надзорной инстанции одновременно с учетом доводов вновь поступивших жалоб и представлений участников уголовного судопроизводства⁸⁶.

Возложение на судей права (и обязанности) инициировать пересмотр соответствующих судебных решений, бесспорно, при-

⁸⁵ См.: Мерзлякова М. В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 23 ; Мерзлякова М. В., Прошляков А. Д. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. М., 2011. С. 82.

⁸⁶ Калинкина Л. Д. Повторное производство в российском уголовном процессе : монография. Саранск, 2010. С. 213.

дало бы процедуре устранения противоречий между судебными актами искомый публично-правовой характер. Однако обжалование судьями в вышестоящую судебную инстанцию собственных решений представляется несовместимым с принципом состязательности⁸⁷.

Надо сказать, что сам выбор законодателем формы пересмотра противоречащих друг другу судебных решений – в кассационном порядке – представляется ошибочным. Вынесение при повторном рассмотрении уголовного дела судом второй инстанции решения, противоречащего первоначальному, далеко не всегда обусловлено допущенной судом ошибкой. Более вероятной причиной расхождения выводов в решениях, вынесенных в результате неоднократного пересмотра дела судом второй инстанции, является выяснение при повторном рассмотрении уголовного дела таких обстоятельств, которые не были установлены ранее, при первоначальном рассмотрении дела.

В связи с этим в качестве более адекватной формы пересмотра вступивших в законную силу решений суда второй инстанции с целью устранения имеющихся между ними противоречий в юридической литературе предлагается использовать возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств⁸⁸.

Однако есть и иной вариант решения рассматриваемой проблемы, представляющийся нам наиболее оптимальным. Речь идет об установлении такого процессуального порядка, который позволит не устранять противоречия между уже вынесенными решениями, а исключит саму возможность вынесения таких решений. Для этого *необходимо наделить суд апелляционной инстанции полномочием в случае поступления апелляционных жалоб и представлений после рассмотрения данного уголовно-*

⁸⁷ См. подробнее: Дикарев И. Право субъектов, ведущих уголовный процесс, на принесение ходатайств в порядке надзора // Уголовное право. 2011. № 1. С. 59–60.

⁸⁸ Потапов В. Д. Право заинтересованных лиц на рассмотрение по существу повторных жалоб в суд вышестоящей инстанции // Российский следователь. 2012. № 17. С. 11.

го дела самостоятельно, в ходе повторного рассмотрения уголовного дела, отменять ранее вынесенные им апелляционные приговор, определение или постановление.

При этом в возможности отмены судом своих собственных решений нет ничего такого, что в корне противоречило бы природе состязательного судопроизводства. В юридической науке даже выработан специальный термин, обозначающий случаи возложения законодателем обязанности исправления судебных ошибок на суд, вынесший судебное решение, – *самопомощь*.

Например, по Уставу уголовного судопроизводства Германской Империи 1877 г. требования возобновления производства оконченого вошедшим в законную силу приговором разрешались тем судом, приговор которого оспаривался (§ 407)⁸⁹.

В современном гражданском процессе России вступившие в законную силу судебные постановления пересматриваются по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судом, принявшим это постановление (ст. 393 ГПК РФ). Кроме того, суд, вынесший заочное решение, вправе по заявлению стороны отменить это решение и возобновить рассмотрение дела по существу (гл. 22 ГПК РФ). В уголовном процессе полномочием пересматривать собственные решения наделен Президиум Верховного Суда РФ (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ).

В связи с этим, как представляется, ст. 389.36 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «В случае, если после рассмотрения судом уголовного дела в апелляционном порядке поступают апелляционная жалоба, представление, суд апелляционной инстанции повторно рассматривает данное уголовное дело, отменяет приговор, определение или постановление суда апелляционной инстанции и выносит новое апелляционное решение».

Одновременно введение предлагаемого порядка должно сопровождаться изменением нормативных предписаний, содержащихся в гл. 9 УПК РФ. Необходимо ч. 2 ст. 63 УПК РФ после

⁸⁹ См.: Устав уголовного судопроизводства для Германской империи с законом о введении его в действие 1 февраля 1877 г. С. 78–79.

слов «вынесенного с его участием» дополнить словами «за исключением случаев, предусмотренных ст. 389.36 настоящего Кодекса».

Надо заметить, что в уголовно-процессуальной литературе встречаются категорические возражения против повторного рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции, поскольку судья, высказавший ранее публично свою позицию по существу дела, должен подлежать отводу⁹⁰. Думается, данное правило не должно распространяться на случаи, предусмотренные ст. 389.36 УПК РФ. Поскольку изменяется предмет судебного разбирательства, определяемый изложенными в обращениях сторон доводами, суд не пересматривает свое собственное, ранее вынесенное решение. Он рассматривает и разрешает новые требования, опирается в своих выводах на дополнительные материалы, которых не было в его распоряжении при первоначальном рассмотрении дела, то есть по сути разбирает дело в том объеме, в котором оно рассматривалось бы, поступи все жалобы и представления своевременно. И если при повторном рассмотрении дела должно быть принято иное решение, нежели первоначальное, у судей не будет психологических препятствий для его вынесения, ведь такой исход является следствием объективных причин, а не субъективной ошибки суда.

Кроме того, запрет повторного рассмотрения уголовного дела судом в уголовном процессе не является абсолютным: закон допускает исключения из него применительно к производству в суде надзорной инстанции (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ), почему же не допустить подобных исключений и в апелляционном производстве?⁹¹

2. Говоря об исключительности решений судов кассационной инстанций, необходимо обратить внимание на то, что

⁹⁰ Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России. С. 293.

⁹¹ См.: Дикарев И. С. Преодоление противоречий между решениями суда апелляционной инстанции в уголовном процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2014. № 3. С. 121–125.

пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда построен на начале инстанционности (ст. 401.3 УПК РФ).

Советский уголовно-процессуальный закон допускал возможность неоднократной проверки судебных решений одной и той же судебной надзорной инстанцией.

Судебная практика исходила из недопустимости повторного рассмотрения надзорной инстанцией протестов лишь в отношении одних и тех же лиц (осужденных, оправданных). Пленум Верховного Суда СССР указывал: «Суд надзорной инстанции вправе вторично рассмотреть дело по протесту в отношении лишь тех осужденных (оправданных), о которых ранее им решение не принималось»⁹². Аналогичное разъяснение было дано и Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении от 5 апреля 1985 г. № 2 «О применении судами законодательства, регламентирующего пересмотр в порядке надзора приговоров, определений, постановлений по уголовным делам»⁹³. Комментируя позицию Верховного Суда СССР, Е.А. Смоленцев писал: «Это разъяснение расширяет полномочия надзорной инстанции, в большей мере отвечает задачам социалистического правосудия по обеспечению правовых гарантий осужденных (оправданных), в отношении которых данной надзорной инстанцией решение не принималось. Такие лица не должны лишаться права обращаться в ближайшую, наиболее доступную надзорную инстанцию лишь потому, что она уже принимала решение в отношении иного лица»⁹⁴.

В условиях ревизионного начала суд надзорной инстанции был обязан проверять дело полностью (то есть в отношении и тех осужденных, протест о которых не вносился). С тем, чтобы не лишать осужденных, ранее не обжаловавших судебные решения по делу, возможности обратиться с соответствующей жалобой в будущем,

⁹² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1977 гг.) / гл. ред. Е. А. Смоленцев. М., 1978. Ч. 2. С. 362.

⁹³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В. И. Теребилова. М., 1987. С. 839.

⁹⁴ Смоленцев Е. Повышать уровень работы судов надзорной инстанции // Социалистическая законность. 1985. № 11. С. 5.

в судебной практике укоренился подход, при котором позиция в отношении таких осужденных выражалась в решении суда надзорной инстанции лишь в том случае, когда возникала необходимость в отмене или изменении приговора о них (и только по основаниям, не связанным с ухудшением их положения). Во всех прочих случаях надзорная инстанция не принимала в отношении осужденных, протест о которых не приносился, никакого решения.

Таким образом, в советском уголовном процессе суд надзорной инстанции мог вторично рассмотреть уголовное дело по протесту, принесенному в отношении осужденных (оправданных), о которых ранее ни им, ни вышестоящим судом решение не принималось⁹⁵. Исключительность постановлений и определений суда надзорной инстанции ограничивалась запретом повторного рассмотрения уголовного дела в отношении осужденных (оправданных), о которых уже принималось решение тем же или вышестоящим судом. Тем самым гарантировалась недопустимость вынесения по одним и тем же правовым вопросам противоречащих друг другу судебных решений.

В настоящее время *исключительность решений суда кассационной инстанции, вынесенных по результатам рассмотрения уголовного дела в судебном заседании (ст. 401.14 УПК РФ), проявляется прежде всего в недопустимости повторного рассмотрения уголовного дела той же судебной инстанцией* (за исключением случаев, когда кассационная инстанция отменяет состоявшиеся судебные решения, а уголовное дело возвращает прокурору или направляет на новое судебное рассмотрение в нижестоящую судебную инстанцию).

Такой порядок определен нормами уголовно-процессуального права, устанавливающими инстанционность пересмотра вступивших в законную силу судебных решений (ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ).

В теории уголовного судопроизводства при определении инстанционности акцент делается, как правило, на недопустимости пере-

⁹⁵ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. М., 1996. С. 477.

смотра уголовного дела вышестоящей судебной инстанцией до того, как его пересмотрит нижестоящая судебная инстанция⁹⁶. «Судебная ошибка, – говорилось в одном из учебников по уголовному процессу, – должна быть по возможности исправлена той надзорной инстанцией, которая непосредственно осуществляет надзор за судом, ее допустившим»⁹⁷. Вместе с тем положения, устанавливающие инстанционный порядок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, служат одновременно нормативной основой запрета повторного рассмотрения уголовного дела судебной инстанцией, которая ранее уже вынесла по этому делу решение.

Примером нарушения данного положения, допущенного еще в период действия гл. 48 УПК РФ, является уголовное дело в отношении Б., осужденного Октябрьским районным судом города Калининграда за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. Данное уголовное дело было пересмотрено 11 октября 2010 г. по надзорному представлению и. о. прокурора Калининградской области в надзорном порядке Президиумом Калининградского областного суда, который своим постановлением смягчил назначенное судом первой инстанции наказание. Позднее, 22 ноября 2010 г., президиум Калининградского областного суда вновь рассмотрел данное дело по жалобе осужденного Б., которая была оставлена без удовлетворения. Как указала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, президиум Калининградского областного суда, рассмотрев 22 ноября 2010 г. надзорную жалобу осужденного Б. на приговор Октябрьского районного Суда города Калининграда и кассационное определение судебной коллегии Калининградского областного суда и оставив их без изменения, не учел, что указанные судебные решения уже пересматривались им в порядке надзора 11 октября 2010 г. и были изменены. Следовательно, президиум областного суда нарушил положения п. 2 ст. 403 УПК РФ, в связи с чем поста-

⁹⁶ См., напр.: Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. д-ра юрид. наук, проф., Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева. М., 2004. С. 305 (автор гл. 18 – В. И. Радченко).

⁹⁷ Уголовный процесс / отв. ред. Н. С. Алексеев [и др.]. С. 471.

новление от 22 октября 2010 г. было отменено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ⁹⁸.

3. Президиум Верховного Суда РФ является высшей судебной инстанцией страны, рассматривающей жалобы и представления на вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления суда в порядке надзора. Отсутствие судебной инстанции более высокого уровня приводило к тому, что сначала советский, а затем и российский законодатель на протяжении долгого времени никак не регламентировал механизм пересмотра вынесенных Президиумом Верховного Суда РФ судебных решений. Вопрос, однажды разрешенный высшей судебной инстанцией страны, ни при каких обстоятельствах не мог быть повторно рассмотрен в судебном порядке.

Сложившееся положение противоречило правовой позиции Конституционного Суда РФ, считающего, что право на судебную защиту не только не исключает, но, напротив, предполагает возможность исправления судебных ошибок и после рассмотрения дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством признается окончательным в том смысле, что в обычной процедуре это решение не может быть изменено⁹⁹. Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что ограничение возможности пересмотра судебных решений, не отвечающих требованиям законности, обоснованности и справедливости, имеет следствием нарушение баланса в защите таких конституционных ценностей, как справедливость и правовая определенность, влекущее причинение вреда гарантируемым Конституцией РФ правам и свободам человека и гражданина. Судебное решение, если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт

⁹⁸ Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 5. С. 38.

⁹⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Российская газета. 2005. 20 мая.

правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его неправосудности – неправомерные действия судьи, судебная ошибка или иные обстоятельства, объективно влияющие на законность, обоснованность и справедливость судебного акта¹⁰⁰.

До 1996 г. постановления, выносимые Президиумом Верховного Суда РФ, независимо от качества содержащихся в них решений, фактически не могли выступать объектом проверки, что приводило к существенному ограничению права граждан на судебную защиту. Подаваемые в порядке надзора жалобы граждан на решения Президиума Верховного Суда РФ не рассматривались. Из закона вытекал абсолютный запрет проверки в надзорном порядке уголовного дела, которое ранее было рассмотрено высшей судебной надзорной инстанцией – Президиумом Верховного Суда РФ.

Рассматривая данную проблему, Конституционный Суд РФ (Постановление от 2 февраля 1996 г. № 4-П¹⁰¹) исходил из того, что установление уголовно-процессуальным законом конечной судебной надзорной инстанции, решения которой не подлежат пересмотру в порядке надзора, само по себе не должно влечь за собой отказа в праве на судебную защиту для граждан, чьи права нарушены в результате судебной ошибки, поскольку наряду с обычными предусмотрены и дополнительные способы защиты этих прав в процедуре возобновления дел.

Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что процедурой, в рамках которой могут устраняться судебные ошибки, содержащиеся в решениях высшей судебной инстанции, должно выступать возобновление уголовных дел по вновь открывшимся обстоятельствам. При этом обязанность проверять вступившие в законную силу судебные решения была возложена на вынесший их Президиум Верховного Суда РФ.

¹⁰⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П // Российская газета. 2007. 2 июня.

¹⁰¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

Анализируя новый порядок проверки правосудности постановлений Президиума Верховного Суда РФ, некоторые исследователи пришли к выводу, что возобновление уголовных дел ввиду новых обстоятельств следует в данном случае рассматривать как *разновидность процедуры стадии пересмотра уголовного дела в порядке надзора*¹⁰². С этой позицией вряд ли можно согласиться – скорее необходимо говорить о приспособлении одной процессуальной формы для решения задач, стоящих перед другой, которая в силу определенных причин оказалась неприменимой.

Надо заметить, что предложенный Конституционным Судом РФ вариант разрешения проблемы является вполне традиционным для истории правосудия. Издревле отсутствие вышестоящего суда предполагало, передачу функции пересмотра решения тому же суду, который его вынес. Так, например, приговоры древнегреческого суда гелиэи не подлежали обжалованию, однако, если осужденный путем ряда процессов доказывал ложность свидетельских показаний или то, что он не был призван в суд либо не явился туда по уважительной причине, решение гелиэи отменялось и дело рассматривалось вновь этим же судебным органом¹⁰³.

Возможность использования для проверки правосудности постановлений Президиума Верховного Суда РФ процедуры возобновления уголовных дел было обусловлено тем, что этот порядок по своей сути является механизмом, дополняющим все обычные способы обеспечения правосудности приговоров, имеет резервное значение и используется, когда не применимы или были исчерпаны другие средства процессуально-правовой защиты. В связи с этим, по мнению Конституционного Суда РФ, выраженному в Постановлении от 2 февраля 1996 г. № 4-П, на процедуру возобновления уголовных дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств не распространяются некоторые существенные

¹⁰² Мерзлякова М. В., Прошляков А. Д. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. С. 61.

¹⁰³ Чельцов-Бебутов М. А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 114.

процессуальные условия, присущие обычному порядку судопроизводства: нет такой судебной инстанции, решения которой считались бы окончательными и не могли бы пересматриваться; не действуют ни запрет пересмотра той же самой инстанцией ее собственных решений, ни запрет повторного участия судей в рассмотрении дела.

Однако в рассматриваемый период уголовно-процессуальный закон не предусматривал оснований возобновления уголовных дел, применение которых позволило бы исправлять допускаемые Президиумом Верховного Суда РФ судебные ошибки. Решение этой проблемы стало возможным опять-таки благодаря вмешательству Конституционного Суда РФ, который в Определении от 9 апреля 2002 г. № 28-О¹⁰⁴ указал, что процессуальный закон, устанавливая порядок возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам, не может вводить такое ограничение круга оснований для возобновления дела и такое ограничение полномочия судов по проверке этих оснований, которые делали бы невозможным исправление допущенных судебных ошибок и восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан и иных лиц. В связи с этим действовавшее в тот период положение п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР, ограничивавшее круг оснований к возобновлению уголовного дела лишь обстоятельствами, «неизвестными суду при постановлении приговора или определения», было признано не соответствующим Конституции РФ, поскольку оно препятствовало исправлению судебных ошибок в случаях исчерпания возможностей судебного надзора. Одновременно Конституционный Суд РФ обратил внимание Федерального собрания на то, что при принятии нового уголовно-процессуального законодательства и определении в нем процессуальных форм и средств исправления судебных ошибок по уголовным делам необходимо исходить из недопустимости снижения уровня гарантий прав и свобод граждан, предусмотренных действующим законодательством и Постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П.

¹⁰⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 17. Ст. 1719.

Законодатель учел сформулированные Конституционным Судом РФ правовые позиции при разработке УПК РФ 2001 года. Согласно ч. 1 ст. 413 УПК РФ вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. При этом перечень новых обстоятельств оставлен открытым за счет указания на «иные новые обстоятельства». Под этими «иными новыми обстоятельствами» судебной практикой понимались, во-первых, новые и неизвестные суду или лицу, производившему расследование по уголовному делу, обстоятельства, незнание которых привело их к добросовестному заблуждению о подлинном характере обстоятельств преступления и принятию необоснованного или незаконного решения; во-вторых, иные новые или вновь открывшиеся обстоятельства, неоспоримо доказывающие неправосудность вынесенного по делу решения¹⁰⁵. При этом в ч. 2 ст. 417 УПК РФ появилось специальное указание на то, что *предыдущее рассмотрение уголовного дела в кассационном порядке или в порядке надзора не препятствует его рассмотрению той же судебной инстанцией* в порядке возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (позднее, в связи с изменением порядка пересмотра постановлений Президиума Верховного Суда РФ редакция данной нормы была изменена Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ). Тем самым были созданы условия для неоднократного рассмотрения одного и того же уголовного дела Президиумом Верховного Суда РФ и использования в качестве процессуальной формы устранения допущенных Президиумом судебных ошибок процедуры возобновления уголовных дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

В связи с возможностью пересмотра постановлений Президиума Верховного Суда РФ присущее этим решениям свойство исключительности утратило абсолютный характер.

¹⁰⁵ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. М., 2002. С. 684 (автор комментария к гл. 49 УПК РФ – В. К. Бобров).

Принятие Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ ознаменовалось коренной ломкой выработанного к этому времени порядка пересмотра постановлений Президиума Верховного Суда РФ. Законодатель отказался от использования для этих целей процедуры возобновления уголовных дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, предусмотрев возможность обжалования заинтересованными лицами указанных решений в Президиум Верховного Суда РФ в надзорном порядке (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УУПК РФ).

Именно полномочием Президиума Верховного Суда РФ пересматривать собственные постановления объясняется отсутствие в гл. 48.1 УПК РФ, регламентирующей производство в суде надзорной инстанции, запрета на принесение повторных и новых надзорных жалоб, представления¹⁰⁶ – такой запрет парализовал бы механизм самоконтроля Президиума Верховного Суда РФ, сделал бы его объективно невозможным.

Новации Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ не нашли поддержки среди ученых-процессуалистов, многие из которых считают неверным решение законодателя использовать для пересмотра постановлений Президиума Верховного Суда РФ надзорный порядок.

Так, Н.Н. Ковтун отмечает, что при вынесении на повторный пересмотр решений Президиума Верховного Суда РФ отсутствует законный состав суда, ибо большинство членов Президиума уже выполняли обязанности судей в ходе первичной проверки¹⁰⁷. По его мнению, ранее действовавшая процедура пере-

¹⁰⁶ В этой связи мы не можем согласиться с В.Д. Потаповым, по мнению которого, в суде надзорной инстанции действует категорический запрет на внесение и рассмотрение повторных надзорных обращений (см.: Потапов В. Д. Право заинтересованных лиц на рассмотрение по существу повторных жалоб в суд вышестоящей инстанции. С. 9 ; Его же. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России. С. 132).

¹⁰⁷ Ковтун Н. Н. Основные начала проверки судебных решений в уголовном процессе России – стереотипизация правовых установок // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 224.

смотра таких постановлений (в порядке гл. 49 УПК РФ), хотя и имела недостатки, связанные прежде всего с отсутствием должной законодательной регламентации, но была «оправдана и объяснима»¹⁰⁸.

В.Д. Потапов прямо высказывается за исключение из УПК РФ надзорного пересмотра Президиумом Верховного Суда РФ своих собственных решений, считая, что судебная защита должна обеспечиваться посредством процедуры возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств¹⁰⁹.

Высказывают возражения против нового порядка пересмотра постановлений Президиума Верховного Суда РФ и другие исследователи¹¹⁰.

Очевидно, исходным условием регламентации порядка пересмотра постановлений Президиума Верховного Суда РФ является то, что в силу отсутствия вышестоящей судебной инстанции, кроме самого Президиума исправить судебную ошибку объективно некому. Следовательно, законодатель изначально вынужден отступить от сформулированного еще в римском праве требования *«nemo iudex in propria causa»* («никто не судья в собственном деле»). При этом следует признать, что такое отступление является вынужденным и оправданным, ведь без этого невозможно обеспечить право личности на судебную защиту.

И здесь важное значение приобретает то обстоятельство, что как в российской, так и в зарубежной процессуальных доктринах допускается пересмотр судебного решения вынесшим его судом в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами.

¹⁰⁸ См.: Ковтун Н. Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 3–9.

¹⁰⁹ Потапов В. Д. Право заинтересованных лиц на рассмотрение по существу повторных жалоб в суд вышестоящей инстанции. С. 10.

¹¹⁰ Туганов Ю. Н., Аулов В. К., Карикова Е. А. Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам в практике судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций : монография. М., 2014. С. 144.

В качестве примера достаточно привести положения гражданского процессуального законодательства, традиционно возлагающие обязанность пересмотра вступившего в законную силу решения по вновь открывшимся или новым обстоятельствам *на суд, вынесший это решение* (ст. 333.1 ГПК РСФСР, ст. 393 ГПК РФ).

В уголовно-процессуальном законодательстве данный вопрос урегулирован несколько иначе. И в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., и в уголовно-процессуальных кодексах советского периода, а затем и в действующем УПК РФ 2001 г. вопрос о возобновлении уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств отнесен к компетенции суда, вышестоящего по отношению к тому, который вынес оспариваемое судебное решение. Однако идея о возможности возобновления производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств судом, вынесшим оспариваемое решение, все же находила реализацию в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, согласно ч. 3 ст. 388 УПК РСФСР 1960 г. предыдущее рассмотрение дела в кассационном порядке или в порядке надзора не препятствовало его рассмотрению в той же судебной инстанции в порядке возобновления по вновь открывшимся обстоятельствам. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве соответствующая норма закреплена в ч. 2 ст. 417 УПК РФ: «Предыдущее рассмотрение уголовного дела в апелляционном или кассационном порядке не препятствует его рассмотрению той же судебной инстанцией в порядке возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств».

Таким образом, и в уголовном процессе суд, вынесший оспариваемое решение, вправе пересмотреть его и возобновить производство по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Именно данное обстоятельство, как представляется, имеет решающее значение, склоняя исследователей при выборе формы пересмотра постановлений Президиума Верховного Суда РФ отдавать предпочтение процедуре, предусмотренной гл. 49 УПК РФ.

Однако необходимо принимать во внимание причины, которыми объясняется сохранение объективности и беспристрастности судом, пересматривающим собственное решение ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Как писал И.Я. Фойницкий, «бывают случаи, в которых с вопросом о пересмотре возбуждается вопрос не о виновной ошибке со стороны суда, а об ошибке, объясняемой складом процесса и могущей быть исправленной при изменении этого склада. Например, пересмотр может обуславливаться открытием новых обстоятельств, которые не имелись прежде в виду и которые вызвали бы иное решение, чем то, которое постановил уже суд. В таких случаях нет причин опасаться, что неверность не будет исправлена судом, постановившим первоначальное решение»¹¹¹.

Н.А. Буцковский объяснял возможность исправления судьями собственных ошибок, вызванных неизвестностью им новых обстоятельств, тем, что в подобных случаях не задевается «самолюбие судей». В этом – коренное отличие от кассации, где приговоры исправляются «по случаю нарушения судьями закона или порядка судопроизводства, почему... есть основание не верить тем же судьям пересмотр такого дела, по которому они вынуждены были бы исправлять собственные свои ошибки или отказываться от заявленных ими мнений»¹¹².

Высказанные процессуалистами XIX столетия идеи не утратили актуальности и в наши дни. Возможность доверить суду пересмотр собственного решения ввиду вновь открывшихся обстоятельств по-прежнему объясняется тем, что при исправлении судебной ошибки, обусловленной неизвестностью нового обстоятельства, судья сохраняет объективность, ведь отмена приговора в этом случае не свидетельствует о его вине в недобросовестности, злоупотреблении или отсутствием у него должной квалификации.

¹¹¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 525.

¹¹² Буцковский Н. А. Очерк кассационного порядка отмены решений по судебным уставам 1864 г. // Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. Соч. сенатора Н. Буцковского. СПб., 1874. С. 21.

Как писал Н.А. Громов, если судьи не виноваты в допущенной ошибке и их беспристрастность и компетентность не вызывает никаких сомнений, им можно доверить устранение ошибочного приговора, определения или постановления¹¹³. В другой своей работе Н.А. Громов писал: «Новизна факта или обстоятельства к моменту их открытия столь очевидна, что свидетельствует о непричастности суда к допущенной им ошибке при отправлении правосудия. И это не служит препятствием к возобновлению гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам судом, ранее рассматривавшим его»¹¹⁴. Данная позиция высказывается и в работах других авторов¹¹⁵.

Следовательно, *допустимость пересмотра судом собственных решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств обусловлена спецификой оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений*: судьи могут объективно пересматривать собственное решение постольку, поскольку признание его ошибочности не свидетельствует об их собственной некомпетентности, недобросовестности или злоупотреблениях.

Но если перед судьями стоит задача исправления собственных судебных ошибок, вызванных фундаментальным нарушением уголовно-процессуального закона или неправильным применением уголовного закона, то применение для этих целей процедуры, предусмотренной гл. 49 УПК РФ, само по себе не способно нейтрализовать их заинтересованность и возможную необъективность. Соответственно, в качестве формы пересмотра постановлений Президиума Верховного Суда РФ процедура возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств ничем не предпочтительнее пересмотра в порядке надзора.

¹¹³ Громов Н. А. Суды, осуществляющие возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам // Проблемы реализации судебной реформы в России : сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов, 1998. С. 125.

¹¹⁴ Громов Н. Нужна надежная система проверки судебных решений // Российская юстиция. 1995. № 2. С. 45.

¹¹⁵ См., напр.: Алиев Т. Т. Производство по вновь открывшимся обстоятельствам в гражданском судопроизводстве. М., 2007. С. 95–96.

В то же время нельзя не признать, что выбор законодателем именно надзорного порядка для пересмотра постановлений Президиума Верховного Суда РФ более соответствует сложившейся системе пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда.

Именно производство в суде надзорной инстанции предназначено для исправления судебных ошибок, вызванных неправильным применением норм уголовного права и существенными нарушениями процессуального закона, тогда как возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств нацелено на исправление ошибок, обусловленных неправильным установлением фактических обстоятельств дела. И для того, чтобы этот «водораздел» сохранялся, не следует допускать подмены одной формы пересмотра другой (что как раз имело место, когда Президиум Верховного Суда РФ, пересматривая свои постановления в порядке, установленном гл. 49 УПК РФ, фактически выполнял функции суда надзорной инстанции).

Что же касается объективности членов Президиума Верховного Суда РФ при пересмотре постановлений, содержащих судебные ошибки, вызванные фундаментальным нарушением уголовно-процессуального закона или неправильным применением уголовного закона, то она, как представляется, в достаточной мере обеспечивается высочайшей квалификацией членов Президиума¹¹⁶ и коллегиальностью состава суда.

Помимо судебных решений, выносимых судами кассационной и надзорной инстанций по результатам рассмотрения уголовного дела в судебном заседании, на этих стадиях уголовного про-

¹¹⁶ «Вероятно, – пишет А.В. Смирнов, – законодатель исходил здесь из того предположения, что высокий профессиональный уровень судей ВС РФ сам по себе служит достаточной гарантией против проявления ими предвзятости и необъективности при исправлении собственных ошибок» (см.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2012 (автор комментария к ст. 412.1 УПК РФ – А.В. Смирнов). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

цесса выносятся еще один вид процессуальных решений, вопрос об исключительности которых решается в уголовно-процессуальной теории и на практике весьма неоднозначно. Речь идет о выносимых судьями **постановлениях об отказе в передаче кассационных или надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ** (п. 1 ч. 2 ст. 401.8, п. 1 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ).

Данный вопрос непосредственно связан с законодательной регламентацией последствий подачи в суды кассационной и надзорной инстанций повторных и новых жалоб, представлений. Так, например, в гл. 48.1 УПК РФ, регламентирующей производство в суде надзорной инстанции, запрет на принесение повторных и новых надзорных жалоб, представлений вообще отсутствует, что прямо свидетельствует об отсутствии свойства исключительности не только у постановлений Президиума, но и у «отказных» постановлений, выносимых судьями Верховного Суда РФ.

Согласно ст. 401.17 УПК РФ не допускается внесение повторных или новых кассационных жалобы, представления по тем же или иным правовым основаниям, теми же или иными лицами в тот же суд кассационной инстанции, если ранее эти жалоба или представление в отношении одного и того же лица рассматривались этим судом в судебном заседании либо были оставлены без удовлетворения постановлением судьи.

Недопустимость принесения повторных и новых жалобы, представления в суд кассационной инстанции после того, как данное дело уже рассматривалось в судебном заседании, вполне объяснимо. В этом правиле проявляется свойственное данной стадии уголовного процесса требование инстанционности, согласно которому после рассмотрения судом кассационной инстанции уголовного дела в судебном заседании дальнейшее обжалование состоявшихся по делу судебных решений возможно только в вышестоящую судебную инстанцию. Согласно п. 5 ч. 1 ст. 401.5 УПК РФ кассационные жалоба, представление, поданные с нарушением установленных ст. 401.3 УПК РФ правил подсудности, возвращаются лицу, их подавшему, без рассмотрения.

Новшества законодательной регламентации, привнесенные в процедуру пересмотра вступивших в законную силу судебных решений Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, связаны с последствиями вынесения судьей, ведущим предварительное производство в суде кассационной инстанции, постановления об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (п. 1 ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ). По смыслу, придаваемому положению ст. 401.17 УПК РФ судебной практикой, вынесение судьей такого решения исключает возможность подачи заинтересованными лицами в отношении того же лица (осужденного, оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено) не только повторных, но и новых кассационных жалоб или представлений.

Напомним, что ранее действовавший закон (ч. 1 ст. 412 УПК РФ) запрещал внесение в суд надзорной инстанции только *повторных* жалоб и представлений, не ограничивая право сторон и иных заинтересованных лиц на подачу *новых* жалоб и представлений.

Понятие повторных жалобы, представления было в свое время выработано Конституционным Судом РФ, который в Определении от 8 ноября 2005 г. № 401-О¹¹⁷ указал, что повторной надзорной жалобой, представлением следует считать жалобу, представление, принесенные по тому же делу, в отношении того же осужденного и по тем же основаниям, что и жалоба (представление), ранее оставленная без удовлетворения. Данная правовая позиция была воспринята Пленумом Верховного Суда РФ и воспроизведена в п. 23 постановления от 11 января 2007 г. № 1 «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции»¹¹⁸.

Однако еще в период действия гл. 48 УПК РФ («Производство в надзорной инстанции») в судебной практике проявилась

¹¹⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 401-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 2. С. 36–39.

¹¹⁸ См.: Российская газета. 2007. 20 янв.

тенденция признавать *повторными* «надзорные ходатайства, поданные хотя бы и по иным правовым основаниями, но которые в явной степени не требуют возбуждения надзорного производства». Несмотря на то что эта практика не соответствовала правовым позициям Конституционного Суда РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, она нашла поддержку среди ученых-процессуалистов. Так, П.А. Колмаков и И.И. Обухов, отмечая практические выгоды признания надзорных ходатайств повторными без учета указанных в них оснований отмены или изменения судебных решений, признали такой подход вполне разумным¹¹⁹.

Формулировка ст. 401.17, введенной в УПК РФ Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, дала основание к истолкованию данной нормы как признающей повторными (а значит, не подлежащими рассмотрению судом) любых жалоб и представлений, поданных в отношении одного и того же лица, даже если в них содержатся ссылки на новые основания отмены или изменения обжалуемого судебного решения.

Как следствие, исходя из буквального смысла рассматриваемой нормы, получается, что если, например, прокурором в отношении осужденного было принесено кассационное представление, в передаче которого для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции судьей было отказано, то и сам осужденный лишается права подать жалобу в защиту своих собственных интересов, поскольку в отношении него жалоба (представление) уже рассматривалась. Аналогично, если жалобу на приговор подаст осужденный, и в передаче ее для рассмотрения в судебном заседании будет отказано, то это исключит в последующем возможность подачи как жалобы потерпевшим, так и представления прокурором.

В таких условиях *постановление судьи об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции приобретает абсолютно исключительный характер*.

¹¹⁹ См.: Колмаков П., Обухов И. О влиянии оснований отмены и изменения судебных решений на вывод о повторности надзорных жалобы или представления // Уголовное право. 2008. № 5. С. 86–90.

А.В. Смирнов считает такую регламентацию правильной. По его мнению, возложение на суд кассационной инстанции обязанности заново проверять судебные решения, которые уже были предметом его рассмотрения, в случае последующего обжалования их по новым основаниям теми самыми лицами, которые ранее уже обращались в этот суд с кассационными жалобами по тому же делу, привело бы к существенному и неоправданному возрастанию нагрузки на судебные органы. При этом отсутствие необходимости в новом рассмотрении кассационных жалоб и представлений, принесенных по иным основаниям, А.В. Смирнов объясняет тем, что «даже если заявитель не упоминает в жалобе или представлении какие-либо из кассационных оснований для отмены или изменения проверяемых судебных решений, предполагается, что суд (судья), всесторонне изучив обжалуемое решение в ревизионном порядке, уже сделал (обязан был сделать) вывод о наличии или отсутствии подобных оснований»¹²⁰.

Такую точку зрения разделяют далеко не все исследователи. Нередко в юридической литературе положение ст. 401.17 УПК РФ рассматривается как препятствие для реализации права граждан на судебную защиту, принципов состязательности и равноправия сторон, в связи с чем высказываются предложения об изменении редакции данной нормы. Так, например, А.Н. Разинкина предлагает изложить ст. 401.17 УПК РФ следующим образом: «Внесение повторных кассационных жалоб или представлений по тому же делу, в отношении того же лица, по тем же основаниям в суд кассационной инстанции, ранее оставивший их без удовлетворения, не допускается»¹²¹.

Запрет обращения в суд кассационной инстанции не только с повторными, но и с новыми кассационными жалобами, представлениями рассматривается как препятствие судебной защите прав и участниками конкретных уголовно-процессуальных отношений,

¹²⁰ См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный).

¹²¹ См., напр.: Разинкина А. Проблемы правовой регламентации процедур пересмотра судебных актов в апелляционном и кассационном порядке // Законность. 2013. № 9. С. 10 ; и др.

некоторые из которых в этой связи обращаются в Конституционный Суд РФ.

В частности, конституционность ст. 401.17 УПК РФ была оспорена гражданами Д.В. Горячевым и Р.А. Стебой, ссылавшимися в своих обращениях на то, что данная норма не позволяет подавать новые кассационные жалобы по иным правовым основаниям в тот же суд кассационной инстанции, если ранее кассационная жалоба в отношении одного и того же лица рассматривалась этим судом в судебном заседании либо была оставлена без удовлетворения постановлением судьи этого суда, а также препятствует подаче кассационной жалобы в Верховный Суд РФ без ее предшествующего рассмотрения президиумом областного или равного ему по уровню суда.

Однако Конституционный Суд РФ счел, что ссылка судов в делах заявителей на ст. 401.17 УПК РФ, как не допускающую подачу новой или повторной кассационной жалобы, не может быть основанием для оценки конституционности самой по себе данной статьи. Рассматривая эту норму во взаимосвязи с положениями п. 2 и 5 ч. 2 ст. 401.3, п. 5 ч. 1 ст. 401.5, п. 1 ч. 2 и ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 25 марта 2014 г. № 8-П констатировал, что они не соответствовали Конституции РФ ранее – до внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 382-ФЗ¹²², то есть когда вынесение судьей областного или равного ему по уровню суда постановления об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции препятствовало направлению кассационной жалобы в Верховный Суд РФ.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что Конституционный Суд РФ считает не противоречащей положениям Конституции РФ практику возвращения заявителям кассационных жалоб, представлений, содержащих ссылки на новые основания пересмот-

¹²² См.: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 382-ФЗ «О внесении изменений в статью 401.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 30 дек.

ра судебных решений, если ранее эти же или иные лица уже подавали в отношении того же осужденного или оправданного кассационные жалобы, представления, в передаче которых для рассмотрения в судебном заседании было отказано постановлением судьи областного или равного ему по уровню суда. Видимо, Конституционный Суд РФ исходит из того, что в данной ситуации достаточной гарантией права на судебную защиту заинтересованных лиц выступает возможность подачи кассационных жалоб, представлений в соответствующую коллегию Верховного Суда РФ.

Такой подход представляется дискуссионным. По нашему мнению, ни право обращения в Верховный Суд РФ после отказа в передаче кассационных жалоб, представлений для рассмотрения в судебном заседании президиума областного или равного ему по уровню суда, ни тем более применение ревизионного порядка предварительного рассмотрения судьей поданных кассационных жалоб, представлений (на что указывает А.В. Смирнов), не могут компенсировать ограничение права заинтересованных лиц на судебную защиту, обусловленное запретом подачи в суд кассационной инстанции новых жалоб и представлений.

Относительно применения ревизионного начала в предварительном производстве в суде кассационной инстанции, необходимо отдавать себе отчет в том, что судья, изучающий кассационные жалобы и представления в порядке ст. 401.8 УПК РФ, *не обязан*, а только *вправе* проверить производство по уголовному делу в полном объеме. Следовательно, судья может этим правом и не воспользоваться. Кроме того, не исключено и вынесение судьей «отказного» постановления без истребования уголовного дела. Очевидно, что вынесенное в таком порядке решение не может служить достаточным основанием для пресечения повторных и новых обращений в этот же суд с жалобами и представлениями, приносимыми по другим основаниям и тем более – другими лицами.

Что же касается возможности обращения в вышестоящую судебную инстанцию – Судебную коллегию по уголовным делам или Судебную коллегию по делам военнослужащих Верховного Суда РФ (такая возможность появилась у заинтересованных после того, как в п. 2 и 5 ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ были внесены изме-

нения Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 382-ФЗ), то здесь необходимо принять во внимание следующее.

Во-первых, такой порядок сопряжен с потерей времени, которая настолько существенна, что вряд ли совместима с принципом разумности сроков уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). Напомним, что согласно ч. 2 ст. 401.9 УПК РФ в Верховном Суде РФ кассационные жалоба, представление рассматриваются в срок, не превышающий двух месяцев со дня их поступления, если уголовное дело не было истребовано, или – если дело было истребовано – в срок, не превышающий трех месяцев со дня их поступления (в который к тому же не включается период со дня истребования дела до дня его поступления в Верховный Суд РФ). При этом не следует забывать, что к моменту обращения в Верховный Суд РФ кассатором уже затрачено значительное время на рассмотрение кассационных жалобы, представления в областном или равном ему по уровню суде. В условиях лимитированного законом срока допустимости поворота к худшему (ст. 401.6 УПК РФ) право на судебную защиту может оказаться фактически не реализуемым. Очевидно, что в таких условиях шансы потерпевшего или прокурора добиться пересмотра судебных решений по основаниям, влекущим ухудшение положения стороны защиты существенно снижаются. Не следует упускать из виду, что обеспечение права каждого на справедливое судебное разбирательство его дела в разумный срок является неотъемлемой составляющей права на судебную защиту. И возможности добиться судебной защиты своих прав для стороны разрешаемого судом правового спора снижаются прямо пропорционально увеличению сроков судопроизводства.

Во-вторых, подача в Верховный Суд РФ всех повторных и новых жалоб, представлений, не удовлетворенных судьями областных и равных им по уровню судов, неизбежно приведет к перегруженности судей Верховного Суда РФ. Это сопряжено с риском снижения качества рассмотрения поступающих в Верховный Суд РФ кассационных жалоб и представлений, что, в свою очередь, негативно скажется на уровне судебной защиты прав граждан.

Наконец, в-третьих, судебные коллегии Верховного Суда РФ, будучи судами кассационной инстанции, также связаны положе-

ниями ст. 401.17 УПК РФ, в связи с чем и здесь право сторон на судебную защиту будет ограничено возможностью однократного обращения. В итоге стороны столкнутся в Верховном Суде РФ с теми же проблемами, которые не позволили им добиться пересмотра оспариваемых судебных решений в суде областного уровня.

В подобных условиях право на судебную защиту, в силу сложностей его практической реализации, становится *иллюзорным* – оно декларируется, но должным образом не обеспечивается.

Единственным решением данной проблемы представляется возврат к регламентации последствий принесения повторных и новых жалоб (представлений), действовавшей до внесения в УПК РФ изменений Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ. Только возвращение лицам, оспаривающим правосудность вступившего в законную силу судебного акта, права подачи в суд кассационной инстанции *новых* жалоб и представлений может обеспечить должный уровень гарантированности права кассационного обжалования судебных решений.

Принуждение же участников судопроизводства обращаться с жалобами и представлениями в Верховный Суд РФ тогда, когда еще не исчерпаны возможности исправления судебной ошибки в суде областного уровня, лишает, по нашему мнению, пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда качеств эффективного средства реализации права на судебную защиту. Подобная организация кассационного пересмотра судебных решений никак не согласуется со сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позицией о том, что институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны отвечать, помимо прочего, требованиям *процессуальной экономики* в использовании средств судебной защиты¹²³.

Учитывая вышесказанное, в ст. 401.17 УПК РФ следовало бы внести изменения, изложив ее в такой редакции: «Не допускается внесение повторных или новых кассационных жалобы, представления в суд кассационной инстанции, рассмотревший уголовное дело в

¹²³ Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1. С. 74.

судебном заседании, а также повторных кассационных жалобы, представления в случае если ранее постановлением судьи было отказано в передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции ранее поданных по тем же основаниям и в отношении тех же лиц кассационных жалобы, представления».

Впрочем, независимо от того, поддержит законодатель высказываемые в юридической литературе предложения об изменении редакции ст. 401.17 УПК РФ или нет, судебная практика принятия решений по повторным и новым кассационным жалобам, представлениям нуждается в корректировке.

Дело в том, что складывающаяся в настоящее время практика применения ст. 401.17 УПК РФ, когда любые повторные и новые кассационные жалобы, представления возвращаются лицам, их подавшим, *без рассмотрения*, противоречит правовым позициям Конституционного Суда РФ.

В свое время, оценивая конституционность ч. 1 ст. 412 УПК РФ, также не допуская внесения повторных надзорных жалоб или представлений в суд надзорной инстанции, ранее оставивший их без удовлетворения, Конституционный Суд РФ указал, что данная норма *не предполагает отказ в рассмотрении повторной надзорной жалобы в случае обнаружения судебной ошибки, которая ранее не была выявлена и потому подлежит исправлению*. И только обращение с такой жалобой *без надлежащих правовых оснований к отмене или изменению судебного решения* влечет оставление ее без рассмотрения со ссылкой на данную норму¹²⁴.

В Постановлении от 25 марта 2014 г. № 8-П Конституционный Суд РФ вновь повторил ранее выраженную им правовую позицию¹²⁵, согласно которой *запрет на подачу кассационной жалобы тем же лицом, в том числе после того, как предыдущая его жалоба была отвергнута, не является препятствием для устрани-*

¹²⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 1468-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹²⁵ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 г. № 1460-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния судом экстраординарной судебной инстанции существенных нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, которые не предполагают отказ в рассмотрении жалобы в случае обнаружения ранее не выявленной судебной ошибки, подлежащей исправлению.

Таким образом, и в настоящее время – в условиях новой законодательной регламентации – *возвращению повторных или новых кассационных жалоб, представлений лицам, их подавшим, должно каждый раз предшествовать их изучение в порядке, установленном ст. 401.8 УПК РФ.* Решение о возвращении кассационных жалоб, представлений без рассмотрения со ссылкой на ст. 401.17 УПК РФ может быть принято судьей только при условии отсутствия в них ссылок на обстоятельства, подтверждающие наличие судебной ошибки, подлежащей исправлению в кассационном порядке¹²⁶.

В контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ толкует положение ст. 401.17 УПК РФ и Заместитель Председателя Верховного Суда РФ – председатель Судебной коллегии по уголовным делам В.А. Давыдов. По его мнению, повторные кассационные жалоба, представление подлежат рассмотрению в общем порядке, но другим судьей, у которого может быть совершенно иное мнение относительно правосудности обжалуемых судебных решений. И в этом смысле *решение судьи по первичным жалобе, представлению никоим образом не препятствует рассмотрению повторных жалобы, представления, а поэтому нет надобности в отмене такого решения «для открытия кассационного производства».*

Кассационные жалоба, представление, внесенные по иным правовым основаниям, то есть новые жалоба, представление, подлежат рассмотрению по правилам рассмотрения первичных жалобы, представления, как это имело место до 1 января 2013 г. в надзорном производстве¹²⁷.

¹²⁶ См.: Дикарев И. С. Повторные и новые кассационные жалобы и представления в уголовном процессе // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 39–42.

¹²⁷ Давыдов В. А. Запрет на повторное обращение в кассацию не согласуется с позициями Конституционного Суда РФ // Уголовный процесс. 2013. № 9. С. 56.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Практика Европейского Суда по правам человека

1. Решение Европейского Суда по правам человека от 19 марта 1997 г. «По делу Хорнсби (Hornsby) против Греции» // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. Т. 2 / председатель редкол. В. А. Туманов. – М., 2000. – С. 428–439.

2. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1999 г. «Дело Брумареску против Румынии (Brumărescu v. România)» (жалоба № 28342/95). – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых (Ryabukh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // Журнал российского права. – 2004. – № 5. – С. 110–119.

4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 ноября 2004 г. Дело «Праведная (Pravednaya) против Российской Федерации» (жалоба № 69529/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2005. – № 5. – С. 76–83.

6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 2006 г. Дело «Нахманович (Nakhmanovich) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2006. – № 9. – С. 55, 81–99.

7. Решение Европейского Суда по правам человека от 9 марта 2006 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 “Афанасий Семенович Братякин (Afanasy Semenovich Bratyarin) против Российской Федерации”» // Российская юстиция. – 2006. – № 11. – С. 73–77.

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 июля 2006 г. (жалоба № 58079/00) «Федин против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – № 11. – С. 5–12.

9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2009 г. Дело «Сутяжник» (Sutyazhnik) против Российской Федерации» (жалоба № 8269/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 3. – С. 114–131.

10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 2009 г. Дело «Колчинаев (Kolchinaev) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 12. – С. 8, 57–61.

2. Практика Конституционного Суда Российской Федерации

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Н. Ситаловой» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1708.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебrenникова» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 7. – Ст. 701.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса судьи Московского областного суда Н. В. Григорьевой». – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 300-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 116, 211, 218, 219 и 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 3. – Ст. 267.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2804.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Российская газета. – 2005. – 20 мая.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2005 г. № 328-О «По запросу Советского районного суда города Челябинска о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 214, пунктов 1 и 2 статьи 254, статей 406, 407, 408 и части шестой статьи 410 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 6. – С. 124–127.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 401-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яценко Анатолия Степановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 2. – С. 36–39.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 932.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Российская газета. – 2007. – 2 июня.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 193-О-П «По жалобе гражданина Суринова Татевоса Романовича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2008. – № 4. – С. 53–56.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2892.

13. Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П «По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчуковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2009. – № 3. – С. 35–40.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 471-О-П «По жалобам граждан Гендриковой Натальи Владимировны, Горбатка Константина Леонидовича и других на нарушение их конституционных прав положениями статей 112, 376 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статей 1, 3 и 4 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации». – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Амосовой, Т. Т. Васильевой, К. Н. Жестковой и других» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 14. – Ст. 1734.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 г. № 1460-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукашина Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 1468-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Минакова Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 403 и части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1616-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Локотковой Ирины Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 2. – Ст. 398.

20. Определение Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2012 г. № 662-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Председателя Следственного комитета Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 6. – С. 104–106.

21. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 1. – С. 71–80.

22. Определение Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2013 г. № 131-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алиева Феликса Магомедалиевича на нарушение его конституционных прав отдельными положениями статей 108 и 152 УПК Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 5. – С. 117–121.

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 28. – Ст. 3881.

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй. 1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 13. – Ст. 1526.

3. Монографии, учебники, пособия и комментарии

1. Авдюков, М. Г. Судебное решение / М. Г. Авдюков. – М. : Госюриздат, 1959. – 191 с.

2. Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. II / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – 360 с.

3. Алиев, Т. Т. Производство по вновь открывшимся обстоятельствам в гражданском судопроизводстве / Т. Т. Алиев. – М. : А-Приор, 2007. – 192 с.
4. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н. А. Колоколова. – М. : Юрист, 2011. – 188 с.
5. Багаутдинов, Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф. Н. Багаутдинов. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 544 с.
6. Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное правописание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Изд. 2-е, доп. – М. : ООО ИД «Право и государство», 2005. – 544 с.
7. Безруков, А. М. Преюдициальная связь судебных актов / А. М. Безруков. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 144 с.
8. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
9. Будников, В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве / В. Л. Будников. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 144 с.
10. Власенко, Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании : монография / Н. А. Власенко. – М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : ИНФРА-М, 2015. – 157 с.
11. Грошевой, Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю. М. Грошевой. – Харьков : Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. – 144 с.
12. Гурвич, М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу / М. А. Гурвич. – М. : ВЮЗИ, 1950. – 199 с.
13. Гурвич, М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы / М. А. Гурвич. – М. : Юрид. лит., 1976. – 176 с.
14. Дорошков, В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности / В. В. Дорошков. – М. : Норма, 2004. – 320 с.
15. Дюрягин, И. Я. Применение норм советского права / И. Я. Дюрягин. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1973. – 168 с.
16. Жидкова, Е. И. Формирование пределов производства по делу в досудебных стадиях уголовного процесса : монография / Е. И. Жидкова. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 152 с.
17. Завадская, Л. Н. Механизм реализации права / Л. Н. Завадская. – М. : Наука, 1992. – 288 с.

18. Завадская, Л. Н. Реализация судебных решений / Л. Н. Завадская. – М. : Наука, 1982. – 141 с.
19. Заворотько, П. П. Процессуальные гарантии исполнения судебного решения / П. П. Заворотько. – М. : Юрид. лит., 1974. – 360 с.
20. Зейдер, Н. Б. Судебное заседание и судебное решение в советском гражданском процессе : учеб. пособие / Н. Б. Зейдер. – Саратов : Сарат. юрид. ин-т им. Д. И. Курского, 1959. – 97 с.
21. Зейдер, Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н. Б. Зейдер. – М. : Юрид. лит., 1966. – 189 с.
22. Изварина, А. Ф. Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования : монография / А. Ф. Изварина. – М. : Проспект, 2014. – 304 с.
23. Калинкина, Л. Д. Повторное производство в российском уголовном процессе : монография / Л. Д. Калинкина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2010. – 304 с.
24. Кац, С. Ю. Судебный надзор в гражданском судопроизводстве / С. Ю. Кац. – М. : Юрид. лит., 1980. – 208 с.
25. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. – Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2012. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. И. Л. Петрухин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2001. – 696 с.
27. Куцова, Э. Ф. Приговор / Э. Ф. Куцова ; отв. ред. Д. С. Кареев. – М. : Госюриздат, 1962. – 40 с.
28. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы / П. А. Лупинская. – М. : Юрид. лит., 1976. – 168 с.
29. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика / П. А. Лупинская. – М. : Юристь, 2006. – 174 с.
30. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика / П. А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. – 240 с.
31. Малько, А. В. Теория правовой политики : монография / А. В. Малько. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
32. Мерзлякова, М. В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора / М. В. Мерзлякова, А. Д. Прошляков. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 176 с.

33. Мурадян, Э. М. Истина как проблема судебного права / Э. М. Мурадян. – М. : Былина, 2002. – 287 с.
34. Мурадян, Э. М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов) : монография / Э. М. Мурадян. – М. : ТК Велби : Проспект, 2003. – 128 с.
35. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. – М. : Спарк, 2002. – 991 с.
36. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. д-ра юрид. наук, проф., Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева. – М. : Норма, 2004. – 448 с.
37. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.
38. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. Соч. сенатора Н. Буцковского. – СПб., 1874. – С. 1–218.
39. Перлов, И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе / И. Д. Перлов. – М. : Юрид. лит., 1974. – 256 с.
40. Перлов, И. Д. Приговор в советском уголовном процессе / И. Д. Перлов. – М. : Госюриздат, 1960. – 261 с.
41. Петрухин, И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография / И. Л. Петрухин. – М. : Проспект, 2009. – 192 с.
42. Петрухин, И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. I / И. Л. Петрухин. – М. : ТК Велби, 2004. – 224 с.
43. Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор / общ. ред. А. Ф. Лосева [и др.]. – М. : Мысль, 1999. – 864 с.
44. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – 6-е изд., стереотип. – М. : Статут, 2013. – 351 с.
45. Полянский, Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н. Н. Полянский ; под ред. Д. С. Карева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 272 с.
46. Потапов, В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : монография / В. Д. Потапов ; под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ О. А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 376 с.
47. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / [Н. И. Матузов, А. В. Малько, К. А. Струсь и др.]; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько ; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». – Саратов : Изд-во Сарат. гос. академии права, 2010. – 704 с.

48. Проверка судебных решений в социалистическом гражданском процессе. – М. : Наука, 1989. – 304 с.
49. Рахунов, Р. Д. Пересмотр приговоров и определений в президиумах судов / Р. Д. Рахунов. – М. : Госюриздат, 1956. – 132 с.
50. Ривлин, А. Л. Пересмотр приговоров в СССР / А. Л. Ривлин. – М. : Госюриздат, 1958. – 312 с.
51. Рудковский, В. А. Правовая политика и осуществление права : монография / В. А. Рудковский ; под ред. Н. Н. Вопленко. – Волгоград : ВА МВД России, 2009. – 336 с.
52. Савицкий, В. М. Уголовный процесс : слов.-справ. / В. М. Савицкий, А. М. Ларин. – М. : КОНТРАКТ : ИНФРА-М, 1999. – 271 с.
53. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1977 гг.) / гл. ред. Е. А. Смоленцев. – М. : Известия, 1978. – Ч. 2. – 528 с.
54. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.) / под общ. ред. В. И. Теребилова. – М. : Известия, 1987. – 1040 с.
55. Словарь латинских юридических афоризмов / сост. Ю. А. Кузнецова. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. академии права, 2009. – 76 с.
56. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Смирнов, К. Б. Калининский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2012. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
57. Смирнов, А. В. Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калининский. – СПб. : Питер, 2005. – 272 с.
58. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авторов ; под ред. д-ра юрид. наук Т. Г. Морщаковой. – М. : Мысль, 2012. – 584 с.
59. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1970. – Т. II. – 516 с.
60. Строгович, М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров / М. С. Строгович. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 319 с.
61. Строгович, М. С. Уголовный процесс : учеб. для юрид. ин-тов и фак. / М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. – 512 с.
62. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Часть вторая. – 2-е доп. изд. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. – 523 с.
63. Султанов, А. Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика / А. Р. Султанов. – М. : Статут, 2012. – 335 с.

64. Телегина, В. А. Этика судьи : учеб. пособие / В. А. Телегина ; под ред. А. Ф. Соколова. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. академии права, 2008. – 68 с.
65. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции : монография / под ред. д-ра юрид. наук Н. А. Колоколова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 496 с.
66. Тетерин, Б. С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе / Б. С. Тетерин. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – 116 с.
67. Туганов, Ю. Н. Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам в практике судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций : монография / Ю. Н. Туганов, В. К. Аулов, Е. А. Карикова. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 168 с.
68. Уголовный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. проф. А. П. Кругликов. – М. : Проспект, 2010. – 736 с.
69. Устав уголовного судопроизводства для Германской империи с законом о введении его в действие 1 февраля 1877 г. / пер. И. Соболева. – СПб. : Тип. и хромолитография А. Траншеля, 1878. – 120 с.
70. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Альфа, 1996. – Т. II. – 606 с.
71. Цыпкин, А. Л. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора / А. Л. Цыпкин. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1965. – 152 с.
72. Чельцов-Бебутов, М. А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб. : Равенна : Альфа, 1995. – 846 с.
73. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – 2-е изд., перераб. – М. : Госюриздат, 1951. – 510 с.
74. Чельцов, М. А. Уголовный процесс / М. А. Чельцов. – М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. – 623 с.
75. Юдельсон, К. С. Советский гражданский процесс / К. С. Юдельсон. – М. : Госюриздат, 1956. – 433 с.
76. Code d'instruction criminelle et Code pénal. – Paris : Libraire Dalloz, 1912. – 635 p.

4. Статьи в периодических изданиях и сборниках

1. Алиев, М. Пути усовершенствования порядка рассмотрения надзорных жалоб и представлений / М. Алиев // Российская юстиция. – 2004. – № 4. – С. 59–60.

2. Алиев, Т. Т. Принцип презумпции истинности приговора, вступившего в законную силу / Т. Т. Алиев, В. О. Белоносов, Н. А. Громов // Российский судья. – 2003. – № 7. – С. 18–24.
3. Анишина, В. И. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе / В. И. Анишина, Т. Н. Назаренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 2. – С. 40–47.
4. Аширбекова, М. Т. Влияние принципа правовой определенности на построение систем судебно-проверочного производства УУС и УПК РФ / М. Т. Аширбекова // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 3. – С. 6–10.
5. Аширбекова, М. Т. Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности / М. Т. Аширбекова, А. С. Омарова // Российская юстиция. – 2012. – № 6. – С. 61–63.
6. Баринов, А. Б. Возможность применения судебных решений по гражданским делам в уголовном процессе / А. Б. Баринов // Уголовный процесс. – 2011. – № 8. – С. 38–43.
7. Бобылев, М. В чью пользу состязательность в уголовном процессе? / М. Бобылев // Законность. – 2003. – № 11. – С. 28–29.
8. Бойков, А. Д. Жертвы преступности / А. Д. Бойков // Мировой судья. – 2006. – № 10. – С. 23–26.
9. Бруницын, Л. Оглашение мотивировочной части приговора: необходимость, традиция или юридический атавизм? / Л. Бруницын // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 58–62.
10. Вишневский, Г. А. Действие принципа *res judicata* как необходимое условие обеспечения справедливости / Г. А. Вишневский // Современное право. – 2013. – № 11. – С. 76–83.
11. Власенко, Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Н. А. Власенко // Журнал российского права. – 2013. – № 2. – С. 32–44.
12. Воронин, В. В. Последствия установления неопровержимой преюдиции для судебной практики / В. В. Воронин // Уголовный процесс. – 2010. – № 3. – С. 4–6.
13. Вырастайкин, В. Восстановить право потерпевшего на надзорную жалобу / В. Вырастайкин // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 50.
14. Гаврик, Р. А. К вопросу о неизменности судебного решения / Р. А. Гаврик // Тенденции развития гражданского процессуального права и арбитражного процесса : материалы ст. и тез. Всерос. науч.-практ. конф., 15 мая 2008 г. / отв. ред. В. А. Гавриленко. – В. Новгород, 2008. – С. 11–15.

15. Головкин, Л. В. «В ходе реформы судебных инстанций можно исправить ошибки в построении проверочных стадий» / Л. В. Головкин // Уголовный процесс. – 2013. – № 12. – С. 32–40.
16. Громов, Н. А. Суды, осуществляющие возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам / Н. А. Громов // Проблемы реализации судебной реформы в России : сб. науч. ст. Вып. 1. – Саратов, 1998. – С. 124–135.
17. Громов, Н. Законная сила приговора / Н. Громов, В. Конев, В. Николаиченко // Российская юстиция. – 1998. – № 1. – С. 13–14.
18. Громов, Н. Нужна надежная система проверки судебных решений / Н. Громов // Российская юстиция. – 1995. – № 2. – С. 45.
19. Давыдов, В. А. Запрет на повторное обращение в кассацию не согласуется с позициями Конституционного Суда РФ / В. А. Давыдов // Уголовный процесс. – 2013. – № 9. – С. 52–56.
20. Демидов, В. Обеспечить положение потерпевшего реальными правами / В. Демидов // Российская юстиция. – 2003. – № 11. – С. 20–21.
21. Дикарев, И. С. Механизмы обеспечения единства судебной практики в уголовном процессе / И. С. Дикарев // Власть. – 2011. – № 8. – С. 148–151.
22. Дикарев, И. С. Об основаниях пересмотра приговоров, определенных и постановлений суда в кассационном и надзорном порядке / И. С. Дикарев // Российская юстиция. – 2014. – № 3. – С. 35–37.
23. Дикарев, И. Преюдициальность судебных решений в уголовном процессе / И. Дикарев // Законность. – 2014. – № 10. – С. 51–53.
24. Дикарев, И. С. Реализация общепризнанного принципа *non bis in idem* в российском уголовном процессе / И. С. Дикарев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2013. – № 1. – С. 100–104.
25. Дикарев, И. С. Спорные вопросы преюдиции в уголовном процессе / И. С. Дикарев // Мировой судья. – 2011. – № 2. – С. 27–31.
26. Дорохов, В. Я. Законная сила приговора в советском уголовном процессе / В. Я. Дорохов // Советское государство и право. – 1954. – № 6. – С. 80–86.
27. Егоров, А. Ю. Пересмотр вступившего в законную силу приговора в свете международно-правовых и конституционных принципов / А. Ю. Егоров // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международ. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. : в 2 ч. Ч. 1. – Екатеринбург, 2005. – С. 272–276.
28. Жемчужников, А. Незыблемость судебных решений перед кассационной практикой Сената / А. Жемчужников // Юридический вестник. – 1872. – Кн. 6–7. – С. 1–11.

29. Зорькин, В. Д. Верховенство права и встреча цивилизаций / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2008. – № 1. – С. 2–9.
30. Кадье, Л. Общие принципы французского гражданского процесса / Л. Кадье // Правоведение. – 2010. – № 2. – С. 16–49.
31. Касаткина, С. А. Особый порядок судебного разбирательства / С. А. Касаткина // Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001–2011 гг. : сб. науч. ст. / под ред. И. Б. Михайловской. – М., 2014. – С. 74–92.
32. Кехлеров, С. Судебный надзор: за и против / С. Кехлеров // Законность. – 2005. – № 5. – С. 2–7.
33. Ковтун, Н. Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту / Н. Н. Ковтун // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 3. – С. 3–9.
34. Ковтун, Н. Н. Кассационное производство: насколько оправданы лапидарные разъяснения пленума / Н. Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 2. – С. 26–30.
35. Ковтун, Н. Н. Нужен ли возврат к ревизионному началу в кассационном и надзорном производстве? / Н. Н. Ковтун // Журнал российского права. – 2002. – № 12. – С. 68–74.
36. Ковтун, Н. Н. Основные начала проверки судебных решений в уголовном процессе России – стереотипизация правовых установок / Н. Н. Ковтун // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 219–225.
37. Ковтун, Н. Н. Производство в суде надзорной инстанции: вопросов больше, чем ответов / Н. Н. Ковтун, А. С. Подшибякин // Российский судья. – 2002. – № 9. – С. 15–22.
38. Ковтун, Н. Н. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека / Н. Н. Ковтун, Д. М. Шунаев // Российский судья. – 2014. – № 9. – С. 38–42.
39. Козлова, М. Ю. Принцип правовой определенности (на примере антимонопольного законодательства) / М. Ю. Козлова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2011. – № 2 (15). – С. 108–112.
40. Колмаков, П. О влиянии оснований отмены и изменения судебных решений на вывод о повторности надзорных жалобы или представления / П. Колмаков, И. Обухов // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 86–90.
41. Корнуков, В. М. Дифференциация и дифференцированные формы осуществления правосудия с позиции принципов уголовного судопроизводства

производства и обеспечения прав личности / В. М. Корнуков // Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве : сб. науч. ст., посвящ. памяти проф. В. А. Познанского. – Саратов, 2010. – С. 14–23.

42. Крашенинников, П. А. Новое уголовное судопроизводство – надежная система гарантий прав граждан / П. А. Крашенинников, Е. Б. Мизулина // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации со всеми приложениями (официальный текст от 18 декабря 2001 г.). Профессиональный комментарий Кодекса по главам авторского коллектива ученых под руководством В. И. Радченко, В. П. Кашепова, А. С. Михлина. – М., 2002. – С. 3–13.

43. Куприянов, Ф. А. Преюдиция как инструмент манипулирования в уголовном процессе / Ф. А. Куприянов // Уголовный процесс. – 2011. – № 8. – С. 34–38.

44. Лукайдес, Лукис Г. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод) / Лукис Г. Лукайдес // Российская юстиция. – 2004. – № 2. – С. 8–20.

45. Масаладжиу, Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе / Р. Масаладжиу // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 8. – С. 10–13.

46. Мачинский, В. Конституция и УПК: коллизии законов / В. Мачинский // Законность. – 2005. – № 6. – С. 5–7.

47. Митин, Н. Недопустимость поворота к худшему / Н. Митин // Законность. – 2004. – № 11. – С. 51–52.

48. Нешатаева, Т. Н. Соответствовать требованиям европейских стандартов / Т. Н. Нешатаева // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сб. науч. ст. – СПб., 2004. – С. 78–84.

49. Никитина, Л. В. Справедливость решений суда второй и надзорной инстанций / Л. В. Никитина // Вестник СГАП. – 2005. – № 3. – С. 44–47.

50. Османов, Т. С. Процессуальный порядок рассмотрения надзорной жалобы (представления) по УПК РФ / Т. С. Османов // Российский судья. – 2005. – № 2. – С. 25–29.

51. Павлов, В. И. К вопросу о стабильности законодательства / В. И. Павлов // Актуальные проблемы юридической науки : материалы Респ. науч.-практ. конф., г. Могилев, 18 мая 2012 г. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2012. – С. 310–313.

52. Петрухин, И. Л. О независимости и самостоятельности органов уголовного судопроизводства / И. Л. Петрухин // Актуальные проблемы советского уголовного процесса : межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1987. – С. 10–17.
53. Плашевская, А. А. Понимание категории «правовая определенность» применительно к уголовному судопроизводству в решениях Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации / А. А. Плашевская // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., 22 марта 2013 г. / сост. К. Б. Калиновский, Т. В. Соколов. – СПб., 2013. – С. 131–139.
54. Потапов, В. Д. Право заинтересованных лиц на рассмотрение по существу повторных жалоб в суд вышестоящей инстанции / В. Д. Потапов // Российский следователь. – 2012. – № 17. – С. 9–11.
55. Приходько, И. А. Пересмотр неправосудного судебного акта в производстве по вновь открывшимся обстоятельствам / И. А. Приходько // Закон. – 2008. – № 6. – С. 113–122.
56. Разинкина, А. Проблемы правовой регламентации процедур пересмотра судебных актов в апелляционном и кассационном порядке / А. Разинкина // Законность. – 2013. – № 9. – С. 7–10.
57. Рекомендации участников Всероссийской научно-практической конференции «Права человека в России и правозащитная деятельность государства», г. Москва, 12 мая 2003 г. // Законность. – 2003. – № 7. – С. 59–63.
58. Рехтина, И. В. Правовая определенность (*res judicata*) в истории права Древнего Рима / И. В. Рехтина // История государства и права. – 2011. – № 22. – С. 43–47.
59. Рукавишникова (Плашевская), А. А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке / А. А. Рукавишникова (Плашевская) // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 3 (13). – С. 70–83.
60. Рукавишникова, А. А. Соотношение приговора, вступившего в законную силу, и окончательного приговора в уголовном процессе / А. А. Рукавишникова // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 1. – С. 98–102.
61. Сахнова, Т. В. Законная сила как атрибут правосудия // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сб. науч. ст. / Т. В. Сахнова. – СПб., 2008. – С. 98–117.

62. Синенко, В. С. Некоторые аспекты принципа правовой определенности в гражданском процессуальном праве / В. С. Синенко // Новая правовая мысль. – 2013. – № 1. – С. 114–119.
63. Скобелев, В. П. Понятие и содержание законной силы судебного решения / В. П. Скобелев // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сб. науч. ст. – СПб., 2008. – С. 452–469.
64. Смбалян, А. С. Принцип *res judicata* в международном публичном праве: современное прочтение / А. С. Смбалян // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 1. – С. 2–5.
65. Смоленцев, Е. Повышать уровень работы судов надзорной инстанции / Е. Смоленцев // Социалистическая законность. – 1985. – № 11. – С. 3–6.
66. Терехин, В. Судебные процедуры в уголовном процессе: некоторые проблемы правового регулирования / В. Терехин // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 69–71.
67. Тилле, А. А. Презумпция знания законов / А. А. Тилле // Правоведение. – 1969. – № 3. – С. 34–39.
68. Цепкова, Т. М. Соотношение законной силы судебного решения и принципа *res judicata* в свете постановлений Европейского Суда по правам человека / Т. М. Цепкова, М. С. Борисов // Российская юстиция. – 2010. – № 8. – С. 52–55.
69. Чечина, Н. А. Норма права и судебное решение / Н. А. Чечина // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2002–2003. – № 2. – С. 656–721.
70. Шамардин, А. А. К вопросу о формах осуществления судебной власти / А. А. Шамардин // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. : в 2 ч. Ч. 2. – Екатеринбург, 2005. – С. 397–403.
71. Шинелева, Т. Безусловный запрет поворота к худшему ущемляет права потерпевших / Т. Шинелева // Законность. – 2004. – № 7. – С. 42–44.
72. Щерба, С. Новый закон о преюдиции в уголовном процессе: сущность и значение / С. Щерба, И. Чащина // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 103–109.
73. Яковлев, Н. М. Ограничение прав потерпевших на свободный доступ к правосудию / Н. М. Яковлев // Журнал российского права. – 2005. – № 5. – С. 71–79.
74. Ярцев, Р. В. Надзорное производство в контексте принципа правовой определенности / Р. В. Ярцев, Н. А. Гордеева // Уголовный процесс. – 2008. – № 4. – С. 43–55.

5. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Альшевский, Т. В. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Альшевский Тимофей Васильевич. – М., 1955. – 19 с.
2. Банин, В. А. Основные теоретические и практические вопросы надзорного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Банин Владислав Анатольевич. – Свердловск, 1966. – 20 с.
3. Борисов, М. С. Теоретические и практические проблемы законной силы судебного решения : дис. ... канд. юрид. наук / Борисов Максим Сергеевич. – Саратов, 2010. – 200 с.
4. Бунина, А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Бунина Анна Викторовна. – Челябинск, 2005. – 26 с.
5. Бутов, В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Бутов Валерий Николаевич. – Свердловск, 1975. – 20 с.
6. Вершинин, В. Б. Судебная защита как комплексный институт российского права : дис. ... канд. юрид. наук / Вершинин Вадим Борисович. – Пенза, 2011. – 224 с.
7. Вилдерс, Я. А. Стабильность приговора и эффективность правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Вилдерс Янис Августович. – Л., 1981. – 27 с.
8. Гай, О. Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Гай Ольга Юрьевна. – Саратов, 1999. – 179 с.
9. Давыдов, В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Давыдов Владимир Александрович. – М., 2011. – 47 с.
10. Заржицкая, Л. С. Место и роль преюдиций в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Заржицкая Лилия Сергеевна. – М., 2013. – 31 с.
11. Клинова, Е. В. Проявление законной силы судебного решения : дис. ... канд. юрид. наук / Клинова Екатерина Владимировна. – М., 2004. – 192 с.
12. Князев, А. А. Законная сила судебного решения : дис. ... канд. юрид. наук / Князев Алексей Александрович. – М., 2004. – 196 с.
13. Ковтун, Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России (понятие, сущность, формы) : дис. ... д-ра юрид. наук / Ковтун Николай Николаевич. – Н. Новгород, 2002. – 520 с.

14. Комиссаров, К. И. Теоретические основы судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Комиссаров Кузьма Иванович. – Свердловск, 1971. – 44 с.
15. Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Кухта Андрей Андреевич. – Н. Новгород, 2010. – 58 с.
16. Масленникова, Н. И. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Масленникова Нэнли Ивановна. – Свердловск, 1975. – 24 с.
17. Мерзлякова, М. В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мерзлякова Марина Викторовна. – Екатеринбург, 2008. – 28 с.
18. Назаренко, Т. Н. Неопределенность в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Назаренко Татьяна Николаевна. – М., 2006. – 23 с.
19. Пресняков, М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Пресняков Михаил Вячеславович. – Саратов, 2010. – 44 с.
20. Терехов, В. В. Границы законной силы судебного решения: территориальный и темпоральный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Терехов Виктор Васильевич. – Екатеринбург, 2014. – 34 с.
21. Шустер, Л. Г. Приговор советского суда и его законная сила : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Шустер Леонид Григорьевич. – М., 1954. – 14 с.

Для заметок

Научное издание

Дикарев Илья Степанович

**ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ
И ЗАКОННАЯ СИЛА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Монография

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы: *С.А. Астахова, Д.Н. Сафонова*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*
Дизайн обложки *Е.А. Ковалёвой*
Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 15.06 2015 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 10,0.
Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1—170 экз.).
Заказ . «С» 53.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
E-mail: izvolgu@volsu.ru